Юридическая Библіотека

347
С-87-г

№ 11

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

Проф. Н. С. Суворова.

15999

БИБЛІОТЕКА
Е.К.ДЕРЯГИНОЙ

Второе дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. Канторовича.

Юридическая Библіотека

Н.

№ 11

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

Проф. Н. С. Суворова.

БИБЛІОТЕКА
Е.К.ДЕРЯГИНОЙ
БЫВШ. ВИВЬЕНЪ

Второе дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Я. Канторовича.

Библиотека СОН
Академии Наук СССР
247
26

Дозволено цензурою. Спб. 17 мая 1896 г.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
247
26

«Центральная» Типо-Литогр. М. Я. Минкова Лигов., № 35.

ГРАЖДАНСКІЙ БРАКЪ

Предисловіе

Гражданскій бракъ означаетъ не безпорядочное незаконное сожитіе, которое у насъ нерѣдко называется «*гражданскимъ бракомъ*», а бракъ секуляризованный, бракъ законный съ точки зрѣнія свѣтскаго закона, регулируемый свѣтскимъ законодательствомъ, а не церковнымъ, и по соображеніямъ государственнаго интереса и порядка, а не церковнаго.

Учрежденіе гражданскаго брака развилось въ Западной Европѣ въ связи съ исторіей церковнаго заключенія браковъ, и въ особенности, что касается формы гражданскаго брака, можно сказать, что она прямо подготовлена была западнымъ каноническимъ правомъ; поэтому настоящій очеркъ не могъ обойтись безъ сжатаго изложенія исторіи церковнаго заключенія браковъ. Будучи порожденіемъ западно-европейской жизни, гражданскій бракъ, самъ по себѣ, успѣлъ уже пережить въ Западной Европѣ довольно продолжительную исторію, являясь въ разное время, въ разныхъ государствахъ, подъ разными видами. Прослѣдить главныя фазы въ историческомъ развитіи этого учрежденія и отмѣтить особенности типическія, а по возможности и второстепенныя, гражданскаго брака, существующаго время въ настоящее въ разныхъ государствахъ— такова главная задача этого очерка. А такъ какъ идея гражданскаго брака отразилась и на русскомъ законодательствѣ, то въ послѣдней главѣ очерка ведется рѣчь о гражданскомъ бракѣ въ Россіи.

Очеркъ въ цѣломъ представляетъ собою второе изданіе, исправленное и значительно дополненное, брошюры: «О гражданскомъ бракѣ», которая издана была тѣмъ же авторомъ въ 1887 г.

Главными литературными пособіями для автора служили:

Rossbach, Untersuchungen uber die romische Ehe, Stuttgart, 1853.

Pothier. Traité du contrat de mariage (Oeuvres, t. VI, Paris, 1846).

Friedberg, Das Recht der Eheschliessung, Leipzig, 1865 и его же Geschichte der Civilehe, 1872.

Sohm, Das Recht der Eheschlissung, Weimar, 1875.

Scheurl, Die Entwickellung des kirchlichen Eheschliessungsrechts, Erlangen, 1877.

Dieckhof, Die kirchliche Trauung, ihre Geschichte im Zusammenhange mit der Entwickelung des Eheschliessungsrechts und ihr Vérhaltniss zur Civilehe, Rostock, 1878.

(Главныя положенія Фридберга, Зома, Шейрля и Дикгофа, относящіяся къ исторіи церковнаго заключенія браковъ, изложены въ статьѣ Суворова: «Заключеніе брака въ западной Европѣ въ средніе вѣка» («Юрид. Вѣстн.» 1888, янв. и мартъ).

Fleiner, Die tridentinische Ehevorschrift, Leipzig, 1892.

Hirschel, Geschichte der Civilehe in Frankreich, Mainz, 1874.

Chachian, Du caractère et des conditions constitutives du mariage, Paris, 1875.

Sincholle, Le mariage civil et le mariage religieux, Poitiers, 1876.

Plasson, Le mariage civil et le divorce dans les principaux pays de l'Europe, Paris, 1879.

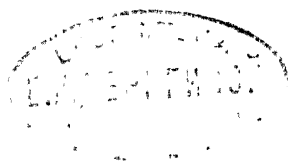
A. Gairal, Les premiers mariages civils en France (Revue catholique des institutions et du droit, vol. XIV).

Oettingen, Obligatorische und facultative Civilehe nach den Ergebnissen der Moralstatistik, Leipzig, 1881.

К. П. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права, т. II.

Т. И. Филипповъ, Современные церковные вопросы, Спб. 1882.

Проф. И. Нильскій, Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ, Спб. 1869



Введеніе.

У народовъ древности, въ дохристіанскія времена, вступленіе въ супружескій союзъ мужчины и женщины считалось настолько важнымъ и священнымъ событіемъ въ жизни человѣческой, что само божество непосредственно или черезъ посредство его служителей привлекалось къ участію въ заключеніи этого союза. Безъ совершенія разныхъ священныхъ формальностей, безъ религіозныхъ обрядовъ, безъ обращеній къ божеству въ той или другой формѣ, вступленіе въ брачный союзъ было дѣломъ необычнымъ. Это засвидѣтельствовано исторіей, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ культурныхъ народовъ, которые дѣлали исторію. Египтянинъ женился, призывая Изиду. Мидіецъ заключалъ бракъ предъ лицомъ солнца, которому онъ поклонялся. Персъ зажигалъ свои брачныи факелъ на священномъ огнѣ, которому воздавалъ божеское поклоненіе. Изъ обитателей греческаго Олимпа, далеко не безупречнаго въ нравственномъ отношеніи, самыя цѣломудренныя богини принимали подъ свое покровительство брачные союзы: аѳинянка не вступала на порогъ дома своего будущаго мужа, не принесши жертвы Палладѣ, а по словамъ Плутарха бракосочетаніе молодыхъ людей совершалось жрицей богини Деметеръ. Подобное же явленіе замѣчается и у тѣхъ народовъ, современный бытъ которыхъ представляетъ собою какъ бы окаменѣлость, образовавшуюся съ незапамятнаго

времени: у индусовъ, которые садятся въ брачныя носилки, освященныя браминомъ. у китайцевъ и японцевъ, отправляющихся для благословенія браковъ въ храмы и къ жертвенникамъ. Тоже самое оказалось, при открытіи Америки, у жителей Мексики и Перу.

У римлянъ брачные обряды были насквозь проникнуты религіознымъ элементомъ. Для патриціевъ религіозная форма заключенія браковъ предписывалась самимъ закономъ (подъ именемъ конфарреаціи). Плебеевъ римскіе законы не удостоивали этой религіозной формы, но это не мѣшало и плебеямъ, пока вообще религія держалась и цѣнилась въ римскомъ государствѣ, обставлять свои браки тѣми же самыми религіозными обрядами, какіе употребляемы были при бракахъ патрицейскихъ. Разница состояла лишь въ томъ развѣ, что въ заключеніи патрицейскихъ браковъ всегда обязательно участвовали государственные жрецы, тогда какъ при бракахъ плебейскихъ этого участія не было. Утро брачнаго дня должно было начинаться ауспиціями, т. е. священными гаданіями, которыя, смотря по примѣтамъ, хорошимъ или дурнымъ, должны были показать, соизволяютъ или не соизволяютъ боги на заключеніе предположеннаго брака. Въ случаѣ счастливаго исхода ауспицій, составлялся брачный контрактъ; женихъ и невѣста заявляли о своемъ взаимномъ согласіи на бракъ; сваха-распорядительница брака (pronuba) передавала ихъ другъ другу, соединяя правыя руки. Затѣмъ слѣдовало принесеніе жертвы новобрачными на домашнемъ жертвенникѣ. Въ этотъ моментъ прочитывалась—при патрицейскихъ бракахъ государственнымъ жрецомъ—установленная формула молитвы, и новобрачные, во время ея чтенія, обходили жертвенникъ кругомъ. Далѣе слѣдовалъ ужинъ—все еще въ домѣ невѣсты,—а послѣ ужина совершалось торжественное отведеніе невѣсты въ домъ

жениха. Впереди процессіи несли факелъ изъ священнаго дерева въ честь Цереры. Прежде чѣмъ вступить внутрь дома между новобрачными происходилъ слѣдующій выразительный разговоръ. Женихъ спрашивалъ: «кто ты такая?» Невѣста отвѣчала: «гдѣ ты Гай, тамъ я Гая», т. е. она уподобляла свое имя имени жениха и желала этимъ сказать, по объясненію Плутарха, слѣдующее: «гдѣ ты господинъ и хозяинъ, тамъ и я желаю быть госпожей и хозяйкой». За вступленіемъ въ домъ жениха слѣдовалъ религіозный обрядъ принятія жены мужемъ въ общеніе огня и воды. Жена должна была дотронуться до огня и воды—этихъ простѣйшихъ и священнѣйшихъ элементовъ природы, къ которымъ ей предстояло обращаться для принесенія домашнихъ жертвъ. Съ этого момента мужъ и жена должны были имѣть все общее, не исключая и домашнихъ боговъ мужа, которые дѣлались также и домашними богами жены. Богамъ этимъ молодая женщина приносила жертву на другой день, принимая первый визитъ своихъ родственниковъ.

Священныя книги евреевъ начинаются бытописаніемъ о сотвореніи міра, гдѣ, между прочимъ, повѣствуется, что Богъ сотворилъ человѣка по образу своему и по подобію, создалъ ему помощницу—жену, привелъ ее къ нему и благословилъ ихъ, т. е. Самъ сочеталъ ихъ бракомъ, давъ имъ благословеніе рости, множиться и наполнять землю (Быт. I, 28). Эта идея непосредственнаго Божьяго бракосочетанія съ чрезвычайною силою выражена въ разныхъ священныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта. Авраамъ, который, по Божіему повелѣнію, оставилъ свою родину и поселился въ землѣ ханаанской, когда пришло время женить сына Исаака, отправилъ своего раба—домоправителя за невѣстой для своего сына, взялъ съ него при этомъ торжественную клятву не ходить къ обитателямъ

ханаанской земли, а идти на оставленную имъ родину, и въ напутствіе сказалъ ему слѣдующее: «Іегова, Богъ неба, который взялъ меня изъ дома Отца моего и изъ земли мѣстожительства моего,—Богъ, который говорилъ со мною и поклялся мнѣ, что страна эта будетъ дана моимъ потомкамъ, пошлетъ ангела своего предъ тобою, чтобы оттуда ты взялъ жену моему сыну». Когда посланный достигъ родины Авраама. первымъ дѣломъ его была слѣдующая молитва Іеговѣ: «Богъ Авраама, господина моего, исполни желаніе мое и окажи милость господину моему. Вотъ я стою у колодца, въ это время дѣвицы выходятъ сюда изъ города черпать воду. Пусть та, которая, по моей просьбѣ, дастъ мнѣ напиться и кромѣ того сама предложитъ напоить и моихъ верблюдовъ,—пусть это и будетъ та самая, которую Ты предназначилъ рабу Твоему Исааку». Когда все случилось именно такъ, какъ желательно было, посланный Авраама палъ на землю и сказалъ: «да будетъ благословенъ Іегова, Богъ господина моего Авраама, не оставившій его своею милостію, поставившій меня на надлежащую дорогу и приведшій меня въ домъ родственниковъ господина моего, чтобы взять жену для его сына» (Быт. XXIV). Ветхозавѣтный пророкъ, объясняя, почему Богъ не принимаетъ благосклонно, а отвергаетъ жертвы и приношенія изъ рукъ своего народа, говоритъ: «потому, что Іегова былъ свидѣтелемъ между тобой и женою юности твоей, противъ которой ты поступаешь вѣроломно и безчестно, хотя она—товарищъ тебѣ и сопряженная жена» (Малах. II, 14). Или напр. Соломонъ, когда ему нужно указать на жену, нарушающую свой супружескій союзъ, говоритъ о ней, что она забываетъ о союзѣ Бога своего (Притч. II, 17).

Въ книгѣ «Товитъ», главное содержаніе которой составляетъ разсказъ о женитьбѣ молодого Товіи, заключеніе брака

описывается въ слѣдующихъ словахъ. Ангелъ, спутникъ и руководитель Товіи, сказалъ Рагуилу, отцу невѣсты: «не бойся отдать свою дочь этому юношѣ, потому что ему именно, боящемуся Бога, должна быть супругой твоя дочь, оттого-то никто раньше и не могъ получить ее въ жены». Рагуилъ отвѣтилъ: «не сомнѣваюсь, что Богъ внялъ моимъ молитвамъ и слезамъ, и вѣрю, что Онъ привелъ васъ ко мнѣ для бракосочетанія моей дочери...» Взявъ затѣмъ правую руку своей дочери Сары, Рагуилъ вложилъ ее въ правую руку Товіи и сказалъ: «Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова да будетъ съ вами и Самъ да сочетаетъ васъ и да исполнитъ на васъ благословеніе Свое» (Товит. VII).

Христіанскіе взгляды на бракъ не могли быть ниже еврейскихъ. Христосъ, почтившій Своимъ присутствіемъ и первымъ чудомъ брачное торжество въ Канѣ галилейской, при одномъ случаѣ напомнилъ фарисеямъ, что Богъ, сотворившій вначалѣ человѣка, сотворилъ мужа и жену и связалъ ихъ неразрывнымъ союзомъ, такъ что никто не можетъ разорвать того, что *Богъ сочеталъ* (Матѳ. XIX, 4—6). Апостолъ Христа, Павелъ, разсуждая о взаимныхъ обязанностяхъ мужей и женъ, поставилъ для отношеній супружескихъ идеальный образецъ въ союзѣ Христа съ церковью (Ефес. V. 22—33). Христосъ, искупивъ человѣчество своею кровью, обнаружилъ величайшее самоотверженіе и любовь для того, чтобы создать себѣ изъ человѣчества чистую, святую, омытую Его кровью церковь. На столько же самоотверженія, терпѣнія и любви должно быть и въ отношеніяхъ супружескихъ. Союзъ двухъ людей, изъ которыхъ каждый въ другомъ любитъ себя самого, который вдвоемъ составляютъ одно нераздѣльное существо, есть великая тайна, какъ велика тайна того союза, который существуетъ

между Христомъ и искупленною, питаемою и согрѣваемою Имъ церковью. Такова мысль, выраженная въ словахъ апостола.

Словами апостола вдохновлялись церковные ораторы и церковные мыслители, обращая вниманіе то болѣе на одну, то болѣе на другую черту супружества. Златоустъ въ своей бесѣдѣ о томъ, какихъ нужно выбирать женъ, указываетъ на непонятное, даже непостижимое для обыкновеннаго человѣческаго разумѣнія зарожденіе какой-то сверхъестественной любви, проникающей супружескій союзъ, и въ этой любви именно видитъ основаніе для сравненія его съ союзомъ между Христомъ и церковью. Какъ Ева произошла изъ ребра Адама, отъ плоти его и отъ костей его, такъ мы—церковь—произошли отъ ребра Христова, отъ Его плоти и отъ Его костей. По словамъ Евангелія, когда одинъ изъ солдатъ прокололъ копьемъ бокъ распятаго Христа, оттуда вышли кровь и вода,—и вотъ водою крещенія мы омываемся, а кровію питаемся. Жена создана изъ ребра Адама, когда онъ уснулъ: церковь создана изъ ребра Христа, когда онъ умеръ. И мужья, по слову апостола, должны такъ же любить своихъ женъ, какъ Христосъ возлюбилъ церковь. Не велика-ли въ самомъ дѣлѣ эта тайна?—восклицаетъ Златоустъ. Дѣвица въ первый разъ видитъ никогда невиданнаго ею прежде жениха и съ перваго же дня любитъ его, какъ свое собственное тѣло. Мужчина, который также раньше никогда не видѣлъ своей невѣсты и не говорилъ съ нею, съ перваго же дня предпочитаетъ ее всѣмъ прочимъ: друзьямъ, родственникамъ и даже родителямъ самимъ. Родители обыкновенно разстраиваются и раздражаются, когда что либо похищается изъ ихъ дома, и привлекаютъ похитителя къ суду; но тутъ человѣку, часто никогда не видѣнному и неизвѣстному, передаютъ вмѣстѣ съ дочерью и приданое и дѣлаютъ это съ полною готовностію,—не думаютъ

уже о понесенныхъ ими убыткахъ, не разстраиваются и не раздражаются, а напротивъ благодарятъ Бога и считаютъ для себя желательнымъ и пріятнымъ, если дочь ихъ уводится изъ дома не съ пустыми руками. Новый союзъ, устанавливающійся между молодыми людьми, получаетъ большую силу, большую крѣпость, чѣмъ прежняя долголѣтняя привычка къ родительскому дому. Вотъ почему апостолъ и замѣтилъ, что здѣсь дѣло не людей, а Бога, который внушаетъ людямъ столь сильныя стремленія любви, что бракъ празднуется съ одинаковою радостію и дающихъ, и принимающихъ. Вотъ почему и сказалъ онъ, что таина эта велика. Въ другихъ своихъ бесѣдахъ (на посланіе апостола Павла къ колоссянамъ), видя въ бракѣ равнымъ образомъ таинство любви, связующей двухъ лицъ разнаго пола въ одно существо, Златоустъ указываетъ и на то, что отъ этого соединенія двухъ лицъ въ одно существо происходитъ на свѣтъ новое человѣческое существо. Премудрость Божія, говоритъ Златоустъ, изъ одного сдѣлала двоихъ (создавъ жену изъ ребра Адама), а потомъ изъ двухъ сотворила и до сихъ поръ творитъ одного, такъ что и теперь человѣкъ рождается отъ одного, потому что мужъ и жена— не два человѣка, а одинъ человѣкъ. Такъ разсуждалъ величайшій церковный ораторъ.

Другой отецъ церкви, величайшій христіанскій мыслитель, Августинъ, всего болѣе поражался въ бракѣ его неразрывностію, нерасторжимостію. Есть что-то таинственное въ этомъ союзѣ,—говоритъ Августинъ въ своей книгѣ о благѣ супружескомъ («Liber de bono conjugali»). Супруги, хотя бы и оставили другъ друга, хотя бы и желали разорвать свой союзъ, остаются все таки супругами, если только смерть не разрѣшитъ этихъ узъ. Возможно, что, при заключеніи брака, супруги руководились желаніемъ имѣть дѣтей, но проходитъ

нѣсколько лѣтъ супружеской жизни, надежда имѣть дѣтей оказывается напрасною, а между тѣмъ супружескій союзъ продолжаетъ оставаться ненарушимымъ и неразрывнымъ. И такъ, по мнѣнію Августина, бракъ потому и есть таинство, что онъ нерасторжимъ; по этой именно сторонѣ и уподобляется союзъ супружескій союзу Христа съ церковью, ибо Христосъ и церковь не отдѣлимы на вѣки,—Онъ Самъ обѣщалъ пребывать съ нами до конца міра.

Ни Христосъ Самъ, ни апостолы не указали какой либо опредѣленной формы вступленія въ бракъ. Но если уже въ до-христіанскія времена человѣкъ призывалъ боговъ къ участію въ этомъ важнѣйшемъ событіи въ его жизни, то мыслимо ли и возможно ли было, чтобы христіанскіе браки оставались безъ религіознаго освященія и безъ церковнаго благословенія, при томъ высоко-идеальномъ значеніи, которое придано было брачному союзу въ христіанствѣ? Въ такое время въ особенности, когда каждый новый домъ, каждая болѣе или менѣе значительная частная сдѣлка, сборъ плодовъ и произведеній земли, получали церковное благословеніе, исключеніе браковъ изъ этого правила было бы необъяснимою аномаліей. Дѣйствительно уже первые христіанскіе писатели свидѣтельствуютъ, что, для вступленія христіанъ въ браки, установились разныя религіозныя формальности. Одинъ изъ древнѣйшихъ писателей, ученикъ апостольскій Игнатій, требуетъ, чтобы браки христіанъ были заключаемы съ вѣдома епископа, такъ чтобы они были браками въ Господѣ, а не браками по чувственной страсти (Посл. къ Полик.. гл. 5). Не заявить епископу о предполагающемся бракѣ — это значило прямо навлечь на себя подозрѣніе, что союзъ между данными лицами есть нѣчто недозволенное по какимъ либо причинамъ, напр. по причинѣ близкаго родства и т. п. Поэтому, другой древ-

ній христіанскій писатель, бывшій римскій юристъ, Тертулліанъ, говоритъ, что у христіанъ тайные браки, т. е. не заявленные предъ церковью, подвергаются опасности прослыть за безчестныя связи (О цѣломудр., гл. 4). Но заявленіемъ передъ епископомъ или передъ церковью дѣло заключенія брачнаго союза не исчерпывалось. а только начиналось. Тотъ же христіанскій писатель Тертулліанъ не находитъ достаточно словъ, чтобы изобразить блаженство того супружескаго союза, на который даетъ свое согласіе церковь, который скрѣпляется приношеніемъ жертвенныхъ даровъ, при которомъ свидѣтелями состоятъ ангелы, и который утверждается самимъ Отцомъ на небесахъ (Къ женѣ. кн. II гл. 8). Другими словами, христіанскіе женихъ и невѣста заявляли о своемъ желаніи вступить въ бракъ епископу, который давалъ имъ свое согласіе на бракъ. если въ немъ не было ничего предосудительнаго, затѣмъ являлись къ общественному богослуженію, приносили свои жертвенные дары, какъ это было въ обычаѣ у первыхъ христіанъ, вмѣстѣ причащались оба, какъ женихъ и невѣста. За общей же литургіей, къ общимъ молитвамъ присоединялась особая молитва за новобрачныхъ, которымъ за литургіей же давалось и благословеніе. Позднѣе составлено было нѣсколько особыхъ молитвъ за новобрачныхъ, введены были въ употребленіе вѣнцы, сначала изъ листьевъ масличнаго дерева, потомъ металлическіе, наконецъ составился цѣльный ритуалъ церковнаго браковѣнчанія, какъ особаго богослуженія.

И такъ, можно было бы ожидать, что у христіанскихъ народовъ еще съ большею силою, чѣмъ у нехристіанскихъ, заключеніе брака будетъ проникнуто религіозною идеей. И, однако, именно у народовъ христіанской цивилизаціи развилось учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ гражданскаго брака, т. е. брака секуляризованнаго, принципіально отрѣ-

шеннаго отъ связи съ религіей и церковью, проникнутаго идеями свѣтскаго права, а не религіозными началами.

Сужденія объ этомъ учрежденіи высказываются различныя, даже діаметрально-противоположныя. По мнѣнію однихъ гражданскій бракъ есть успѣхъ человѣческой культуры, завоеваніе человѣческаго ума, несомнѣнный показатель прогресса въ исторіи человѣчества, даже признакъ христіанской цивилизаціи По мнѣнію другихъ, напротивъ, гражданскій бракъ есть кощунственная пародія на бракъ, гдѣ нѣтъ ни одного слова о Богѣ и церкви, гдѣ нѣтъ ни одного священнаго предмета или символа, которые могли бы возбудить въ человѣкѣ религіозное настроеніе! Здѣсь буквально человѣкъ заступаетъ мѣсто Бога и алтарь священника замѣняется сукномъ чиновника. Гражданскій бракъ, говорятъ, означаетъ гибель религіи и церкви, разрушеніе христіанскаго характера брака и семьи, оборваніе одной изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ связей между церковью и народною жизнью. Гражданскій бракъ ведетъ къ религіозному индифферентизму, подкапывается подъ основы государства; онъ есть не что иное, какъ нападеніе на народную нравственность и покровительство современному язычеству. Гражданскій бракъ, говорятъ наконецъ, есть чудовищное покушеніе на индивидуальную человѣческую свободу, это—прокустово ложе, на которомъ совѣсти человѣческія растягиваются до размѣровъ революціоннаго атеизма. Такова противоположность сужденій.

Для вѣрной и безпристрастной оцѣнки такого учрежденія, какъ гражданскій бракъ, нужно, конечно, привести въ ясность явленія современной жизни на которыхъ отражается его полезное или вредное вліяніе; но вообще трудно бываетъ сдѣлать вѣрную оцѣнку какого нибудь учрежденія, не приводя себѣ въ ясность историческихъ причинъ, вызвавшихъ это

учрежденіе. Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ христіанскомъ мірѣ, въ государствахъ христіанской цивилизаціи явился гражданскій бракъ, хотя, по свидѣтельству древнѣйшихъ христіанскихъ писателей, уже первые христіане считали своею обязанностію обращаться къ церкви за благословеніемъ своихъ браковъ? Причинъ было нѣсколько.

Начнемъ, однако, не съ тѣхъ непосредственныхъ причинъ, которыми было вызвано учрежденіе гражданскаго брака въ Западной Европѣ, а съ тѣхъ обстоятельствъ, которыми было подготовлено это учрежденіе.

ГЛАВА I.

Исторія заключенія брака въ христіанской римской имперіи и на западѣ въ средніе вѣка.

Христіане первыхъ вѣковъ смотрѣли на церковное благословеніе браковъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія, подобно тому, какъ древніе римляне религіозное только значеніе могли придавать разнымъ религіознымъ обрядамъ, по обычаю практиковавшимся при заключеніи браковъ.

Церковное благословеніе браковъ, само по себѣ, не есть способъ вступленія въ бракъ, или заключенія брачнаго союза. Если набожный христіанинъ, выстроивъ новый домъ, не переходитъ въ него на жительство, не испросивъ прежде благословенія Божія посредствомъ молебствія, то все таки нельзя сказать, чтобы молебствіе было тѣмъ самымъ актомъ, въ силу котораго устроенъ новый домъ. Съ такой же точки зрѣнія смотрѣли древніе христіане и на брачное благословеніе. Чтобы *законность* брака поставить въ зависимость отъ совершенія церковнаго обряда, для этого требовалось изданіе государственнаго закона, который бы постановилъ, что бракъ, въ какой либо другой формѣ, кромѣ церковнаго вѣнчанія, не будетъ имѣть законной силы. А этого-то закона не издали и не могли издать христіанскіе императоры, непосредственно послѣ того, какъ христіанство сдѣлалось государственною религіей римской имперіи. Уже ко времени распространенія

христіанства въ римской имперіи, древнеримскіе религіозные обряды, благодаря паденію религіи и нравственности, перестали составлять общенародную потребность. А что касается закона, то законъ и раньше требовалъ обязательной религіозной формы заключенія браковъ только отъ патриціевъ. Въ императорскія времена, по словамъ Гая, эта форма имѣла мѣсто только при бракахъ жрецовъ Юпитера, да и то, по свидѣтельству Тацита, въ царствованіе Тиберія, съ трудомъ могли отыскать трехъ патриціевъ, произшедшихъ отъ религіозныхъ патрицейскихъ браковъ, съ тѣмъ, чтобы можно было изъ этихъ трехъ, слѣдуя обычаю, выбрать жреца Юпитерова. По отношенію же къ массѣ населенія, римскій законъ не требовалъ никакихъ формальностей при заключеніи браковъ: требовалось только, чтобы взаимное согласіе жениха и невѣсты было ясно выражено: выраженіемъ этого взаимнаго согласія и основывался бракъ, какъ юридически-законный союзъ (consensus facit nuptias— согласіе творитъ бракъ,—говорило римское право); разные же обычаи, въ томъ числѣ и религіозные обряды, которыми по обычаю могло быть обставлено заключеніе браковъ, юридическаго значенія не имѣли. Когда, со времени Константина Великаго, цѣлыя массы населенія хлынули въ церковь, даже епископамъ сдѣлалось невозможнымъ слѣдить за каждою, вступающею въ бракъ, парой, какъ это было возможно въ первоначальныхъ немноголюдныхъ христіанскихъ общинахъ, изъ которыхъ каждая имѣла своего епископа. Тѣмъ менѣе императоръ могъ разсчитывать на то, чтобы населеніе, привыкшее не стѣсняться законными формальностями при вступленіи въ браки, сразу же подчинилось требованію закона — соблюдать ту или другую формальность, хотя бы это было и церковное вѣнчаніе. Законы христіанскихъ императоровъ долгое время вполнѣ со-

гласовались съ древнимъ римскимъ правомъ. Такъ, въ V столѣтіи (428 г.) Ѳеодосій и Валентиніанъ опредѣлили, что если, при заключеніи брака, не было составлено никакихъ брачныхъ документовъ (о приданомъ и о брачномъ дарѣ) и не было никакой свадебной помпы и вообще какихъ либо брачныхъ формальностей, то самое фактическое сожитіе двухъ свободнорожденныхъ лицъ (предполагая, что никакихъ законныхъ препятствій къ браку между ними нѣтъ), подтверждаемое обоюднымъ согласіемъ сожительствующихъ лицъ и свидѣтельствомъ друзей, разсматривается какъ брачное сожитіе, и дѣти отъ такого сожитія признаются законными. Позднѣе Юстиніанъ, включившій въ свой кодексъ приведенный законъ Ѳеодосія и Валентиніана, въ своихъ новеллахъ установилъ нѣкоторыя обязательныя формальности для устраненія сомнѣній и споровъ относительно того, былъ-ли заключенъ бракъ, и въ какой именно моментъ былъ заключенъ. Въ новеллѣ LXXIV предписано было лицамъ высшихъ классовъ заключать браки не иначе, какъ съ составленіемъ письменныхъ документовъ о приданомъ и брачномъ дарѣ,—лицамъ среднихъ классовъ, въ случаѣ нежеланія ихъ составлять означенные документы, предписано являться къ церковному адвокату или экдику (на которомъ лежала защита интересовъ церкви на судѣ), и адвокатъ, съ привлеченіемъ трехъ или четырехъ духовныхъ лицъ, состоящихъ при данномъ храмѣ, долженъ былъ составить письменный документъ, удостовѣряющій, что такого-то года мѣсяца и числа, въ такой-то годъ царствованія настоящаго императора, при такомъ-то консулѣ, такіе-то являлись къ нему, адвокату, и вступили въ брачный союзъ,—наконецъ, лицамъ небогатымъ и изъ низшихъ классовъ дозволено заключать браки безъ всякихъ письменныхъ и иныхъ формальностей. Ясно, что законодатель не имѣлъ въ виду предписать заклю-

ченіе браковъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія, такъ какъ даже и для лицъ средней категоріи явка въ храмъ предписывалась не для церковнаго вѣнчанія, а для составленія нотаріальнаго акта. Позднѣе, въ CXVII-й новеллѣ Юстиніанъ даже и совсѣмъ опускаетъ эту среднюю категорію и говоритъ только о лицахъ высшихъ классовъ, обязанныхъ заключать браки съ составленіемъ документовъ о приданомъ, приносимомъ невѣстой жениху, и о брачномъ дарѣ, устанавливаемомъ женихомъ въ пользу невѣсты (замѣчая притомъ же, что союзъ тѣхъ, которые раньше изданія этого закона, заключили бракъ однимъ лишь соглашеніемъ—sola affectione—долженъ оставаться юридически дѣйствительнымъ), и о лицахъ остальныхъ классовъ, бракъ которыхъ, если они не хотятъ или не могутъ составлять означенные документы, долженъ пріобрѣтать законную силу вслѣдствіе одного лишь соглашенія. Даже и въ болѣе позднее время, въ VIII столѣтіи, императоры Левъ и Константинъ указали богатымъ людямъ заключать брачный союзъ составленіемъ письменныхъ условій о приданомъ и проч., а людямъ небогатымъ предоставили вступать въ браки или при свидѣтеляхъ, *или же и посредствомъ церковнаго благословенія* (Еклог. II, 8). Въ древнѣйшихъ вѣнчальныхъ уставахъ или чинопослѣдованіяхъ, ритуалахъ, нѣтъ тѣхъ вопросовъ со стороны священника и тѣхъ словъ со стороны жениха и невѣсты, въ которыхъ выражается ихъ взаимное согласіе на бракъ, — ясное доказательство, что и церковь смотрѣла на вѣнчаніе, только какъ на благословеніе, какъ на религіозное освященіе, а не какъ на такой актъ, которымъ основывается или посредствомъ котораго заключается брачный союзъ. Однако, не поддерживаемый государственнымъ закономъ, а поощряемый и требуемый церковью одною, христіанскій обычай освящать вступленіе въ брачный союзъ церковнымъ

благословеніемъ настолько укоренился и распространился съ теченіемъ времени, что въ концѣ IX столѣтія (около 893 г.) императоръ Левъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Мудраго, предписалъ государственнымъ закономъ вступать въ браки не иначе, какъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія, такъ что бракъ, заключенный въ какой либо другой формѣ, долженъ былъ признаваться незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Правда, закономъ императора Льва было сдѣлано еще далеко не все для того, чтобы правило о церковномъ вѣнчаніи распространялось на всѣхъ и каждаго безъ изъятія: громадная масса несвободнаго населенія — рабы и крѣпостные — остались внѣ этого закона, и потребовалось еще двѣсти лѣтъ, пока новымъ императорскимъ закономъ (Алексѣя Комнена 1085 и 1092 года) церковное вѣнчаніе не было распространено и на лицъ несвободныхъ. Итакъ, почти цѣлое тысячелѣтіе длился процессъ превращенія церковнаго вѣнчанія въ тотъ именно актъ, которымъ бракъ заключается. За это долгое время законными считались всѣ браки, въ которые вступали подданные римской имперіи на основаніи гражданскихъ законовъ, все равно, были-ли они обвѣнчаны въ церкви или не обвѣнчаны. Мало того, церковь не сливала еще и понятія таинства съ церковнымъ вѣнчаніемъ. Таинство понималось такъ, какъ понимали его Златоустъ и Августинъ на основаніи словъ апостола, т. е. таинство прилагалось къ самому супружескому союзу, исполненному сверхъ-естественной любви и неразрывному, а не къ церковному священнодѣйствію.

Собственно говоря, еще чуть не цѣлымъ столѣтіемъ раньше Льва Мудраго, императоръ возстановленной римской имперіи на западѣ Карлъ Великій издалъ въ 802 г. законъ, въ которомъ было сказано, что, въ предупрежденіе безчестныхъ и воспрещенныхъ браковъ, епископы и пресвитеры, вмѣстѣ съ

...ТЕК... ...СТЕЧЕСКО... АКАДЕМИИ.

старѣйшими изъ народа, должны тщательно изслѣдовать родство, и затѣмъ должно совершаться благословеніе браковъ священникомъ Но потому-ли, что законъ этотъ былъ законъ несовершенный (lex imperfecta), т. е. что въ немъ заключалось одно только предписаніе безъ указанія тѣхъ послѣдствій, которыми должны сопровождаться браки, заключаемые безъ церковнаго благословенія, т. е. безъ назначенія наказанія нарушителямъ закона, и безъ добавленія, что бракъ, заключенный съ опущеніемъ священническаго благословенія, не будетъ считаться бракомъ законнымъ, — потому-ли, что съ упадкомъ дома каролинговъ, императорская власть оказалась безсильною настаивать на исполненіи этого закона, — потому-ли наконецъ, что законъ Карла Великаго не согласовался съ взглядами римско-католической церкви и римскихъ папъ, какъ это сейчасъ разъяснено будетъ, — на западѣ церковное вѣнчаніе не сдѣлалось законной формой вступленія въ супружескій союзъ. Нѣкоторые, впрочемъ, и закону Карла придаютъ такой смыслъ, что центръ тяжести въ немъ составляетъ изслѣдованіе о томъ, нѣтъ ли законныхъ препятствій къ браку: это и требуется прежде всего и главнымъ образомъ, а *затѣмъ* уже, говоритъ законъ, *можно* приступить и къ благословенію брака, т. е. законъ запрещаетъ благословеніе браковъ безъ предварительнаго изслѣдованія о препятствіяхъ къ браку, а не имѣетъ въ виду обязать къ заключенію браковъ единственно посредствомъ священническаго благословенія.

Незадолго передъ тѣмъ, какъ глава восточнаго христіанства, императоръ Левъ Мудрый, узаконилъ церковное вѣнчаніе для лицъ свободныхъ, о томъ же предметѣ высказался глава западнаго христіанства римскій папа. Новообращенные въ христіанство около половины IX в., болгары, опасаясь, что церковная связь ихъ съ Византіей поведетъ къ полити-

ческому порабощенію народа болгарскаго, вошли въ сношенія съ римскимъ папой и представили ему длинный рядъ запросовъ о томъ, какіе христіанскіе порядки слѣдовало бы ввести въ болгарской странѣ. Между прочимъ, предложенъ былъ вопросъ и о томъ какъ нужно заключать браки. Папа разсказалъ въ своемъ отвѣтѣ, какой порядокъ въ этомъ отношеніи наблюдается у римлянъ: сначала обрученіе, съ вручеміемъ женихомъ невѣстѣ перстня вѣрности, потомъ составленіе письменнаго контракта, затѣмъ принятіе благословенія въ храмѣ Божіемъ, послѣ чего новобрачные надѣваютъ вѣнцы, при выходѣ изъ церкви, и, отпраздновавъ такимъ образомъ брачное торжество, приступаютъ къ провожденію недѣлимой жизни. Но всѣ эти брачныя церемоніи, добавилъ папа, не имѣютъ такого значенія, чтобы несоблюденіе ихъ было грѣхомъ, какъ вамъ говорятъ греки, особенно для людей бѣдныхъ, которымъ невозможно было бы исполнить всѣ подобныя церемоніи, ибо, по законамъ, для заключенія брака достаточно одного взаимнаго согласія жениха и невѣсты на супружество. Согласіе — это главное, и если бы его-то именно и не было, то хотя бы исполнены были всѣ брачныя церемоніи, никакого брака небыло-бы.

Сравнивая взглядъ римскаго папы съ закономъ восточнаго императора, нельзя не замѣтить, что императоръ издалъ свой законъ, руководясь болѣе церковными, чѣмъ государственными соображеніями; римскій папа, напротивъ, высказался какъ государственный человѣкъ и юристъ, какъ свѣтскій законодатель, руководясь соображеніями гражданскими, разсуждая такъ, какъ разсуждало нѣкогда старинное римское право. Нельзя отрицать, что законъ восточнаго императора, ставшій закономъ для всего восточнаго православнаго христіанства, могъ приводить къ злоупотребленіямъ: вслѣдствіе того, что вся

важность поставлена въ церковномъ обрядѣ, значеніе согласія жениха и невѣсты часто сводилось къ нулю. такъ что нерѣдко могли составляться браки невольные, вынужденные, какъ это и было дѣйствительно и въ Византіи, и у насъ въ Россіи до Петра Великаго. Однако, въ сравненіи съ тѣми безпорядками, которые мы видимъ на западѣ не только въ средніе вѣка, но и въ новой исторіи, законъ Льва Мудраго, на самомъ дѣлѣ, оказался закономъ мудрымъ.

Взглядъ римскаго папы, высказанный въ отвѣтахъ на вопросы болгаръ, сдѣлался на долгое время руководящимъ для западнаго христіанства, отчасти по привязанности къ римскому праву, отчасти и по соображеніямъ религіозно-христіанскимъ. Въ Св. Писаніи Новаго Завѣта не указано никакой опредѣленной формы для вступленія въ бракъ, а между тѣмъ въ Священномъ же Писаніи бракъ называется тайною, или, какъ стала его называть церковь, таинствомъ. Не было ли бы противно Св. Писанію устанавливать разныя формальности вступленія въ бракъ и, въ случаѣ неисполненія этихъ формальностей, объявлять его недѣйствительнымъ, между тѣмъ какъ передъ Богомъ, можетъ быть и этотъ неформальный бракъ есть таинство, въ смыслѣ исполненнаго непоколебимой любви и нерасторжимаго союза? Не было ли бы извращеніемъ божественнаго порядка, еслибы лица, серьезно и добросовѣстно заключившія такой неформальный бракъ, вслѣдствіе признанія его недѣйствительнымъ, получали возможность вступать въ новый бракъ, который церковью будетъ считаться законнымъ, а по Евангелію будетъ беззаконнымъ? Опасеніе за неприкосновенность таинства было такъ велико въ западномъ христіанствѣ, что считались законными и браки тайные, т. е. такіе, гдѣ взаимное согласіе жениха и невѣсты было дано безъ вѣдома церкви и даже безъ всякихъ свидѣтелей; считались законными

мужемъ и женой. наконецъ, тѣ обрученные, которые, по прошествіи нѣкотораго времени послѣ обрученія, безъ всякихъ формальностей начинали супружескую жизнь. Понятно, къ какимъ практическимъ неудобствамъ долженъ былъ повести этотъ порядокъ. Тайные браки (clandestina matrimonia) сдѣлались обыденнымъ явленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грознымъ соціальнымъ зломъ.

Власть, какъ церковная, такъ и гражданская, лишена была всякой возможности оказать законную поддержку прогнанной женѣ или оставленному мужу, вмѣстѣ съ брошенными дѣтьми, такъ какъ невозможно было доказать существованіе брачнаго союза между данными лицами, какъ скоро одно изъ нихъ отрицало такой союзъ Власть не могла помѣшать этимъ лицамъ вступать въ новые браки съ другими лицами. Близкіе родственники могли вступать. безъ всякой помѣхи, въ супружеское сожитіе. Наконецъ, люди благоразумные, родители въ особенности, лишены были всякой возможности удержать неблагоразумныхъ дѣтей отъ необдуманныхъ браковъ. Зло было такъ велико, что нужно было принять противъ него серьезныя мѣры. Римская церковь стала запрещать такіе браки, но стремилась въ этомъ случаѣ не къ тому, чтобы непремѣнно связать бракъ съ церковнымъ вѣнчаніемъ, а къ тому, чтобы придать заключенію брака публичный, гласный характеръ. Она убѣждала, правда, всѣхъ христіанъ принимать церковное благословеніе на бракъ, подобно тому, какъ она убѣждала всѣхъ, приступающихъ къ какому нибудь важному дѣлу, испросить сначала благословеніе Божіе на это дѣло; но юридическую, законную важность она придавала именно этой гласности, публичности, благодаря которой могли бы предупреждаться недозволенные браки и самое событіе бракосочетанія могло бы быть съ несомнѣнностію удостовѣряемо. Съ-

этою цѣлью введены были троекратныя предварительныя церковныя оглашенія или объявленія объ имѣющемъ быть бракосочетаніи, а затѣмъ считалось уже безразличнымъ, заявлено ли будетъ согласіе жениха и невѣсты передъ священникомъ, или передъ нотаріусомъ съ свидѣтелями. Церковь не воспользовалась народнымъ обычаемъ, который началъ складываться съ XIII в., такъ, какъ позднѣе воспользовались этимъ обычаемъ въ странахъ, принявшихъ реформацію. А обычай этотъ состоялъ въ томъ, что, съ паденіемъ стариннаго юридическаго порядка, по которому отецъ или опекунъ (вообще властодержатель mundium'a) торжественно передавалъ, вручалъ, ввѣрялъ невѣсту жениху, и эта передача (Trauung) считалась бракозаключительнымъ моментомъ, съ XIII вѣка священникъ сталъ совершать эту передачу во имя Бога и объявлять жениха и невѣсту взаимно супругами, между тѣмъ какъ до XIII в. священническое содѣйствіе при Trauung состояло лишь въ благословеніи и молитвѣ.

Притомъ, сначала тайные браки запрещались не такъ, чтобы они объявлялись прямо недѣйствительными, а только въ томъ смыслѣ, что за вступленіе въ тайный бракъ виновные въ нарушеніи церковнаго закона могли быть подвергнуты наказанію, самый же бракъ оставляемъ былъ въ законной силѣ. Наконецъ, около половины XVI в. тридентскій соборъ выработалъ законную форму вступленія въ браки, отъ которой должна зависѣть дѣйствительность брачнаго союза. И для этого собора главная цѣль опять таки состоитъ въ томъ, чтобы гарантировать публичность брака: соборъ не старается связать его съ церковнымъ вѣнчаніемъ. Хотя онъ и увѣщеваетъ каждаго католика принимать церковное благословеніе на бракъ, но юридическія требованія съ нравственными увѣщаніями соборъ не смѣшиваетъ. При первомъ голосованіи на соборѣ, послѣ дебатовъ по этому

вопросу, было опредѣлено, что согласіе на бракъ должно быть дано предъ тремя свидѣтелями, а при второмъ голосованіи было прибавлено, что одинъ изъ этихъ свидѣтелей долженъ быть *приходскій священникъ*. Эта прибавка сдѣлана была послѣ нѣкотораго колебанія, кому отдать предпочтеніе, приходскому священнику, или нотаріусу, и если предпочтеніе оказано приходскому священнику, или правильнѣе сказать, пароху (потому что католическій парохъ можетъ и не имѣть священническаго сана), то лишь въ томъ соображеніи, что отъ пароха труднѣе утаить существующія препятствія къ браку, и что парохъ болѣе пригоденъ къ удостовѣренію событія заключенія брака внесеніемъ въ приходскую книгу, чѣмъ нотаріусъ, который не есть представитель какого либо постояннаго учрежденія. Такимъ образомъ, для дѣйствительности брака въ католической церкви требуется заявленіе согласія на бракъ въ присутствіи приходскаго священника и еще двухъ свидѣтелей. Присутствіе, ассистенція священника можетъ быть чисто пассивное безъ всякихъ дѣйствій съ его стороны: нужно лишь, чтобы священникъ сознавалъ то, что происходитъ предъ нимъ, и слышалъ заявляемое женихомъ и невѣстою взаимное согласіе на бракъ. Поэтому, еслибы священника связали и заставили быть невольнымъ свидѣтелемъ при заявленіи брачнаго согласія,—все равно, такимъ заявленіемъ былъ бы основанъ вполнѣ законный бракъ. Равнымъ образомъ, еслибы женихъ и невѣста, при безнадежности полученія согласія родителей на ихъ бракъ, запасшись двумя свидѣтелями, встрѣтили священника на прогулкѣ и заявили ему—одинъ: «вотъ эту особу я желаю имѣть женою», другая: «вотъ эту особу я желаю имѣть мужемъ»,—такой бракъ былъ бы вполнѣ законнымъ. Такъ же точно обсуживался бы случай, описываемый въ романѣ Манцони: «I promessi sposi». Священникъ оттягивалъ

подъ различными предлогами бракосочетаніе, боясь землевладѣльца-барона, имѣвшаго свои виды на невѣсту. Опытная и практичная мать невѣсты научила молодыхъ людей явиться въ домъ священника, подговоривъ двухъ свидѣтелей, которые къ этому же времени должны были придти въ домъ священника, какъ будто за своимъ дѣломъ, и въ присутствіи этихъ свидѣтелей заявить свое согласіе на бракъ. Однимъ словомъ, священникъ, или, точнѣе сказать, пароха, необходимъ для юридической силы брака не какъ служитель и совершитель таинства, а какъ авторитетный свидѣтель, вмѣстѣ съ другими двумя вспомогательными свидѣтелями, удостовѣряющій событіе бракосочетанія и придающій бракосочетанію публичный характеръ.

Такъ истолковывается наукой и практикой западно-европейскою сущность тридентской формы заключенія брака; но однако и эта форма далеко не вездѣ и не для всѣхъ католиковъ обязательна. Въ постановленіи тридентскаго собора сказано, что эта форма становится обязательною въ каждомъ католическомъ приходѣ черезъ 30 дней послѣ публикаціи въ немъ каноновъ тридентскаго собора. Но въ нѣкоторыхъ странахъ и до сихъ поръ не состоялось публикаціи ихъ, напр. въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, признавшихъ уже реформацію ко времени тридентскаго собора, въ скандинавскихъ государствахъ, въ Даніи, Голландіи, Англіи, Россіи. Стало быть, для всѣхъ католиковъ, проживающихъ въ этихъ странахъ, и до сихъ поръ возможно заключать браки тѣмъ порядкомъ, который существовалъ въ средніе вѣка. Мало того, для нѣкоторыхъ мѣстностей, независимо отъ соображенія о томъ, публикованы ли здѣсь постановленія тридентскаго собора, или не публикованы, позднѣйшіе папы, въ видѣ исключенія, по разнымъ соображеніямъ, дозволяли вступленіе въ бракъ безъ соблюденія тридентской формы (Бенедиктъ XIV въ 1741 г. для

Голландіи и Бельгіи, Климентъ XIII въ 1765 г. для діэцеза бреславскаго. Пій VIII въ 1831 г., для кельнской церковной провинціи).

Защитники гражданскаго брака въ Западной Европѣ совершенно основательно говорятъ его противникамъ, что римская церковь не вправѣ возражать противъ всякой формы, если только ею достаточно гарантируется публичность брака и если притомъ въ самомъ матеріальномъ брачномъ правѣ, т. е. въ постановленіяхъ относительно условій брака и проч. нѣтъ ничего противнаго требованіямъ церкви. Не все ли равно: заявить согласіе передъ священникомъ и двумя свидѣтелями, или же передъ государственнымъ чиновникомъ и двумя свидѣтелями? Благословеніе священническое или вѣнчаніе не требуется церковнымъ закономъ. А что касается таинства, то, по ученію римской церкви самой, оно заключается не въ церковномъ какомъ либо дѣйствіи, а въ самомъ существѣ супружескаго союза.

Съ общекатолическимъ пониманіемъ таинства брака несогласны были французскіе богословы. Во Франціи держались того взгляда, что бракъ становится таинствомъ черезъ вѣнчаніе священника; вѣнчаніе же священника, а не ассистенція лишь его, стало требоваться и для законности брака со времени изданія блуасскаго ордонанса Генриха III 1579 года. До этого времени, согласно общему каноническому праву, бракъ получалъ юридическую силу съ выраженіемъ взаимнаго согласія, хотя бы и тайнаго, направленнаго на настоящую, сейчасъ же и непосредственно наступающую брачную жизнь (fiançailles par paroles de présent) въ отличіе отъ соглашенія, направляющагося на будущую, имѣющую впослѣдствіи наступить брачную жизнь (fiançailles par paroles de futur). Со времени блуасскаго ордонанса французскій взглядъ, собственно

говоря, совпалъ съ восточнымъ. Но по какой-то странной игрѣ обстоятельствъ, французскій взглядъ на бракъ, даже еще въ большей степени, чѣмъ общекатолическій, проложилъ дорогу гражданскому браку во Франціи. Въ этой, «христіаннѣйшей» когда-то, странѣ гражданскій бракъ пережилъ наиболѣе интересную и поучительную исторію. Во Франціи, можно сказать, завершился полный циклъ развитія этого явленія въ государственной жизни.

Церковные депутаты, явившіеся изъ Франціи на тридентскій соборъ, имѣли порученіе отъ французскаго королевскаго правительства настаивать на томъ, чтобы соборъ опредѣлилъ считать незаконными всѣ браки, заключенные дѣтьми безъ согласія родителей, въ виду слишкомъ частыхъ mésalliances. Соборъ обсудилъ это требованіе и отвергъ его, разсуждая такъ, что родители могутъ злоупотреблять своею властію, могутъ насильно принуждать дѣтей къ вступленію въ нежелательные браки, и напротивъ насильно же удерживать отъ желательныхъ, тогда какъ главное въ бракѣ — это взаимное согласіе тѣхъ лицъ, которыя вступаютъ въ браки, что подобающая родительской власти дань уваженія будетъ достаточна, если объявить, что непослушныя дѣти будутъ подвергаемы тѣмъ или другимъ наказаніямъ, причемъ, однако, самые браки, заключенные противъ воли родителей, должны быть оставляемы въ законной силѣ. Неудача, которую потерпѣло французское предложеніе на тридентскомъ соборѣ, отчасти условливалась и тѣмъ еще, что Лютеръ, противъ котораго составился тридентскій соборъ, также склонялся къ признанію самой широкой родительской власти, вслѣдствіе чего французское предложеніе казалось даже подозрительнымъ отцамъ тридентскаго собора; но конечно, чему бы ни приписывать неудачу, она не могла быть пріятна французскому королевскому пра-

вительству. Короли не дозволили публикаціи во Франціи постановленій тридентскаго собора; но въ 1579 г. былъ изданъ вышеупомянутый блуасскій ордонансъ, которымъ узаконена была форма заключенія брака, нѣсколько отличная отъ тридентской. Ордонансъ, напр., не довольствуется пассивной ассистенціей священника, требуя непремѣнно церковнаго вѣнчанія, и затѣмъ, вмѣсто трехъ свидѣтелей, потребовалъ четырехъ. Уже изъ этого различія вытекало не мало практическихъ трудностей, такъ какъ духовнымъ судамъ, вѣдавшимъ брачныя дѣла, приходилось объявлять, на основаніи ордонанса, недѣйствительными такіе браки, которые, на основаніи постановленій тридентскаго собора, должны быть признаваемы дѣйствительными. О томъ, какое значеніе нужно придавать родительскому согласію на вступленіе дѣтей въ браки, блуасскій ордонансъ выразился неясно. За то, съ не допускающею никакихъ сомнѣній, ясностію высказался на этотъ счетъ король Людовикъ XIII въ 1629 г., который объявилъ ничтожными всѣ браки, заключенные противъ воли родителей дѣтьми, недостигшими 25 лѣтняго возраста. Когда французское духовенство сдѣлало представленія королю по этому поводу, королевскіе коммиссары отвѣтили, что распоряженія королевскаго закона относятся только къ *гражданскому контракту*, не касаясь таинства, которое находится въ вѣдѣніи церковномъ. Стали различать въ бракѣ религіозное его освященіе отъ того гражданскаго контракта, который получаетъ это религіозное освященіе. Одинъ придворный казусъ еще дальше подвинулъ дѣло въ этомъ направленіи. Гастонъ орлеанскій, братъ Людовика XIII, женился на принцессѣ Маргаритѣ лотарингской. Бракъ этотъ былъ въ высшей степени непріятенъ королю, и рѣшено было, во чтобы то ни стало, добиться уничтоженія его. По французскимъ законамъ, за похищеніе дѣвицы или

женщины полагалось наказаніе, и, кромѣ того, бракъ между похитителемъ и похищенною, еслибы даже онъ и состоялся, признавался незаконнымъ. Придумано было самое широкое толкованіе слова: «похищеніе». Не только насильственное завладѣніе и увозъ особы другого пола, но и всякаго рода вліяніе подведено было подъ это понятіе, такъ что самая скромная и самая робкая молодая дѣвушка могла. въ силу этого толкованія, благодаря своимъ прекраснымъ глазамъ, похитить мужчину — совершить преступленіе, которое названо было rapt de seduction. Въ этомъ преступленіи обвинена была и Маргарита лотарингская, хотя жертва предполагаемаго преступленія—Гастонъ орлеанскій вовсе не былъ легко поддающимся всякому впечатлѣнію юношей, такъ какъ онъ былъ уже вдовцомъ послѣ перваго его брака съ г-жею Монпасье. Бракъ былъ тѣмъ не менѣе уничтоженъ постановленіемъ парижскаго парламента 5 сентября 1654 г.

Принцъ протестовалъ противъ рѣшенія парламента. Парламентъ,—говорилъ онъ,—не компетентенъ рѣшать подобныя дѣла; вопросъ касается тутъ церковнаго таинства и долженъ быть рѣшенъ духовнымъ судомъ. Ему отвѣтили, что въ бракѣ не можетъ быть таинства, если гражданскій брачный контрактъ не согласуется съ законами королевства, что таинство возможно только тогда, когда матеріальное его содержаніе—брачный договоръ—удовлетворяетъ требованіямъ закона, что гдѣ нѣтъ законнаго контракта, тамъ нѣтъ и таинства, и что сужденіе о законности контракта принадлежитъ исключительно королевскимъ судьямъ. Вѣдь напримѣръ, говорили, если бы возникло сомнѣніе на счетъ того, совершилось ли крещеніе въ натуральной водѣ, или въ какой нибудь другой жидкости, сомнительный вопросъ нужно бы было отдать на разрѣшеніе врачей и натуралистовъ, а не духовенства. Самые выдающіеся

юристы того времени, какъ Потье, поддержали взглядъ парламента, а за юристами послѣдовали и французскіе богословы. Сформировался національно-французскій взглядъ, что въ бракѣ нужно различать церковное таинство и гражданскій договоръ, и что разсматриваемый, какъ договоръ, бракъ, подобно всякому другому контракту, подлежитъ государственному законодательству и государственнымъ судамъ. Потье въ началѣ своего «Трактата о брачномъ контрактѣ» говоритъ, что ученіе объ обязательствахъ всего лучше закончить этимъ трактатомъ, ибо брачный договоръ есть превосходнѣйшій и древнѣйшій изъ всѣхъ контрактовъ—превосходнѣйшій потому, что онъ имѣетъ наибольшій интересъ для общества гражданскаго, древнѣйшій потому, что онъ былъ первымъ контрактомъ между людьми, т. е. между нашими прародителями Адамомъ и Евой. Бракъ, по опредѣленію Потье, есть облеченный въ предписанныя закономъ формы договоръ между мужчиной и женщиной, въ виду котораго они обязуются взаимно всю жизнь оставаться въ супружескомъ союзѣ мужа и жены. А такъ какъ бракъ, заключаемый вѣрующими, возведенъ Іисусомъ Христомъ на степень таинства, то, слѣдовательно, онъ есть вмѣстѣ и контрактъ гражданскій и таинство. Какъ контрактъ, онъ, наравнѣ со всякими другими контрактами, принадлежитъ къ порядку политическому, и, значитъ, подлежитъ законамъ власти свѣтской, установленной Богомъ для регулированія всего того, что относится къ правительству и къ доброму порядку гражданскаго общества,—подлежитъ даже въ большей степени, чѣмъ другіе контракты, потому что изо всѣхъ контрактовъ онъ наиболѣе важенъ для добраго порядка гражданскаго общества. Брачные контракты, которые заключаются въ противность законамъ, не только юридически ничтожны, но они не суть и таинство. Такъ какъ контрактъ гражданскій составляетъ

матерію таинства брака, то не можетъ быть таинства брака. когда гражданскій контрактъ ничтоженъ, какъ не можетъ быть таинства крещенія безъ воды, составляющей матерію этого таинства. Если законъ гражданскій объявляетъ извѣстный брачный договоръ ничтожнымъ, то этимъ онъ не затрогиваетъ таинства, ибо ничтожный брачный контрактъ не есть таинство. Было бы даже нечестиво думать, что Іисусъ Христосъ желалъ возвести въ достоинство таинства бракъ противозаконный и слѣдовательно преступный, и сдѣлать изъ такого противозаконнаго союза образъ своего соединенія съ церковью. А какъ скоро брачный договоръ удовлетворяетъ требованіямъ государственныхъ законовъ и становится матеріею для таинства, о таинствѣ государство уже не судитъ и не издаетъ никакихъ законовъ, напр.. о совершителѣ таинства, или о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ сообщается благодать, связываемая съ таинствомъ. Само духовенство, по скольку оно своими религіозными дѣйствіями основываетъ законный бракъ, съ точки зрѣнія французскихъ юристовъ, оказывалось въ положеніи делегата или уполномоченнаго отъ королевскаго правительства. Въ этомъ же качествѣ оно вело и регистрацію браковъ, т. е. записывало ихъ въ метрическія книги, которыя въ католической церкви вообще со времени тридентскаго собора, а во Франціи въ особенности опять таки, на основаніи королевскихъ ордонансовъ, получили публичное значеніе актовъ состоянія. Наконецъ, въ качествѣ уполномоченныхъ же отъ королевскаго правительства должны были дѣйствовать и духовные суды, которымъ предоставлено было вѣдать брачныя дѣла подъ апелляціей королевскимъ парламентамъ. Юристы, какъ Потье, лично со всею искренностію преданные католической церкви, съ величайшею энергіею отстаивали права государства въ отношеніи къ браку.

ГЛАВА II.

Первые опыты введенія гражданскаго брака.

Церковными воззрѣніями, какъ общекатолическими, такъ и національно-французскими, была подготовлена удобная почва для учрежденія гражданскаго брака. Непосредственными же причинами, которыя вызвали это учрежденіе, были: во-первыхъ образованіе множества религіозныхъ направленій и сектъ со времени реформаціи, и во-вторыхъ философія «естественнаго права». Эти причины во Франціи дѣйствовали не менѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, и однако первые опыты введенія гражданскаго брака были сдѣланы не во Франціи, гдѣ въ большей степени была подготовлена почва для него, а въ Голландіи и въ Англіи. Уже позднѣе, какъ бы принявъ къ свѣдѣнію эти чужестранные опыты, Франція стала задавать тонъ другимъ государствамъ своимъ законодательствомъ о гражданскомъ бракѣ.

Во второй половинѣ XVI в. въ голландскихъ штатахъ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ оказалось реформатское, такъ какъ большинство населенія послѣдовало ученію Кальвина. Но вмѣстѣ съ реформатскою церковью возникло и множество другихъ сектъ, и кромѣ того часть населенія оставалась вѣрною римско-католической церкви, которая, по освобожденіи Нидерландовъ отъ испанскаго ига, изъ притѣснительницы сдѣлалась жертвою притѣс-

ненія. Пока католицизмъ господствовалъ, католическое духовенство не дозволяло духовенству другихъ религіозныхъ партій благословлять браки христіанъ, принадлежащихъ къ этимъ партіямъ Когда кальвинизмъ сдѣлался господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, духовенство реформатское стало дѣйствовать нисколько не лучше католическаго. Такимъ образомъ, всѣ такъ называемые диссиденты, т. е. послѣдователи всѣхъ разнообразныхъ сектъ, уклоняющихся отъ господствующей и единственно признанной религіи, въ томъ числѣ и всѣ католики, обязаны были являться для благословенія своихъ браковъ къ реформатскимъ священникамъ. по реформатскому церковному обряду. Можно себѣ представить, насколько трудно было примириться съ подобнымъ порядкомъ вещей: въ XVI в. не было не только того индифферентизма который можно наблюдать въ наше время, но и той взаимной терпимости, которая бы давала возможность мирнаго совмѣстнаго сожительства, при всемъ различіи религіозныхъ вѣрованій. Религіозныя партіи стояли лицомъ къ лицу на военномъ положеніи, со всею искренностью религіозной страсти и со всѣмъ пыломъ религіозной вражды,—развѣ можно было, при такихъ обстоятельствахъ, разсчитывать на то, что лютеранинъ, католикъ, анабаптистъ, гусситъ, послѣдователь Социна, будутъ являться къ реформатскому пастору для благословенія своихъ браковъ? Положимъ даже, что государственная власть отрѣшилась бы отъ той нетерпимости, которая внушалась ей духовенствомъ господствующаго вѣроисповѣданія, и дозволила бы всѣмъ сектантамъ заключать браки у своихъ духовныхъ лицъ, по ихъ религіознымъ обрядамъ. Но и въ такомъ случаѣ затрудненія не устранялись бы. Религіозныя общества возникали и видоизмѣнялись, не представляя собою какой либо опредѣленной, неподвижной величины. Многія изъ нихъ не имѣли твердой

организаціи, не имѣли постоянныхъ духовно-должностныхъ лицъ. на которыхъ государство могло бы разсчитывать, какъ на гарантію правильнаго заключенія браковъ. Правительство голландское имѣло достаточно здраваго смысла, чтобы понять очень простую истину, которая, несмотря на ея простоту, другими европейскими правительствами понята была лишь гораздо позднѣе, что разность въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, очевидно, не мѣшаетъ людямъ желать жениться и замужъ выходить. Не дать же этимъ людямъ возможности вступать въ законные браки значило поставить ребромъ весь общественный порядокъ. Чѣмъ гарантировать въ такомъ случаѣ всегда желательную для государства крѣпость отношеній мужчины и женщины, считающихъ себя въ данный моментъ мужемъ и женой, если эти люди не нашли для себя возможнымъ прибѣгнуть къ той формѣ брака, которая, въ глазахъ государства. есть единственно законная форма. или если она оказалась невозможною даже при желаніи ихъ, напр., если реформатскій пасторъ просто-на-просто отказывался вѣнчать «еретиковъ»? Какимъ способомъ охранить интересы дѣтей, придать правильный видъ порядку наслѣдованія и опеки и проч.? Такова была крайняя необходимость, очевидная нужда, въ которой находилось государственное правительство. Оно нашло выходъ изъ этой крайней нужды введеніемъ гражданскаго брака для всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ нѣтъ возможности вступить въ законный бракъ другимъ способомъ, т. е., которые или сами не пожелаютъ идти вѣнчаться къ духовному лицу другой религіи, или встрѣтятъ въ этомъ духовномъ лицѣ отказъ обвѣнчать ихъ. Въ такихъ случаяхъ дозволено являться къ государственному чиновнику и передъ нимъ заявлять согласіе на вступленіе въ бракъ, которое тутъ же и записывается въ оффиціальную метрическую книгу. Этотъ порядокъ

С.К.ДЕРЯГИНЪ

введенъ былъ въ 1580 г. въ двухъ штатахъ и въ 1656 г. распространенъ на всѣ Нидерланды. Гражданскій бракъ, введенный въ Нидерландахъ и послѣ вводившійся въ другихъ государствахъ на этихъ же самыхъ основаніяхъ, принято въ нѣмецкой наукѣ называть: «Nothcivilehe», т. е. вынужденнымъ крайнею необходимостью гражданскимъ бракомъ.

Другой ранній опытъ введенія гражданскаго брака былъ сдѣланъ въ Англіи, въ эпоху революціи. Законъ, изданный при Кромвелѣ въ 1653 г., былъ совершенно неожиданнымъ и неподготовленнымъ явленіемъ въ европейской исторіи. Онъ совсѣмъ устранилъ духовенство отъ участія въ заключеніи браковъ. Бракъ долженъ заключаться такимъ образомъ, что сначала женихъ и невѣста должны записаться въ реестры гражданскаго состоянія, веденіе которыхъ возложено на особаго гражданскаго чиновника, а затѣмъ, въ сопровожденіи двухъ или трехъ достовѣрныхъ свидѣтелей, явиться къ мирному судьѣ округа и заявить передъ нимъ о своемъ взаимномъ согласіи на бракъ, безъ всякой другой церемоніи, кромѣ соединенія правыхъ рукъ, даже безъ употребленія колецъ, какъ имѣющихъ католическое и языческое происхожденіе. Мирный судья, выслушавъ согласіе, объявляетъ бракъ заключеннымъ. Вѣроятными мотивами къ изданію этого закона, совершенно устранявшаго духовенство отъ всякаго участія въ заключеніи браковъ, были: ненависть индепендентовъ ко всякой государственной церкви, и въ особенности къ англиканской, приверженной къ королю, и преслѣдованіе пуританскаго идеала очищенія церкви отъ всякихъ мірскихъ примѣсей, отъ всякаго вторженія въ мірскія дѣла, съ возвращеніемъ къ простотѣ и благочестію апостольскихъ временъ. Кромвелевскій законъ не стяжалъ себѣ популярности въ массѣ населенія. Остряки смѣялись надъ наступленіемъ золотого вѣка, когда

присужденіе къ петлѣ, т. е къ висѣлицѣ, и скрѣпленіе брачныхъ узъ разсматриваются какъ вещи, близко родственныя между собою, ибо и тамъ и тутъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же судья. Съ реставраціей Стюартовъ, законъ Кромвеля былъ отмѣненъ, или даже, какъ нѣкоторые говорятъ, былъ просто-на-просто забытъ. безъ законодательной отмѣны, оставшись внѣ исторической связи съ предшествовавшею и послѣдующею исторіею англійской гражданской жизни.

Во Франціи до XVIII в. не замѣчается ничего подобнаго благоразумнымъ мѣрамъ, принятымъ въ Нидерландахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ реформаторскія ученія проникли во Францію, послѣдователи ихъ должны были выдержать рядъ преслѣдованій со стороны церкви и государства. Браки ихъ подвергались то большимъ, то меньшимъ стѣсненіямъ, напр. не говоря о томъ, что легальность брака условливалась благословеніемъ католическаго священника, брачныя дѣла ихъ были отданы въ завѣдываніе католическихъ духовныхъ судовъ, которые дѣйствовали на основаніи своего каноническаго права. Съ отмѣной нантскаго эдикта въ 1685 г., всѣмъ протестантскимъ пасторамъ было предписано немедленно оставить Францію. Вслѣдствіе этого, заключеніе браковъ съ участіемъ протестантскаго духовенства, практиковавшееся до сихъ поръ въ широкихъ размѣрахъ, несмотря на всѣ запрещенія, должно было стать невозможнымъ. Несмотря, однако, на предписаніе правительства, множество протестантскаго духовенства осталось и укрывалось во Франціи. Въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ глубокихъ пропастяхъ совершало оно богослуженіе, собирая сюда членовъ гонимой церкви. Сюда же являлись и желавшіе вступить въ бракъ, получали отъ своего священника благословеніе и начинали жить какъ супруги, не заботясь о гражданскихъ послѣдствіяхъ и о наказаніяхъ, такъ

какъ суды не придавали этимъ бракамъ ровно никакого значенія. Католическому духовенству не могли быть неизвѣстны эти безчисленные «mariages du desert» — такъ называемы были эти браки; но и католическое духовенство начало чувствовать нѣкоторыя сомнѣнія совѣсти. Допускать «еретиковъ» къ церковному священнодѣйствію, преподавать таинство людямъ невѣрующимъ, не желающимъ, внутренно осмѣивающимъ это таинство, должно было казаться добросовѣстному священнослужителю профанаціей святыни. Вслѣдствіе этого, многіе католическіе священники отказывали протестантамъ въ вѣнчаніи, а это вело лишь къ увеличенію числа «пустынныхъ браковъ».

Бывали и такіе казусы, когда сердце человѣческое не слушалось религіозной вражды, когда гугенотка отдавала свое сердце католику, когда протестантъ рѣшался соединить свою судьбу съ судьбой дѣвицы изъ католической семьи. Эти «смѣшанные браки» сопряжены были едва ли не съ большими еще затрудненіями. Тутъ не только католическое духовенство вооружалось противъ вступленія въ бракъ съ «еретиками», съ явною опасностію для спасенія души; тутъ и протестантское духовенство готово было дѣйствовать всѣми силами противъ подобныхъ браковъ. Нужда нерѣдко дѣлала людей изобрѣтательными. Женихъ и невѣста, предвидя отказъ мѣстнаго католическаго священника обвѣнчать ихъ, тѣмъ не менѣе шли къ нему, пригласивъ съ собою нотаріуса, и когда священникъ на ихъ просьбу обвѣнчать отвѣчалъ отказомъ, они заявляли, что все таки согласны вступить въ супружество, такъ что это заявленіе слышали и священникъ, и нотаріусъ, — тѣмъ самымъ желали придать браку легальный характеръ. Людовикъ XIV запретилъ совершенно и смѣшанные браки, и всякое участіе нотаріусовъ въ легализированіи брака.

Крайне стѣсненное положеніе французскихъ протестантовъ заставило ихъ обратить вниманіе на то, что во Франціи уже издавна бракъ, какъ таинство, отличался отъ брака, какъ договора. Для нихъ самое лучшее было доказывать, что король есть полный хозяинъ, безъ всякаго вмѣшательства церкви, устанавливать законныя условія и законную форму для брачныхъ договоровъ своихъ подданныхъ, какого бы они ни были вѣроисповѣданія. Протестанты дѣйствительно съ жаромъ и отстаивали въ литературѣ идею брачнаго договора и королевскія права относительно этого договора. Таковъ напр. Mémoire sur les mariages des protestants, появившійся въ Парижѣ въ 1755 г. Авторъ мемуара, слѣдя исторически за судьбой протестантовъ во Франціи, желалъ доказать, что, во время дѣйствія нантскаго эдикта, протестантамъ дозволено было вступать въ браки передъ ихъ духовными лицами; но потомъ неожиданно сдѣлалъ отсюда не тотъ выводъ, что духовенству протестантскому и на будущее время должно быть предоставлено право вѣнчать, а тотъ, что браки должны заключаться передъ гражданскимъ чиновникомъ.

Королевскій законъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно и былъ изданъ Людовикомъ XVI въ 1787 г. Закономъ введенъ для протестантовъ такъ называемый факультативный гражданскій бракъ, т. е. какъ возможная форма заключенія брака для желающихъ. Именно протестантамъ предоставлено на выборъ вступать въ браки или передъ государственно-должностнымъ лицомъ—мѣстнымъ судьей въ его помѣщеніи, или передъ католическимъ священникомъ въ помѣщеніи этого послѣдняго, посредствомъ объявленія взаимнаго согласія жениха и невѣсты, послѣ чего судья или священникъ объявляетъ ихъ супругами по закону и регистрируетъ событіе брака, т. е. записываетъ его въ установленную брачную

книгу. Такимъ образомъ, протестантамъ французскимъ была дана возможность вступать въ законные браки, обходя католическое духовенство, причемъ, однако, за протестантскимъ духовенствомъ не было признано право совершенія бракосочетанія съ законными послѣдствіями.

Король Людовикъ XVI запоздалъ съ своимъ закономъ о факультативномъ гражданскомъ бракѣ для протестантовъ. Протестанты французскіе были не единственные люди, имѣвшіе интересъ развивать идею брака, какъ гражданскаго договора. Уже начиналась великая французская революція. Давно во Франціи чувствовалось вліяніе «естественнаго права», давно слышались разсужденія о непосредственно-природныхъ, «естественныхъ правахъ» каждаго человѣка; давно нѣкоторые грезили «естественнымъ состояніемъ», которое когда-то существовало, и къ которому нужно вернуться. Въ этомъ естественномъ состояніи всѣ человѣческія отношенія возникаютъ только путемъ договора. Какое дѣло до разныхъ «историческихъ случайностей», до того, что и какъ дѣлалось въ разныя времена у разныхъ народовъ,—нужно смотрѣть на то, какъ по разуму должно быть. А по разуму все основывается на договорѣ и все происходитъ изъ договора. Договорились между собою люди образовать государство,—и стало государство; согласились перенести всѣ права на одно лицо и подчиниться ему,—и явилась государственная власть. Эта власть, государственная или гражданская, основанная на договорѣ равныхъ между собою людей, есть власть всюду проникающая: она дѣйствуетъ вездѣ и во всемъ, она устанавливаетъ даже догматы гражданской религіи для подданныхъ, она опредѣляетъ условія и форму для всѣхъ актовъ, имѣющихъ значеніе въ жизни гражданской, тѣмъ болѣе для брака, который и самъ по себѣ есть не что иное, какъ договоръ, свободною волею создаваемый и свободною

волею разрушаемый. Апостолъ «естественнаго права» во Франціи, Ж. Ж. Руссо въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ высказался на счетъ брака и семьи. Бракъ, говорилъ онъ, есть контрактъ гражданскій и имѣетъ послѣдствія гражданскія, безъ которыхъ невозможно существованіе самого общества. И если предположить, что духовенство будетъ стремиться присвоить себѣ одному право на совершеніе этого акта, какъ это и бываетъ во всякой интолерантной религіи, то не обратится-ли въ этомъ случаѣ авторитетъ главы государства въ пустое слово, и не окажутся-ли подданными его лишь тѣ, кого духовенство соблаговолитъ ему дать? Будучи хозяиномъ надъ бракомъ, допуская или не допуская къ его заключенію, смотря потому, какую религію исповѣдуютъ желающія вступить въ бракъ лица, духовенство будетъ въ концѣ концовъ распоряжаться и наслѣдствами, и должностями, и гражданами, и самимъ государствомъ. Что касается семьи, то, по ученію Руссо, общество семейное есть самое древнее и самое естественное изъ всѣхъ обществъ. Дѣти остаются привязанными къ отцу, пока нуждаются въ его охранѣ, но тотчасъ, какъ эта потребность прекращается, естественная связь разрывается. Дѣти, освобожденныя отъ повиновенія отцу, отецъ, освобожденный отъ заботъ о дѣтяхъ—всѣ равно получаютъ независимость. И если связь продолжается, то она не натуральная, и самая связь поддерживается только соглашеніемъ, договоромъ, который каждымъ членомъ можетъ быть нарушенъ по соображеніямъ его индивидуальнаго интереса.

Въ своей личной жизни Руссо не разъ былъ поставленъ въ такое положеніе, гдѣ онъ къ себѣ самому могъ примѣнить свои принципы. Примѣненіе его принциповъ о семьѣ къ его собственнымъ дѣтямъ не отличается послѣдовательностію и не внушаетъ уваженія къ философу. Не дожидаясь того времени,

когда дѣти достигли бы такого возраста, въ которомъ они не нуждались бы уже въ родительскихъ попеченіяхъ, какъ бы это слѣдовало по теоріи Руссо, философъ отправлялъ ихъ въ воспитательный домъ, сберегая всѣ сокровища своей сантиментальности для цвѣтовъ и для барашковъ. Примѣненіе принциповъ Руссо о бракѣ къ его собственному браку также не отличалось послѣдовательностію, впрочемъ не столько по его винѣ, сколько по винѣ его сожительницы. Знаменитый бракъ Руссо былъ заключенъ черезъ 25 лѣтъ послѣ его фактическаго начала. Брачная церемонія, по словамъ Руссо, совершилась во всей простотѣ и во всей истинности природы. Въ одной изъ комнатъ своей квартиры, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, держа за руку г-жу Рену, Руссо произнесъ рѣчь о той дружбѣ, которая соединяла ихъ втеченіе 25 лѣтъ, и о принятомъ ими рѣшеніи сдѣлать этотъ союзъ нерасторжимымъ. Затѣмъ онъ спросилъ свою сожительницу, раздѣляетъ-ли она его чувства? Когда она отвѣтила: да,—Руссо, продолжая держать ея руку въ своей рукѣ, снова произнесъ рѣчь, въ которой изобразилъ обязанности супружества, съ ссылкою на нѣкоторыя событія своей жизни. Потомъ, поднявъ глаза къ небу, Руссо, по свидѣтельству очевидца, бывшаго при этомъ событіи, началъ говорить языкомъ столь возвышеннымъ, что невозможно было и слѣдить за нимъ, — такъ эта рѣчь и осталась неизвѣстною для потомства. Успокоившись, онъ попросилъ находившихся при этомъ лицъ быть свидѣтелями тѣхъ клятвъ, которыя онъ давалъ своей женѣ. Ровно черезъ годъ, почти день въ день, послѣ этой церемоніи, мадамъ Руссо оставила своего супруга. Философъ протестовалъ: по его мнѣнію, нужно было, чтобы по крайней мѣрѣ состоялось обоюдное согласіе на счетъ условій развода,—тогда все таки разводъ совершился бы въ силу договора, какъ въ силу дого-

вора же совершился бракъ. Но протестъ Руссо остался безплоднымъ.

Главными дѣятелями французской революціи оказались ученики Ж. Ж. Руссо. И могли ли они удовольствоваться тѣмъ факультативнымъ гражданскимъ бракомъ, который введенъ былъ закономъ 1787 г.? Гражданскій бракъ долженъ быть достояніемъ каждаго французскаго гражданина. Государственная, а не какая либо другая власть должна установить условія заключенія брачнаго договора, и указать условія для расторженія этого договора, ибо, какъ говорили, что создала воля, волею же можетъ быть и разрушено. Національное собраніе было уже предрасположено къ этому образу мыслей, когда священникъ церкви св. Сульпиція въ Парижѣ, въ сообразность, какъ онъ говорилъ, каноническимъ правиламъ, а на самомъ дѣлѣ, какъ о немъ говорили, съ большими придирками, отказалъ въ вѣнчаніи артисту французскаго театра, сдѣлавшемуся потомъ европейскою знаменитостію подъ именемъ трагика Тальмы. Тальма написалъ письмо въ національное собраніе, и письмо возбудило здѣсь бурю. Національнымъ собраніемъ затѣмъ письмо это было передано въ такъ называемый «церковный комитетъ»; тогда былъ составленъ первый законопроектъ о гражданскомъ бракѣ, Этотъ законопроектъ перешелъ въ конституцію 3 сентября 1791 г., 7-й артикулъ которой гласилъ, что законъ разсматриваетъ бракъ, только какъ контрактъ гражданскій. Прежде таинство и контрактъ различали, теперь таинство просто игнорируется. Въ тоже время внесенъ былъ на обсужденіе національнаго собранія и подробный законопроектъ о формѣ заключенія брака. Когда обсуждался этотъ законопроектъ, одинъ изъ депутатовъ предложилъ: соорудить отечеству каменный алтарь, начертать на немъ декларацію правъ человѣка и гражданина

и передъ этимъ алтаремъ производить всѣ акты, важные для гражданскаго и политическаго положенія гражданъ. Ораторъ рекомендовалъ и каждому гражданину являться передъ этимъ алтаремъ во всѣ важныя эпохи его жизни, здѣсь пріобрѣтать себѣ имя супруга и надежду получить имя отца. По другому предложенію, временемъ для заключенія брака должны назначаться декады—эти воскресенья гражданской религіи. Брачная церемонія должна быть обставлена извѣстной помпой. Власти должны являться въ оффиціальномъ костюмѣ. Мѣсто для заключенія брачныхъ союзовъ должно быть особое, спеціально къ тому предназначенное. При бракосочетаніи должны прочитываться оффиціальные бюллетени съ упоминаніемъ о чертахъ храбрости и о дѣйствіяхъ, способныхъ внушить добродѣтель, а также наставленія на счетъ земледѣлія и искусствъ. Торжество должно заканчиваться играми и пѣніемъ.

Въ 1792 г., черезъ пять лѣтъ послѣ закона Людовика XVI о факультативномъ гражданскомъ бракѣ, былъ изданъ революціонный законъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Бракъ каждымъ французскимъ гражданиномъ обязательно долженъ быть заключенъ передъ чиновникомъ гражданскаго состоянія. Подобно всякимъ другимъ контрактамъ, брачный договоръ можетъ быть не только заключаемъ, но и прекращаемъ. Заявленіе о расторженіи брака точно также дѣлается передъ чиновникомъ гражданскаго состоянія. Въ одной гравюрѣ того времени были изображены два божества: гименей, держащій въ рукахъ по вѣнцу,—передъ нимъ совершается гражданскій бракъ,—и какое-то освободительное божество, въ ногахъ котораго совершается разводъ. Даже Дидро договорился до того, что въ образецъ ставилъ нравы жителей Отаити, гдѣ браки продолжаются часто не больше четверти часа. А вотъ какого

рода рѣчи держали, въ назиданіе новобрачнымъ парамъ, муниципальные чиновники.

«Граждане и гражданки! Вы намъ доказываете сегодня, что свобода будетъ у насъ покоиться на вѣчныхъ базисахъ: свобода развода замѣнила теперь тѣ непріятности и скуку, которыя связаны съ союзами нерасторжимыми. Легкость развода ободряетъ робкія души, тогда какъ въ бракахъ нерасторжимыхъ самое удовольствіе дѣлается игомъ, когда оно становится долгомъ. Разводъ есть источникъ взаимнаго уваженія, услужливости, заботъ; разводъ—это попечительное божество брака. Итакъ, пользуйтесь миромъ ненарушимымъ и счастіемъ безоблачнымъ. Молодые супруги! бракъ для васъ не тягость, не цѣпь: онъ есть только то, чѣмъ долженъ быть,—исполненіе великихъ намѣреній природы, уплата долга гражданскому отечеству. Союзъ, основанный на взаимной нѣжности, не болѣе ли святъ, не болѣе ли чистъ, чѣмъ союзъ, основанный на предразсудкахъ? Но онъ долженъ быть даже и болѣе проченъ. Ибо въ домахъ свободныхъ супруговъ, обязанныхъ своимъ союзомъ лишь взаимному уваженію и честной страсти, если и появляются иногда размолвки, неизбѣжныя даже въ самыхъ любящихъ людяхъ, то опасеніе развода всегда помѣшаетъ разрости этимъ размолвкамъ».

Вообще, даже люди, одобряющіе секуляризацію брака и принципъ обязательнаго гражданскаго брака, вынуждены сознаться, что французское революціонное законодательство вышло изъ границъ благоразумной реформы, въ особенности что касается развода: законы о разводѣ заключали въ себѣ тѣмъ болѣе радикальную ломку существовавшаго во Франціи порядка, что по каноническому праву католической церкви бракъ нерасторжимъ, допустима лишь а сепарація, т. е. прекращеніе супружескаго сожитія:—разлученіе супруговъ отъ

стола и ложа, безъ разорванія самаго брачнаго союза и, слѣдовательно, безъ права для разлученныхъ вступать въ новые браки; разводъ же въ собственномъ смыслѣ допускается католическою церковью только въ видѣ исключенія, и притомъ только по отношенію къ бракамъ т. н. неконсуммированнымъ, т. е. не перешедшимъ въ плотское сожитіе. Секуляризація права,—говоритъ Глассонъ,—была реформою, горячо желавшеюся; реформа эта обнимала собою гражданскій бракъ и веденіе актовъ состоянія чиновниками государства. Она за долгое время подготовлена была юристами, которые, не смотря на ихъ глубокую привязанность къ католической церкви не переставали поддерживать права государства, представляемаго королемъ, противъ захватовъ духовенства. Юристы никогда не соглашались видѣть въ бракѣ только одно таинство, и, признавая за кюре право совершать бракосочетанія, видѣли въ немъ лишь королевскаго уполномоченнаго. Отсюда слѣдовалъ юридическій выводъ, что за государствомъ всегда оставалось право взять свое порученіе или полномочіе назадъ: этимъ правомъ государство и воспользовалось въ эпоху революціи, секуляризуя бракъ. Что же касается развода, то онъ никогда не требовался юристами. Требованіе развода впервые предъявлено было философами XVIII в. Въ моментъ революціи, въ умѣ новаго законодателя произошло настоящее смѣшеніе доктринъ юристовъ и доктринъ философовъ: изъ этого смѣшенія и родились революціонные законы о бракѣ и разводѣ, основанные на уподобленіи брака всякимъ обыкновеннымъ контрактамъ, заключаемымъ и прекращаемымъ волею сторонъ. Различается троякій разводъ: 1) по опредѣленнымъ причинамъ, 2) по взаимному соглашенію и 3) по волѣ одного изъ супруговъ въ виду не сходства характеровъ. Опредѣленныя причины къ разводу суть: присужденіе одного изъ

супруговъ къ тяжкому или позорящему наказанію, преступленіе, жестокое обращеніе и тяжкія оскорбленія, распутная жизнь, оставленіе однимъ супругомъ другого на время не меньше двухъ лѣтъ, сумасшествіе, безвѣстное отсутствіе свыше пяти лѣтъ. Разводъ по взаимному соглашенію отдается на волю супруговъ, причемъ законодатель не заботится о дѣтяхъ и о семьѣ. Супруги, желающіе развестись, должны лишь предварительно созвать совѣтъ изъ шести родственниковъ (или друзей за отсутствіемъ родственниковъ) по трое съ каждой стороны. Совѣтъ долженъ состояться черезъ мѣсяцъ послѣ приглашенія; родственники или друзья дѣлаютъ попытку къ примиренію супруговъ и, въ случаѣ безуспѣшности таковой, заявляютъ о томъ муниципальному чиновнику, которымъ и констатируется этотъ фактъ безуспѣшности, а затѣмъ самое малое черезъ мѣсяцъ, самое большое черезъ шесть мѣсяцевъ, супруги представляются чиновнику, ведущему акты состоянія, и чиновникъ провозглашаетъ разводъ, не входя въ разбирательство дѣла. Разводъ по волѣ одного изъ супруговъ въ виду несходства характеровъ могъ состояться по причинамъ самымъ легковѣснымъ; формы тѣже, что и при разводѣ по взаимному соглашенію, только сроки продолжительнѣе. Съ церковной стороны въ разводѣ усматривалось тѣмъ большее посягательство на совѣсть, что сепарація была отмѣнена: между тѣмъ какъ раньше разлученіе супруговъ (сепарація) могло привести разлученныхъ къ примиренію, разводъ, давъ возможность каждому тотчасъ вступать въ новый бракъ, тѣмъ самимъ сдѣлалъ невозможнымъ желаемое церковью примиреніе. Вредныя послѣдствія допущенной закономъ свободы развода обнаружились не въ деревняхъ, гдѣ крестьяне отказывались прибѣгать къ разводу, а въ большихъ городахъ, гдѣ свободою развода спѣшили злоупотреблять. Въ Парижѣ, втеченіе 27 мѣ-

сяцевъ съ момента обнародованія закона 1792 г., суды постановили 5,994 бракоразводныя рѣшенія. Въ три первые мѣсяца 1793 г. число разводовъ въ Парижѣ равнялось числу браковъ. Втеченіе одного мѣсяца плювіоза III года республики состоялось 223 развода, изъ которыхъ 205 были потребованы женщинами въ виду несходства характеровъ. А въ VI году республики число разводовъ даже превысило въ столицѣ число браковъ. Въ послѣдующіе годы зло нѣсколько умалилось, но все еще продолжало внушать всѣмъ благоразумнымъ людямъ величайшія опасенія. Въ IX году республики на 4000 браковъ приходилось 208 разводовъ, а въ X году на 3000 браковъ приходилось 900 разводовъ. Замѣчено было, что свобода развода во Франціи привела къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ привела она нѣкогда въ Римѣ, и вдобавокъ оказалось, въ противность увѣреніямъ революціонныхъ ораторовъ, что легкость развода вовсе не «ободряетъ души робкія», и не располагаетъ къ безбоязненному вступленію въ бракъ, а напротивъ внушаетъ гражданамъ отвращеніе къ браку.

Французское революціонное законодательство о бракѣ дало суровый урокъ человѣчеству. Нетерпимость религіозная нигдѣ, кажется, не получала такой неприглядной формы, какъ во Франціи. Исторія религіозныхъ преслѣдованій, конечно, представляетъ кровавые типы фанатиковъ и въ другихъ странахъ,— напр. Филиппа II испанскаго и разныхъ жрецовъ священной инквизиціи. Но Филиппъ и ему подобные были, по крайней мѣрѣ, людьми искренно убѣжденными въ томъ, что они дѣлаютъ Божье дѣло, служатъ Богу своими преслѣдованіями. Нетерпимость французская имѣла своимъ источникомъ лицемѣріе. Правительство Людовиковъ XIV и XV, блиставшее своею порочностью и утратившее всякую вѣру, преслѣдовало за вѣру

тѣхъ, которые дѣйствительно имѣли горячую вѣру въ ученія, исповѣдуемыя ими. Упорно оставаясь на средневѣковой точкѣ зрѣнія, оно не дѣлало никакой уступки самымъ законнымъ требованіямъ человѣческой природы, хотя люди уже слишкомъ развились, чтобы понимать всю нелѣпость, всю неестественность тѣхъ притѣсненій, которымъ они подвергались. Такой образъ дѣйствій со стороны власти могъ привести только къ насильственному взрыву. А какъ скоро взрывъ удался, тѣмъ сильнѣе разгулялись страсти, тѣмъ необузданнѣе хлынулъ революціонный потокъ, тѣмъ болѣе дикой энергіи проявило революціонное законодательство, даже тѣмъ нетерпимѣе и фанатичнѣе сдѣлалось само это законодательство, чѣмъ грознѣе, упорнѣе и энергичнѣе была сила сломленнаго врага. «Долгъ платежомъ красенъ», — это одно изъ тѣхъ положеній, которыя всемірная исторія иллюстрировала съ замѣчательною отчетливостью.

Но одна любопытная черта въ умонастроеніи революціонной эпохи и въ революціонномъ законодательствѣ бросается въ глаза. При всемъ разгулѣ страстей и при всей необузданности революціоннаго фанатизма, захватившаго власть, французскій гражданскій бракъ временъ революціи былъ болѣе идейнымъ заблужденіемъ, чѣмъ нравственнымъ дефектомъ. Онъ былъ своеобразнымъ выраженіемъ государственнаго культа, «поклоненія отечеству», какъ разсуждалъ тотъ депутатъ, который предложилъ сооруженіе отечеству каменнаго алтаря. Даже разводъ былъ поставленъ подъ покровительство какого-то божества. Въ законодательство революціонное не вполнѣ проникла эта идеально-поэтическая сторона государственнаго культа. Но и въ законодательствѣ заключеніе и разорваніе супружескаго союза все-таки обставлены извѣстными формальностями оффиціальнаго характера: представитель государства

непремѣнно долженъ участвовать и въ заключеніи, и въ расторженіи брачнаго договора,— такъ предписывалось даже въ самый разгаръ революціи. Потомъ, когда начало свободнаго развода было отмѣнено, французскій гражданскій бракъ совсѣмъ отрѣшился отъ того легкомысленнаго характера, который усвоенъ былъ имъ въ эпоху революціи. Это—союзъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе стѣснительный, чѣмъ церковный бракъ, напр. въ отношеніи къ требованію согласія родителей на браки дѣтей.

Уже въ законѣ 1792 г. опредѣлились существенныя черты такъ называемаго обязательнаго гражданскаго брака, какъ юридическаго учрежденія, какимъ мы находимъ его въ наполеоновскомъ Code civil и въ тѣхъ законодательствахъ, которыя секуляризовали и регулировали бракъ по французскому образцу. Дѣло идетъ не о формѣ только или о способѣ вступленія въ бракъ: гражданскій бракъ обнимаетъ собою цѣлое сложное законодательство объ условіяхъ, необходимыхъ для брака или, говоря отрицательно, о препятствіяхъ къ браку, о способѣ заключенія брака и о прекращеніи брака. Всѣ эти стороны брачнаго союза вполнѣ или по преимуществу опредѣляются государственнымъ законодательствомъ по государственнымъ соображеніямъ, а не по возрѣніямъ и канонамъ церковнымъ; акты брачные должны регистрироваться государственными должностными лицами; дѣла брачныя должны вѣдаться государственными судами. Юристы стараго режима, какъ Потье, употребляли выраженіе: «contrat de mariage», въ двоякомъ смыслѣ,—во-первыхъ, для обозначенія самаго брачнаго союза, какъ договора о супружескомъ сожитіи, регулируемаго государствомъ и въ то же время представляющаго собою матерію для церковнаго таинства, и, во-вторыхъ, для обозначенія того акта или документа, въ которомъ содержатся

особыя соглашенія будущихъ супруговъ, главнымъ образомъ имущественнаго характера. Съ тѣхъ поръ какъ государственное законодательство стало видѣть въ бракѣ только гражданскій контрактъ, игнорируя таинство, подъ брачнымъ актомъ (acte de mariage), стали разумѣть бракозаключительный актъ, предъ гражданскимъ чиновникомъ, вносимый въ книги или реестры гражданскаго состоянія гражданскимъ же чиновникомъ и служащій основою для правъ состоянія. Подъ брачнымъ же контрактомъ стали понимать договоръ, совершаемый у нотаріуса передъ бракомъ и имѣющій въ виду, главнымъ образомъ, установить опредѣленный порядокъ имущественныхъ отношеній будущихъ супруговъ.

ГЛАВА III.

Гражданскій бракъ по Code civil и по другимъ законодательствамъ, усвоившимъ въ большей или меньшей степени принципы французскаго кодекса.

Законъ 1792 г. о бракѣ былъ принятъ въ составленный десятью годами позднѣе наполеоновскій гражданскій кодексъ, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Въ общемъ французскій кодексъ смотритъ на бракъ, какъ на институтъ гражданскаго права, подлежащій опредѣленіямъ государственнаго законодательства не только со стороны личныхъ и имущественныхъ отношеній между супругами, но и со стороны условій, необходимыхъ для брака, со стороны формы его заключенія и въ отношеніи къ прекращенію брачнаго союза. Всего нагляднѣе, конечно, противоположность гражданскаго брака церковному проявляется въ формѣ заключенія брака. Руководящіе люди, которымъ принадлежало составленіе наполеоновскаго гражданскаго уложенія, твердо помнили, что бракъ есть гражданскій контрактъ. Напримѣръ, Портались не безъ краснорѣчія развивалъ ту мысль, что съ провозглашеніемъ свободы вѣроисповѣданій, оказалось возможнымъ секуляризовать законодательство, т. е. отрѣшить его отъ всякихъ церковныхъ понятій и придать ему совершенно свѣтскій характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ Портались, образовалась великая идея, что

нужно терпѣть все то, что терпится Провидѣніемъ, и что законъ который не можетъ насиловать религіозныхъ мнѣній гражданъ. долженъ имѣть въ виду только французовъ, какъ природа видитъ только людей. Поэтому государственный законъ не признаетъ разныхъ препятствій къ браку, установленныхъ церковнымъ правомъ, какъ различіе религіи, нахожденіе въ духовномъ санѣ и монашествѣ съуживаетъ кругъ препятствій по родству и свойству сравнительно съ объемомъ каноническихъ запрещеній (ограничивая запрещеніе третьею степенью бокового родства, т. е. между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ и второю степенью свойства, т. е. между зятемъ и свояченицей), а съ другой стороны, согласно съ ордонансами стараго режима, выставляетъ какъ безусловное требованіе для дѣйствительности брака — согласіе родителей на бракъ лицъ мужескаго пола, недостигшихъ 25 лѣтняго возраста, и лицъ женскаго пола, недостигшихъ 21 года, возвышаетъ норму брачнаго совершеннолѣтія до 18 л. (для мужчины) и 15 л. (для женщины) вмѣсто каноническихъ 14 и 12-ти. Форма заключенія гражданскаго брака состоитъ въ томъ, что послѣ двукратной публикаціи втеченіе недѣли, предшествующей бракосочетанію (публикація о предположенномъ бракѣ производится посредствомъ вывѣшенія объявленія на дверяхъ общиннаго присутственнаго мѣста), женихъ и невѣста являются въ мэрію, и здѣсь, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, мэръ или вообще чиновникъ гражданскаго состоянія (l'officier de l'état civil) прочитываетъ документы, относящіеся къ браку, напримѣръ, удостовѣряющіе личность жениха и невѣсты или свидѣтельствующіе о согласіи родителей на бракъ и т. п., прочитываетъ нѣкоторыя статьи закона, относящіяся къ правамъ и обязанностямъ супруговъ, спрашиваетъ мужчину и женщину порознь, желаютъ ли

они быть—одинъ мужемъ. другая женой другъ другу и, по полученіи утвердительнаго отвѣта. объявляетъ ихъ супругами во имя закона. Тутъ же немедленно производится регистрація брака, т. е. записываются въ особую брачную книгу имена, фамиліи, возрастъ, сословіе, занятія, мѣстожительство жениха и невѣсты, ихъ родителей и бывшихъ при бракосочетаніи свидѣтелей, протоколируется также все то. что происходило предъ тѣмъ, т. е. объявленіе согласія на бракъ женихомъ и невѣстою на вопросъ чиновника и объявленіе ихъ законными супругами со стороны этого послѣдняго. Въ наполеоновскомъ уложеніи сохранился и разводъ, даже и разводъ по взаимному соглашенію, впрочемъ обставленный болѣе серьезными гарантіями противъ легкомысленныхъ злоупотребленій свободою разводовъ, сравнительно съ революціоннымъ законодательствомъ и притомъ съ возстановленіемъ сепараціи (séparation de corps) такъ что супругу-пстцу предоставлено на выборъ требовать развода или сепараціи (поводы къ разводу и сепараціи одни и тѣже). Такъ продолжалось до 1816 г., когда разводъ былъ уничтоженъ и оставлена одна сепарація. По этому поводу Глассонъ замѣчаетъ, что уничтоженіе развода не было репрессаліей или отместкой со стороны стараго режима, а отвѣчало желаніямъ народа. Противъ другихъ законопроектовъ реставраціи высказывались по-крайней мѣрѣ возраженія, а противъ законопроекта объ уничтоженіи развода ни откуда никакого возраженія не послѣдовало. Принимая далѣе во вниманіе положеніе дѣлъ въ Италіи, Испаніи и Португаліи, гдѣ хотя и введенъ гражданскій бракъ, но развода не существуетъ, Глассонъ выставляетъ даже въ видѣ общаго положенія, что разводъ претитъ чувству католическихъ романскихъ народовъ, воспитавшихся на каноническомъ правѣ римской церкви. Отсюда слѣдовало бы, что не всѣ тѣ выводы изъ идеи гражданскаго брака, которые

мыслимы въ теоріи, могутъ быть сдѣланы на практикѣ. Возможно, что католическимъ народнымъ массамъ въ самомъ дѣлѣ разводъ претитъ; но не невозможно и то, что со временемъ разводъ будетъ узаконенъ и у католическихъ романскихъ народовъ. Во Франціи это уже и случилось. Послѣ неудачныхъ предложеній о возстановленіи развода, вносившихся въ законодательное собраніе въ 1830 и въ 1848 г., во времена нынѣшней третьей Французской республики разводъ вновь допущенъ во Франціи закономъ 27 іюня 1884 года, но не разводъ по взаимному соглашенію или въ виду несходства характеровъ, а разводъ по опредѣленнымъ причинамъ, каковы. нарушеніе супружеской вѣрности, присужденіе къ тяжкому или позорящему наказанію, жестокое обращеніе и тяжкія оскорбленія (injures graves). Вмѣсто того, чтобы требовать развода, искъ можетъ направляться на séparation de corps; поводы къ разводу и къ сепараціи тождественны; подробности сепараціи регулированы закономъ 6 февр. 1893 г. Такъ во Франціи. Есть свѣдѣнія, что и въ Италіи, въ настоящее время, вопросъ о разводѣ стоитъ на очереди. Для характеристики французскаго обязательнаго гражданскаго брака нужно остановиться еще на одномъ важномъ пунктѣ. Революціонный законъ 1792 г., устанавливая обязательный гражданскій бракъ для всѣхъ французовъ, не упоминалъ о церковномъ вѣнчаніи, совершенно игнорируя его, такъ что люди, не порвавшіе съ религіей и считавшіе долгомъ совѣсти освятить свой бракъ церковнымъ благословеніемъ, имѣли возможность обвѣнчаться и до, и послѣ заключенія гражданскаго брака, смотря по тому, какъ находили для себя удобнѣе, слѣдовательно съ церковнымъ дѣйствіемъ могли связывать собственную бракозаключительную силу, на гражданскій же бракъ смотрѣть, какъ на дополнительную формальность, тре-

буемую государствомъ. Code civil не желаетъ допустить этого: гражданскій бракъ долженъ стоять высоко во мнѣніи гражданъ, которые должны помнить, что законная сила придается брачному союзу исключительно гражданскимъ актомъ. и что напротивъ церковное священнодѣйствіе не имѣетъ юридической силы въ глазахъ государства. Отсюда слѣдуетъ, что совершеніе гражданскаго акта должно безусловно и всегда предшествовать церковному благословенію. которое ничего не прибавляетъ къ юридической силѣ брака. Священникъ, который благословляетъ бракъ, не удостовѣрившись въ томъ. что предварительно заключенъ былъ гражданскій актъ подлежитъ уголовному суду и наказанію. Опредѣленная такимъ образомъ послѣдовательность гражданскаго и церковнаго актовъ вызвала въ практикѣ нѣкоторыя затрудненія. Во-первыхъ. что дѣлать, если мужъ, обѣщавшій передъ вступленіемъ въ бракъ обвѣнчаться въ церкви послѣ совершенія гражданскаго акта, не исполняетъ затѣмъ своего обѣщанія, на томъ основаніи, что права его, какъ законнаго мужа, ни въ какой дальнѣйшей формальности не нуждаются? Или допустимъ, что обѣщанія даже и не давалось, но со стороны невѣсты само собою предполагалось, что послѣ гражданскаго акта въ мэріи должно послѣдовать вѣнчаніе въ церкви. Французская юриспруденція и французскіе суды выработали себѣ слѣдующую опредѣленную точку зрѣнія при обсужденіи подобныхъ случаевъ: жена, въ случаѣ отказа мужа отъ церковнаго вѣнчанія, не только можетъ считать себя свободною отъ обязанности супружескаго сожительства, но и смотрѣть на отказъ мужа, какъ на тяжкое оскорбленіе (injure grave), дающее поводъ требовать формальной separation de corps. Другаго рода затрудненіе, встрѣтившееся въ практикѣ, состоитъ въ томъ, что священникъ можетъ быть приглашенъ къ постели умирающаго, который въ

послѣднія минуты жизни требуетъ, чтобы его прежняя незаконная связь получила благословеніе церкви, и чтобы женщина, отъ которой часто прижиты бываютъ и дѣти, стала его женой. Гражданскій бракъ тутъ не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ ему должны предшествовать двѣ публикаціи: отъ второй еще возможно диспенсироваться, т. е. освободиться, но отъ первой никогда. Спрашивалось, подлежитъ ли уголовному наказанію священникъ, совершающій при такихъ обстоятельствахъ церковное бракосочетаніе, не предшествуемое гражданскимъ актомъ? Практика молчаливо разрѣшала этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ священники, благословлявшіе бракъ при подобныхъ обстоятельствахъ, не преслѣдовались уголовнымъ судомъ. да и теорія высказалась въ томъ же смыслѣ, видя въ данныхъ обстоятельствахъ такую нужду, которая, по русской пословицѣ. закона не знаетъ, а черезъ конъ шагаетъ. Впрочемъ, примѣръ Германіи показалъ, что трудность можетъ быть устранена и другимъ способомъ, именно допущеніемъ совершенія гражданскаго акта при подобныхъ обстоятельствахъ безъ всякихъ публикацій и диспенсаціи.

Французскія завоеванія времени первой республики и первой имперіи распространили обязательный гражданскій бракъ и внѣ Франціи. Такъ, въ *Голландіи*, гдѣ принципъ гражданскаго брака былъ уже раньше извѣстенъ, но не въ смыслѣ французскомъ, въ 1795 г. введенъ былъ обязательный гражданскій бракъ по французскому образцу; онъ же потомъ былъ принятъ и въ кодексъ 1838 г. Какъ и во Франціи, брачному благословенію, долженъ предшествовать гражданскій бракъ; для дѣйствительности брака лицъ, недостигшихъ совершеннолѣтія, требуется безусловно согласіе родителей; допущенъ разводъ, но не по взаимному соглашенію, причемъ параллельно съ разводомъ до-

пущена и сепарація. Но такъ какъ сепарація возможна и по взаимному соглашенію, а по истеченіи пяти лѣтъ сепараціи, не сопровождавшейся примиреніемъ, можетъ быть постановлено рѣшеніе о разводѣ, то отсюда слѣдуетъ, что взаимное соглашеніе косвеннымъ путемъ можетъ привести и къ разводу.

Въ *Италіи* гражданскій бракъ введенъ уложеніемъ 1866 г. Законность брака de jure зависитъ только и единственно отъ гражданскаго акта. Освященіе брака церковнымъ благословеніемъ предоставляется совѣсти каждой брачной пары. Препятствія къ браку опредѣляются гражданскимъ закономъ съ гражданской точки зрѣнія, такъ что напр. такія препятствія, какъ различіе религіи, духовный санъ и монашество, отпали. Но итальянскій кодексъ не воспроизводитъ уголовныхъ опредѣленій французскаго законодательства относительно священника, совершающаго церковное бракосочетаніе раньше гражданскаго акта. Гражданскій актъ можетъ и предшествовать церковному бракосочетанію, и послѣдовать за нимъ. Благодаря этому, устраняется трудность, констатированная въ практикѣ французскихъ судовъ, что мужъ будетъ отказываться отъ религіознаго освященія гражданскаго союза, и въ тоже время церкви предоставляется свобода давать свое благословеніе тѣмъ, кто къ ней обращается, когда бы къ ней ни обратились. Трудность, однако, возникла въ Италіи другого рода. Такъ какъ въ массѣ народной широко распространенъ взглядъ на гражданскій бракъ, какъ на дѣло нечестивое, то многіе, особенно жители деревень, довольствовались однимъ церковнымъ бракомъ, а между тѣмъ законнымъ бракомъ признается только тотъ, который заключенъ въ формѣ гражданскаго акта. Статистика вычислила, что въ Палермо съ 1866 до 1871 г. на 8,911 браковъ 2,859 были только церковными. Не невозможны были при-

этомъ и обманы: мужчина увѣряетъ обвѣнчанную съ нимъ дѣвицу, пользуясь малымъ знакомствомъ ея съ законами, что церковнаго благословенія вполнѣ достаточно для законности брака, и затѣмъ бросаетъ ее черезъ нѣсколько времени, послѣ чего брошенной разъясняютъ, что съ точки зрѣнія гражданскаго закона она не была законною женою, и что дѣти, которыхъ она могла прижить съ своимъ сожителемъ, суть дѣти незаконныя. На это обстоятельство обращено было вниманіе и правительства, и юриспруденціи. Одни предлагали принять французскую систему. Другіе, напротивъ, считая французскую систему посягательствомъ на свободу церкви, предлагали удовольствоваться внесеніемъ въ уголовный кодексъ статьи угрожающей, наказаніемъ всякому, кто злоупотребилъ бы довѣріемъ или невѣдѣніемъ другого лица заключеніемъ съ нимъ только и единственно церковнаго брака безъ гражданскаго, и въ тоже время организовать общество для распространенія въ народѣ здравыхъ понятій о гражданскомъ бракѣ и о необходимости его заключенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи даже само духовенство, во избѣжаніе недоразумѣній, предупреждало брачущихся насчетъ необходимости совершенія гражданскаго акта, и въ этомъ смыслѣ получало примирительныя инструкціи отъ высшихъ духовныхъ властей. И повидимому, число лицъ, ограничивающихся только церковнымъ бракомъ, стало постепенно уменьшаться. Разводъ, какъ выше было замѣчено, пока еще не введенъ въ Италіи, хотя вопросъ о введеніи его поднимался и въ настоящее время считается даже очереднымъ вопросомъ; существуетъ только сепарація или разлученіе супруговъ отъ сожительства, безъ разорванія самаго союза брачнаго и безъ возможности для разлученныхъ вступать въ новые браки; сепарація допускается и безъ опредѣленныхъ поводовъ, просто по взаимному соглашенію.

Нѣсколько раньше, чѣмъ въ Италіи, гражданскій бракъ введенъ былъ въ *Румыніи*, съ введеніемъ въ дѣйствіе въ 1864 г. французскаго code civil. Но хотя румыны принадлежатъ къ романской расѣ, все прошедшее ихъ, равно какъ и современный юридическій бытъ создались подъ вліяніемъ источниковъ восточнаго церковнаго права и подъ вліяніемъ славянъ. всегда окружавшихъ Румынію. Поэтому, французскій гражданскій бракъ на румынской почвѣ измѣнился до неузнаваемости. Разводъ здѣсь допущенъ, но допущенъ потому, что восточное церковное право допускаетъ разводъ, независимо отъ какихъ либо идей секуляризаціи права и брака Зато сепарація, которая никогда не была развита въ восточномъ церковномъ правѣ, недопущена и въ Румыніи. Что же касается формы заключенія брака—и это самый характерный пунктъ—то гражданскій актъ требуется обязательно отъ всѣхъ, желающихъ основать законный супружескій союзъ, но обязательно же отъ всѣхъ требуется и позднѣйшее церковное благословеніе брака. Другими словами, одинъ гражданскій актъ, самъ по себѣ, еще не создаетъ законнаго брака, законнымъ бракомъ будетъ только тотъ бракъ, который послѣ совершенія гражданскаго акта обвѣнчанъ въ церкви. Можно съ точки зрѣнія юридической разсуждать такъ, что гражданскій бракъ есть юридическій актъ, совершаемый подъ условіемъ: только съ наступленіемъ условія, въ зависимость отъ котораго поставлено полученіе этимъ актомъ юридической силы, т. е. съ совершеніемъ церковнаго вѣнчанія, бракъ становится законнымъ бракомъ.

Въ *Испаніи* до 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія юридическое значеніе придавалось исключительно католическому церковному браку въ тридентской формѣ. Послѣ провозглашенія республики, введенъ былъ въ Италіи обязательный гражданскій бракъ по французскому образцу, и духовенство

устранено отъ введенія актовъ гражданскаго состоянія: то и другое было сдѣлано законами 1871 г., а еще раньше, въ 1870 г., брачныя дѣла были отданы въ вѣдомство гражданскихъ судовъ. Но, подобно итальянскому законодательству, испанское отступило отъ французскаго образца въ томъ отношеніи, что не запретило духовнымъ лицамъ, подъ страхомъ наказанія, совершать церковныя бракосочетанія раньше заключенія гражданскаго акта. А такъ какъ въ Испаніи еще въ большей степени, чѣмъ въ Италіи, масса смотритъ на гражданскій бракъ, какъ на дѣло нечестивое, то послѣдствія оказались еще болѣе удручающаго свойства, чѣмъ въ Италіи. Во множествѣ случаевъ довольствовались только церковнымъ бракомъ. Законодатель хотѣлъ сначала выдержать и провести свою точку зрѣнія: указомъ 1872 г. было предписано вѣдающимъ регистрацію государственнымъ чиновникамъ записывать незаконнорожденными дѣтей, происходящихъ отъ браковъ, получившихъ лишь церковное благословеніе безъ совершенія гражданскаго акта. Тѣмъ самымъ подготовлялось немало опасностей для прочности и крѣпости самой семьи, и законодатель долженъ былъ отступить, такъ какъ не могъ не принять въ соображеніе фактическія обстоятельства. Итакъ, декретомъ 22 марта 1874 г. лицамъ, заключившимъ церковный только бракъ, было *воспрещено* заключеніе гражданскаго акта, на томъ основаніи, что и церковный бракъ достоинъ уваженія. Съ паденіемъ республики, въ самомъ началѣ 1875 г. положеніе дѣлъ, созданное указомъ 1872 г., было признано оскорбляющимъ достоинство брака и за дѣтьми, происшедшими отъ церковныхъ браковъ, признаны права законныхъ дѣтей. А вслѣдъ затѣмъ королевскимъ декретомъ 9 февраля 1875 г. церковному бракосочетанію для католиковъ придана была гражданская юридическая сила, даже съ обратнымъ дѣй-

ствіемъ. Гражданскій бракъ остался только для не-католиковъ, «пребыванію которыхъ въ Испаніи правительство не можетъ помѣшать», и «для дурныхъ католиковъ», которые, бывъ подвергнуты церковнымъ наказаніямъ, оказались бы въ невозможности получить для своего брака церковное освященіе. Но послѣдующимъ декретомъ 28 февраля гражданскій бракъ католикамъ совершенно воспрещенъ и открытъ лишь для тѣхъ, которые съ очевидностію доказали бы, что они къ католической церкви не принадлежатъ. На этой точкѣ зрѣнія осталось и новое испанское гражданское уложеніе 1889 г., которое различаетъ двѣ формы брака: каноническую, обязательную для всѣхъ, принадлежащихъ къ католической религіи, и гражданскую—для некатоликовъ. Въ отношеніи къ католикамъ поддерживаются препятствія, установленныя церковнымъ правомъ, въ особенности духовный санъ и монашество (эти препятствія къ браку поддерживались даже республиканскими законами 70-хъ годовъ). Но католическое духовенство не только осталось въ сторонѣ отъ веденія реестровъ гражданскаго состоянія, а и самое бракосочетаніе церковное должно совершать не иначе, какъ въ присутствіи государственнаго должностнаго лица, ведущаго эти реестры. Поэтому требуется, чтобы по крайней мѣрѣ за 24 часа было сообщено общинному присутственному мѣсту о предположенномъ бракосочетаніи. Событіе бракосочетанія доказывается только реестрами гражданскаго состоянія. Зато испанское уложеніе поддерживаетъ церковный взглядъ въ такомъ пунктѣ, гдѣ оно, въ отступленіе отъ принципа публичности, проникающаго все брачное право, устанавливаетъ нѣчто такое, подобнаго чему нѣтъ ни въ какомъ другомъ государственномъ брачномъ правѣ. Дѣло въ томъ, что католическая церковь, сама же несомнѣнно выдвинувшая на первый планъ публичность брака, понимаетъ иногда публич-

ность въ довольно ограниченномъ смыслѣ, допуская такъ называемый бракъ совѣсти (matrimonium conscientiae). Бракъ совѣсти, безъ предварительныхъ церковныхъ оглашеній, заключается предъ пароховъ и двумя довѣренными свидѣтелями и не вносится въ обыкновенныя книги; запись такихъ браковъ ведется отдѣльно и содержится въ тайнѣ. По испанскому уложенію супруги заключившіе «бракъ совѣсти», могутъ освободиться отъ внесенія событія бракосочетанія въ реестры гражданскаго состоянія такимъ образомъ, что обращаются въ центральную дирекцію регистратуры, гдѣ для записи подобныхъ браковъ долженъ вестись спеціальный, тайный реестръ.

Гражданская форма заключенія брака, допускаемая испанскимъ законодательствомъ, состоитъ въ томъ, что оба брачущіеся, или одинъ изъ нихъ съ спеціально-уполномоченнымъ *представителемъ* другаго (въ другихъ законодательствахъ представительство вообще не допускается), въ сопровожденіи двухъ правоспособныхъ свидѣтелей, являются къ мѣстному судьѣ, который прочитываетъ относящіеся къ супружескимъ правамъ и обязанностямъ законы, спрашиваетъ о взаимномъ согласіи на бракъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, объявляетъ бракъ заключеннымъ. Письменный о томъ актъ подписывается судьей, супругами, свидѣтелями и письмоводителемъ судьи. Развода не допускается, а допускается лишь разлученіе отъ сожительства, и притомъ не договорное, т. е. не по взаимному соглашенію, ничѣмъ не мотивируемому, а только по опредѣленнымъ въ законѣ причинамъ или поводамъ, каковы: прелюбодѣяніе, тяжкія оскорбленія, принужденіе къ перемѣнѣ религіи, предложеніе мужа женѣ заняться проституціей, какъ ремесломъ, покушеніе на развращеніе дѣтей, присужденіе къ цѣпямъ или къ пожизненному тюремному заключенію.

Наконецъ и еще въ одномъ изъ романскихъ государствъ—въ *Португаліи*, съ 1877 г. признается два рода браковъ: церковный—для католиковъ и гражданскій—предъ чиновникомъ гражданскаго состоянія для всякихъ другихъ лицъ. Развода такъ же не допускается, какъ и въ Испаніи, а допускается только разлученіе на тѣхъ же основаніяхъ.

Любопытно, что принципъ французскаго обязательнаго гражданскаго брака усвоенъ всего полнѣе законодательствами не романскихъ государствъ, а Швейцаріи, Германіи и Венгріи.

Въ *Швейцаріи* федеральный законъ, вступившій въ силу съ 1 января 1876 г., регламентировалъ веденіе реестровъ гражданскаго состоянія, съ устраненіемъ отъ этого дѣла духовенства въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ оно раньше было въ рукахъ духовенства. Закономъ установленъ гражданскій бракъ, опредѣлены его условія или препятствія къ нему, форма его заключенія и разводъ. Гражданское бракосочетаніе должно предшествовать церковному, какъ во Франціи. Раньше разводъ существовалъ только въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, теперь онъ распространенъ на весь союзъ, притомъ съ упраздненіемъ сепараціи, которая дозволена лишь на тотъ случай, когда опредѣленныхъ въ законѣ причинъ или поводовъ къ разводу въ наличности не имѣется, и въ тоже время супружеское сожитіе представляется невозможнымъ. Въ этомъ случаѣ суду предоставляется постановить рѣшеніе о сепараціи не болѣе какъ на два года, а затѣмъ, если не послѣдуетъ примиренія разлученныхъ супруговъ, постановить, по своему усмотрѣнію, и рѣшеніе о разводѣ.

Чтобы доставить удовлетвореніе тѣмъ, которые требовали серьезныхъ гарантій противъ слишкомъ частыхъ разрывовъ брака, законодатель воздержался отъ прямого введенія развода по взаимному соглашенію. Разводъ по взаимному соглашенію, строго говоря,

не допускается; но, когда оба супруга выступаютъ въ качествѣ истцовъ, требующихъ развода, суду предоставляется постановить рѣшеніе о разводѣ, если изъ обстоятельствъ усматривается, что сожитіе невозможно. Это постановленіе закона, какъ показалъ опытъ, проложило въ сущности дорогу разводу по взаимному соглашенію, такъ какъ судья не предпринимаетъ никакого предварительнаго изслѣдованія, какъ скоро оба супруга ищутъ развода, и слѣдовательно стоитъ лишь обоимъ согласиться между собою подать исковыя прошенія о разводѣ,—разводъ готовъ.

Замѣчательную судьбу имѣлъ гражданскій бракъ *въ Пруссіи* и *въ Германіи*. Первый общій законъ, изданный въ Западной Европѣ касательно опредѣленной формы заключенія брака, принадлежалъ, какъ выше было разъяснено, тридентскому собору. Въ протестантской Германіи постановленіе католическаго церковнаго собора не могло быть принято какъ законъ. На это не разсчитывалъ и самъ соборъ, откуда и объясняется его необычное постановленіе, что тридентскій декретъ о формѣ заключенія брака вступаетъ въ юридическую силу черезъ 30 дней послѣ обнародованія въ каждой отдѣльной парохіи,—необычное потому, что законы римской церкви, по общему правилу, обнародуются *urbi et orbi*, т. е. обнародованные въ Римѣ, считаются вмѣстѣ съ тѣмъ обнародованными и для всего міра. Еслибы тридентскій декретъ былъ обнародованъ только въ Римѣ, то и всѣ протестанты были бы имъ связаны, а между тѣмъ можно было предвидѣть, что приверженцы реформаціи не подчинятся тридентскому предписанію, и такимъ образомъ съ церковной стороны браки ихъ должны бы были разсматриваться, какъ незаконныя связи, а это подавало бы новый поводъ къ спору и служило бы лишнею помѣхою къ возвращенію отпадшихъ въ лоно церкви,

на каковое возвращеніе все еще разсчитывали отцы тридентскаго собора. Ожиданіе это оказалось напраснымъ: протестанты ни въ лоно католической церкви не возвратились, ни тридентской формы заключенія брака не приняли. Напротивъ, народный инстинктъ и народная потребность очень рано высказались въ пользу церковнаго бракосочетанія, какъ наилучшей формы вступленія въ законный бракъ, хотя взглядъ германскаго реформатора Мартина Лютера совсѣмъ не располагалъ къ этому. «Бракъ,—разсуждалъ Лютеръ,—есть дѣло почтенное, дѣло святое, имѣющее чрезвычайную важность въ человѣческой жизни; но бракъ не есть церковное таинство; это—такое же мірское, свѣтское дѣло, такой же предметъ попеченій государственной власти, какъ пища, питье, жилище, одежда». И несмотря, однако, на этотъ руководящій реформаторскій взглядъ, въ жизни народныхъ массъ церковное бракосочетаніе считалось наилучшимъ способомъ вступленія въ бракъ. Почва для этихъ народныхъ воззрѣній подготовлена была еще предшествующими вѣками, когда, съ паденіемъ опекунской передачи (traditio, Trauung) невѣсты жениху, священникъ мало по малу заступилъ мѣсто прирожденнаго опекуна, совершающаго передачу сначала невѣсты жениху, позднѣе обоихъ ихъ другъ другу во имя Бога. Съ этимъ фактомъ долженъ былъ считаться и прусскій ландрехтъ 1794 г.

Прусскій ландрехтъ 1794 г., составившійся подъ вліяніемъ идей естественнаго права, задавался, собственно говоря, цѣлью создать общее для всѣхъ вѣроисповѣданій, государственное брачное право; но онъ пошелъ другой дорогой, не той, по которой пошло почти около одного времени состоявшееся французское законодательство, т. е. не обязательный гражданскій бракъ ввела Пруссія, а обязала всѣхъ къ церковному бракосочетанію, которое до XVIII столѣтія въ протестант-

ской Германіи держалось на народной потребности и на народномъ обычаѣ, а не на законѣ. Прусское законодательство взглянуло на вѣнчаніе не съ церковной его стороны, а съ государственно-гражданской, какъ на публичный актъ легализированія брачнаго договора. «Вѣрьте чему хотите,—обращалось государство къ сектамъ,—почитайте Бога такъ, какъ это дозволяютъ вамъ ваши принципы, спасайтесь каждый по собственному фасону, какъ выражался король Фидрихъ Великій, но ваши браки заключайте предъ духовнымъ лицомъ, которое государство поддерживаетъ своимъ довѣріемъ, которое своими, признанными начальствомъ, религіозными принципами представляетъ надежное ручательство того, что оно не сдѣлаетъ и не дозволитъ ничего такого, что не могло бы быть одобрено государствомъ и церковью. Результатъ получился неожиданный. Дѣло въ томъ, что государственный законъ во многихъ отношеніяхъ ослабилъ церковныя требованія, которыя и сами по себѣ были далеко не такъ суровы, какъ въ католицизмѣ наприм. далъ довольно широкую возможность развода, по причинѣ несходства характеровъ, по взаимному соглашенію. Разошедшіеся супруги считали себя, конечно, вправѣ вступать въ новые браки, какъ и законъ признавалъ за ними это право, но столкнулись съ неожиданнымъ препятствіемъ. Протестантское духовенство отказывалось вѣнчать ихъ, находя эти браки противными Евангелію, несмотря на то, что и по вѣроисповѣдному ученію протестантовъ разводъ былъ допущенъ въ довольно широкихъ границахъ. Другими словами, церковь не дозволяла воспользоваться такимъ правомъ, которое предоставлено было государствомъ, а такъ какъ другихъ путей, кромѣ церковнаго, къ тому, чтобы воспользоваться дозволеніемъ государства, не оказывалось, то и самое дозволеніе должно бы было превращаться

въ пустой звукъ. Въ пустой звукъ оно, однако. не превратилось, а напротивъ повело лишь къ тому, что или правительство силой принуждало пасторовъ къ вѣнчанію тамъ, гдѣ они считали это противнымъ совѣсти, или же сами женихъ и невѣста старались разыскать духовное лицо съ болѣе широкою совѣстью, что, обыкновенно, къ немалому соблазну, и удавалось. Диссидентовъ, не принадлежащихъ къ ортодоксальной протестантской церкви, законъ совершенно игнорировалъ: кромѣ протестантскаго церковнаго бракосочетанія. онъ не открывалъ никому никакого другого пути или способа къ вступленію въ законный бракъ, за исключеніемъ католиковъ, которымъ предоставлено было заключеніе браковъ по ихъ церковному праву. т. е. въ тридентской формѣ.

Въ 1848 г. волненія, происходившія во Франціи, отразились и на Германіи. Провозглашено было начало отдѣленія церкви отъ государства, и въ принципѣ признанъ былъ необходимымъ гражданскій бракъ съ записью въ метрическихъ книгахъ, ведущихся государственнымъ чиновникомъ. Поэтому, въ ряду §§-овъ такъ называемыхъ «основныхъ правъ», выработанныхъ франкфуртскимъ собраніемъ, читаются слѣдующіе (§§ 20—21): «Гражданская дѣйствительность брака зависитъ только отъ совершенія гражданскаго акта; церковное дѣйствіе можетъ имѣть мѣсто только послѣ совершенія этого гражданскаго акта; различіе въ религіи не служитъ препятствіемъ къ вступленію въ бракъ (т. е. напр. евреевъ съ христіанами); книги метрическія ведутся гражданскими чиновниками». Однако, кромѣ нѣкоторыхъ мелкихъ германскихъ государствъ, гражданскій бракъ нигдѣ не былъ введенъ: ни въ Пруссіи, ни въ другихъ значительнѣйшихъ государствахъ Германіи не явилось этого учрежденія.

Въ прусскомъ парламентѣ 1849 г. наиболѣе ожесточен-

нымъ и краснорѣчивымъ противникомъ гражданскаго брака выступилъ одинъ депутатъ, по имени Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ По поводу внесеннаго въ парламентъ законопроекта объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ по французскому образцу, ораторъ говорилъ слѣдующее:

«Въ законопроектѣ я не вижу ничего другого, кромѣ намѣренія заставить насъ глотать кусокъ за кускомъ подозрительное блюдо, въ которомъ все—французское, начиная съ содержанія и оканчивая формой... Въ нашихъ глазахъ одно лишь благословеніе церковное придаетъ браку дѣйствительную силу. Вы же торжественный актъ церковнаго бракосочетанія ставите въ зависимость отъ гражданскаго акта и законность брака обусловливаете юридическимъ дѣйствіемъ государственнаго чиновника, предъ которымъ невѣста должна произнести свою клятву вѣрности. Правда, вы дозволяете всѣмъ и каждому, кто считаетъ это необходимымъ для себя, отправиться въ церковь вслѣдъ за совершеніемъ гражданскаго брака. Другими словами, вы удостоиваете церковь почетной роли быть хвостоносицей бюрократіи, да и то еще не крупной, а мелкотравчатой, дозволяя новобрачнымъ явиться къ алтарю и къ священнику. Правда, священнику не воспрещается спросить гражданина, желаетъ ли онъ имѣть женою это самое лицо, которое уже, въ силу закона, объявлено его женой. Но къ чему же этотъ вопросъ, на который и отвѣта никакого не можетъ быть, кромѣ утвердительнаго? Ужь въ такомъ случаѣ распорядитесь измѣнить и самую форму церковнаго бракосочетанія»... (Впослѣдствіи дѣйствительно и поднятъ былъ въ литературѣ вопросъ объ измѣненіи церковнаго бракосочетательнаго ритуала).

«Я не думаю, чтобы роль законодателя могла состоять въ томъ, чтобы игнорировать то, что народъ почитаетъ за священное. Я полагаю напротивъ, что когда законодатель желаетъ дѣйствительно просвѣщать народъ и руководить имъ,

то онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы жизнь народа опиралась во всѣхъ ея отношеніяхъ на базисъ вѣры и на благодатные дары религіи. А правительство отстраняетъ этотъ базисъ, какъ нѣчто добавочное и несущественное, даже и тамъ, гдѣ онъ уже существуетъ, и такимъ образомъ разрушаетъ всякое уваженіе къ церкви и къ религіознымъ учрежденіямъ... Желаютъ сдѣлать возможными браки христіанъ съ евреями, запрещаемые церковью. Для убѣжденнаго іудея, однако, бракъ съ христіанкою всегда останется моральною невозможностію. А если еврей только по имени желаютъ соединиться брачными узами съ христіанами, или, вѣрнѣе, съ людьми, присволяющими себѣ имя христіанъ, такъ на здоровье,— пусть и сдѣлано будетъ для нихъ исключеніе, которое дастъ имъ возможность вступить въ законный бракъ передъ государственнымъ чиновникомъ. Но чтобы, изъ за пользы нѣсколькихъ ренегатовъ, налагать неслыханное насиліе на цѣлое населеніе страны, считающее себя милліонами и остающееся вѣрнымъ вѣрѣ отцовъ своихъ,—это не то что удивительно, а поразительно. Я ума не приложу понять, отчего въ пользу такого рабства говорятъ отъ имени свободы. Причина можетъ заключаться лишь развѣ въ той страсти обезьянничать, въ той маніи перенимать иностранщину, за которыя мы такъ часто упрекаемъ себя. Во всемъ этомъ можно бы было найти не мало пищи для смѣха, еслибы не наше отечество подвергалось этимъ экспериментамъ французскаго шарлатанства».

Такъ разсуждалъ въ 1849 г. депутатъ прусскаго парламента Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ. Напротивъ, когда въ 60-хъ годахъ снова зашла рѣчь въ прусскомъ парламентѣ о введеніи гражданскаго брака, то человѣкъ, котораго никто не обвинялъ въ излишнемъ либерализмѣ, Фридрихъ Юлій Шталь,

самъ лично отстаивавшій теорію христіанскаго государства и церковную форму браковъ, въ засѣданіи прусской палаты 11 марта 1861 г. призналъ, что самые вѣрующіе и самые лояльные люди могутъ быть искренними, убѣжденными и горячими приверженцами обязательнаго гражданскаго брака.

Слова Шталя нашли себѣ позднѣе разительное и совершенно неожиданное подтвержденіе въ Пруссіи и потомъ въ Германіи. Послѣ 1849 г., когда въ прусскомъ парламентѣ ораторствовалъ малоизвѣстный депутатъ Отто фонъ-Бисмаркъ Шенгаузенъ, прошло 25 лѣтъ. Втеченіе этого времени, совершилось много великихъ и малыхъ событій, и между прочимъ малоизвѣстный ораторъ 1849 г. превратился въ князя-канцлера германской имперіи, руководителя внѣшней и внутренней германской политики. Руководимое княземъ Бисмаркомъ, прусское правительство въ 1873 г. нашло, что оставаться при прежнемъ порядкѣ, по которому одно только церковное вѣнчаніе допускалось, какъ законный способъ заключенія брака, невозможно. Въ жизни нерѣдко встрѣчались случаи, когда христіане и евреи желали вступить въ бракъ, котораго однако не повѣнчалъ бы ни одинъ священникъ. Законъ давалъ довольно широкую возможность развода, съ правомъ вступленія въ новые браки, а между тѣмъ духовенство нерѣдко отказывалось вѣнчать эти новые браки, считая ихъ противными христіанской нравственности. Далѣе существовали такія религіозныя секты (меннониты, баптисты), за духовенствомъ которыхъ законъ не признавалъ права совершать бракосочетаніе съ гражданскими послѣдствіями. Притомъ, благодаря борьбѣ государства съ римско-католическою церковью, которая отказызалась исполнять новые прусскіе церковные законы, весьма часто случалось, что государство отрѣшало священниковъ отъ ихъ должностей за неповиновеніе законамъ, а эти отрѣшенныя духов-

ные лица тѣмъ не менѣе продолжали дѣйствовать какъ священники, вѣнчали между прочимъ и браки, такъ что государство оказывалось въ довольно конфузномъ положеніи: оно должно было признавать законными браки, обвѣнчанные незаконными, въ его глазахъ, священниками. На это прямо указывалъ министръ исповѣданій Фалькъ, сдѣлавшій, кромѣ того, удареніе и на томъ фактѣ, что, съ возникновеніемъ старокатолической партіи послѣ ватиканскаго собора 1869—1870 г., для государственнаго правительства возникла обязанность принять мѣры къ обезпеченію гражданскаго состоянія старокатоликовъ.

Итакъ, остаться при одномъ церковномъ способѣ заключенія брака оказывалось невозможнымъ,—нужно было ввести гражданскій бракъ. Прусскіе государственные люди могли воспользоваться уже значительной массой историческаго опыта изъ разныхъ странъ Европы, чтобы съ разумѣніемъ и основательностію высказаться за тотъ, или за другой видъ гражданскаго брака. Они могли сдѣлать сравнительную оцѣнку трехъ типическихъ формъ гражданскаго брака, которыя уже въ прошломъ столѣтіи обособились и опредѣлились съ достаточною ясностію, для того, чтобы или допустить его, только лишь какъ государственную необходимость, въ случаяхъ неизбѣжной крайности,—или допустить его, какъ факультативный, съ предоставленіемъ на добрую волю каждаго обратиться къ чиновнику вмѣсто священника, или къ священнику вмѣсто чиновника,—или наконецъ ввести гражданскій бракъ обязательный для всѣхъ и каждаго. И каковъ же былъ результатъ? 9 марта 1874 г. изданъ былъ прусскій законъ о введеніи обязательнаго гражданскаго брака, а 6-го февраля слѣдующаго 1875 г. этотъ прусскій законъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ изданъ, какъ имперскій законъ, т. е. обя-

зательный гражданскій бракъ введенъ во всѣхъ государствахъ, составляющихъ германскую имперію. Не забудемъ, что обязательный гражданскій бракъ есть не что иное, какъ то самое «французское шарлатанство», которое Бисмаркъ громилъ въ 1849 г.

Не безъинтересно познакомиться съ тѣми соображеніями которыми руководились прусское правительство и палаты прусскаго парламента, при введеніи обязательнаго гражданскаго брака.

Рожденіе, бракъ и смерть суть условія и предположенія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, большей части гражданскихъ и политическихъ правъ. Съ момента рожденія начинается правоспособность, которая оканчивается съ моментомъ смерти, а смерть опять становится основаніемъ для правъ и обязанностей другихъ лицъ. Поэтому не кто другой, какъ государственная власть, имѣетъ неоспоримую обязанность установить тѣ основы, отъ которыхъ оно ставитъ въ зависимость эти права и обязанности, и обезпечить возможность исполненія относящихся къ нимъ условій. Бракъ въ особенности есть основа всего семейственнаго права. Поэтому опять не кто либо другой, а именно государство имѣетъ право опредѣлять условія и форму заключенія брачнаго союза, — вѣдь кто же другой, какъ не государство, будетъ опредѣлять личныя права состоянія каждаго гражданина? Хотя вѣками уже сложилась тѣсная связь брака съ церковнымъ благословеніемъ, но связываемыя съ этимъ благословеніемъ юридическія послѣдствія основываются единственно на государственномъ законѣ, такъ что церковное вѣнчаніе, какъ юридическій актъ, есть учрежденіе государственное, которое можетъ быть и устранено государствомъ. Большая часть столкновеній между государствомъ и церковью по поводу заключенія брака

и засвидѣтельствованія его, произошла оттого, что церковь предоставленную ей государствомъ власть разматривала не какъ производную, а какъ свою собственную.

Въ двухъ другихъ формахъ гражданскаго брака, т. е. въ вынужденномъ необходимостію и въ факультативномъ съ недостаточною ясностію выступаетъ мысль, которая и есть самая главная и существенная, — что заключеніе брака опирается на авторитетъ государства, и, благодаря именно этой неясности, множество людей держится того мнѣнія, что гражданское заключеніе брака есть нѣчто низшее сравнительно съ церковнымъ. Что касается, въ особенности, гражданскаго брака, вынужденнаго крайнею необходимостію, то, натурально, каждый разъ какъ церковь отказываетъ въ вѣнчаніи, на бракъ ложится пятно противуцерковности и даже безнравственности. И при всемъ томъ, несмотря на отказъ церкви, гражданскій бракъ былъ бы, такъ сказать, тріумфомъ отдѣльнаго члена надъ церковною властью, которой онъ подчиненъ. «А, такъ вотъ же я добился того, что мнѣ было нужно, вступилъ въ законный бракъ, обходя тебя и твоихъ священниковъ»,—такъ приблизительно можетъ разсуждать большинство тѣхъ, кого необходимость вынудитъ къ гражданскому браку. Гражданскій бракъ получаетъ неминуемо оппозиціонный относительно церкви характеръ, и государство становится на сторону этой оппозиціи, какъ бы даетъ ей потачку, поощряетъ ее и легализируетъ, чего именно оно и должно избѣгать. Факультативный гражданскій бракъ и еще вреднѣе. Со стороны государства тутъ свидѣтельствуется полнѣйшій индифферентизмъ, противорѣчащій самымъ элементарнымъ требованіямъ государственной политики. Государство говоритъ подданнымъ: «по мнѣ все равно, какимъ бы способомъ ни вступали вы въ браки: желаете вѣнчаться въ церкви? — прекрасно,

вѣнчайтесь, ваши браки будутъ признаны законными; не желаете вѣнчаться и предпочитаете обратиться къ государственному чиновнику, съ тѣмъ, чтобы онъ выслушалъ и записалъ ваше согласіе на вступленіе въ бракъ?—и это прекрасно, такіе браки точно также будутъ признаны законными». Итакъ, подданнымъ предоставляется отъ государства право выбора и это право выбора прямо получаетъ враждебный церкви характеръ. Спрашивается: чѣмъ будетъ руководиться гражданинъ, дѣлая выборъ между гражданскимъ и церковнымъ заключеніемъ брака? Единственно своимъ уваженіемъ или неуваженіемъ къ церковнымъ правиламъ Тутъ не только обнаруживается явнымъ образомъ существовавшее уже охлажденіе къ церкви: государство тутъ прямо потакаетъ, потворствуетъ членамъ церкви въ неисполненіи ими церковныхъ заповѣдей. Оно не должно совсѣмъ предлагать этого опаснаго соблазнительнаго выбора, который можетъ повести за собою даже совершенное отчужденіе отъ церкви. Предположимъ, что кто либо въ представившемся ему выборѣ предпочелъ «сукно чиновника» «алтарю священника». Чѣмъ будетъ объяснять священникъ такой исходъ выбора? Очевидно, пренебреженіемъ къ церкви! Отсюда мѣры церковнаго вразумленія и даже церковныхъ наказаній по отношенію къ лицамъ которыя однако, пользуются своимъ законнымъ правомъ предоставленнымъ имъ и защищаемымъ со стороны государства. Понятно, что гражданскій бракъ, вынужденный необходимостію и факультативный, почти никогда не подаютъ надежды на дополненіе ихъ церковнымъ вѣнчаніемъ, и самое вѣнчаніе церковное, при факультативномъ бракѣ, унижается на степень простого удостовѣренія законности брака, утрачивая сполна свой священно-религіозный характеръ.

Если уже ходъ государственной жизни привелъ къ убѣж-

Е.К.ДЕ

денію въ невозможности поддерживать исключительно церковное вѣнчаніе, то, по мнѣнію прусскаго правительства, нужно было ввести обязательный гражданскій бракъ, и никакой другой. Обязательный гражданскій бракъ соотвѣтствуетъ всѣмъ выяснившимся потребностямъ современной государственной жизни. Онъ служитъ совершенно яснымъ и приличнымъ выраженіемъ того политическаго догмата, что государственная власть имѣетъ право и вмѣстѣ съ тѣмъ обязана обезпечить за всѣми подданными возможность вступленія въ законный бракъ. Благодаря обязательному гражданскому браку, достигается единство регистраціи, т. е. одно изъ чрезвычайно важныхъ практическихъ удобствъ, котораго государство не можетъ не цѣнить. До сихъ поръ оффиціальная запись браковъ и другихъ событій, отъ которыхъ зависятъ права состоянія каждаго гражданина. дѣлалась духовенствомъ. Но духовенство связываетъ регистрацію личнаго состоянія съ религіозными дѣйствіями. къ которымъ нельзя принуждать разновѣрцевъ, а слѣдовательно отсюда сама собою вытекаетъ необходимость запутаннаго и разбросаннаго дробленія регистраціи, такъ что выправка документовъ, важныхъ для гражданскихъ правъ, напр. для наслѣдованія, или для государственныхъ обязанностей, напримѣръ, для воинской повинности, очень затруднена. Католикъ, лютеранинъ, реформатъ, еврей, меннонитъ, сектантъ,—всѣ эти лица должны обращаться въ разныя мѣста для выправки документовъ. Да и того не слѣдуетъ забывать, что духовенство записываетъ, напримѣръ, крещеніе и погребеніе, между тѣмъ какъ для гражданскихъ цѣлей важно знать не это. а день и часъ рожденія и смерти. При обычаѣ позднихъ крещеній установленіе момента рожденія очень сомнительно, такъ какъ священникъ не имѣетъ ни полицейскихъ средствъ, ни важнаго церковнаго интереса со-

бирать точныя свѣдѣнія о времени рожденія на свѣтъ младенца. Если дитя умираетъ до крещенія, или если церковное погребеніе не требуется или отказано въ немъ, то священникъ и совсѣмъ не вноситъ этихъ событій въ метрическія книги, и съ своей точки зрѣнія правъ. Съ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака само собою вводится единство, облегченіе и упрощеніе въ дѣло регистраціи и удостовѣренія правъ состоянія, потому что регистрація поручается одному и тому же лицу, чиновнику гражданскаго состоянія, предъ которымъ и самый бракъ заключается, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручается вести росписи рожденія и смерти.

При обязательномъ гражданскомъ бракѣ предупреждаются всякаго рода столкновенія и стѣсненія. Избавленъ отъ стѣсненія тотъ, кто почувствовалъ-бы себя оскорбленнымъ въ своей совѣсти, еслибы его принудили къ церковной церемоніи, въ которую онъ не вѣруетъ. Избавлено отъ стѣсненія духовенство, такъ какъ его никто не будетъ принуждать къ такому вѣнчанію противъ совѣсти, которое противорѣчило бы церковнымъ правиламъ. Наконецъ обязательный гражданскій бракъ не становится ни въ малѣйшую оппозицію съ церковнымъ бракомъ, нисколько не умаляетъ и не ослабляетъ потребности въ церковномъ вѣнчаніи. Можно сказать даже, что онъ служитъ не къ подрыву, а къ поддержанію интересовъ церкви. Церковное вѣнчаніе и благословеніе желаются здѣсь не ради какихъ нибудь расчетовъ, не для того только, чтобы придать легальный характеръ супружескому сожитію, а ради самаго благословенія. Церковное священнодѣйствіе, относящееся къ религіозной и нравственной сторонѣ брака выигрываетъ въ чистотѣ и святости, какъ свободно исполненная обязанность совѣсти. Актъ, добровольно испрашиваемый, не умаляетъ, а возвышаетъ авторитетъ церкви. Обязательнымъ гражданскимъ бракомъ совѣсть

человѣка могла бы быть возмущена только тогда, когда отъ него потребовалось бы вступленіе въ бракъ безъ благословенія Божія и безъ церковнаго освященія, а объ этомъ совсѣмъ и рѣчи нѣтъ. Гражданскій бракъ есть гражданскій союзъ, установленный гражданскою властію для гражданскихъ цѣлей, защищаемый этою властью и расторгаемый по ея законамъ. Гражданская церемонія заключенія брака есть не что иное, какъ государственная форма заключенія и удостовѣренія брачнаго союза, существующая или установленная помимо церковной, подлѣ церковной, независимо отъ церковной, но не въ отмѣну ея. Когда-то законъ гражданскій принуждалъ, подъ страхомъ наказанія, исповѣдываться и причащаться Св. Таинъ, и развѣ отмѣна этого законнаго принужденія означаетъ отмѣну Евхаристіи? Напротивъ, именно таинства церковныя и должны основываться на свободномъ внутреннемъ требованіи сердца человѣческаго; съ характеромъ церковныхъ таинствъ именно и стоитъ въ противорѣчіи, если преподаніе и принятіе таинства служатъ путемъ къ дарованію и пріобрѣтенію политическихъ и гражданскихъ правъ. Или напр., не стоитъ ли въ противорѣчіи съ характеромъ брака, какъ таинства, насильственное, принудительное преподаніе этого таинства людямъ невѣрующимъ, не принадлежащимъ къ церкви, можетъ быть, осмѣивающимъ и церковь, и это самое таинство, которое имъ преподается? Вотъ тутъ дѣйствительно можно только поражаться униженіемъ церковнаго священнодѣйствія!

Какъ видно, мотивы въ пользу обязательного гражданскаго брака въ самомъ дѣлѣ могутъ быть уважительны и солидны, такъ что Шталь былъ правъ, когда онъ сказалъ, что защитниками обязательнаго гражданскаго брака могутъ оказаться люди самые честные и набожные.

Существенныя черты германскаго гражданскаго брака по

закону 1875 г. заключаются въ слѣдующемъ. Возрастъ брачнаго совершеннолѣтія—20 и 16 л. Согласіе родителей на бракъ дѣтей требуется, но отсутствіе согласія не влечетъ за собою ничтожности брака, а служитъ лишь основаніемъ къ лишенію наслѣдства. Согласіе отца требуется для сына до 25 лѣтъ, для дочери до 24 лѣтъ, согласіе матери требуется только въ случаѣ смерти отца, но тогда требуется еще и согласіе опекуна. Устранены всѣ препятствія къ браку, отмѣченныя религіознымъ характеромъ, какъ духовное родство (изъ воспріемничества), нахожденіе въ духовномъ санѣ и монашествѣ, различіе религіи, воспрещенное церковью время для бракосочетанія (tempus clausum). Кругъ препятствій по родству съуженъ сравнительно даже и съ французскимъ правомъ, именно не воспрещается бракъ въ третьей степени, т. е. между дядей и племянницей, теткой и племянникомъ. Но съ другой стороны германскій законъ знаетъ такія препятствія къ браку, которыхъ не знаетъ наполеоновскій code civil. Такъ, виновный въ прелюбодѣяніи не можетъ вступить въ бракъ съ соучастникомъ въ прелюбодѣяніи (допускается впрочемъ диспензація *); воспрещается бракъ опекуновъ и ихъ дѣтей съ лицами, находящимися подъ опекой. Гражданскій актъ долженъ быть обязательно совершенъ раньше церковнаго благословенія. Духовное лицо за совершеніе церковнаго бракосочетанія раньше гражданскаго акта подлежитъ

*) Въ code civil содержалось лишь постановленіе о женщинѣ, осужденной за прелюбодѣяніе, и притомъ постановленіе уголовнаго свойства—о заключеніи ея, послѣ расторженія брака, въ исправительный домъ на время отъ 3 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ. Но въ французскомъ законѣ о возстановленіи развода 1884 г. сказано уже, что, въ случаѣ развода по суду, по причинѣ прелюбодѣянія, виновный никогда не можетъ вступить въ бракъ съ своимъ соучастникомъ.

денежному штрафу до 300 марокъ, или заключенію въ тюрьмѣ до трехъ мѣсяцевъ. Совершеніе гражданскаго акта предваряется публикаціей или оглашеніемъ (Aufgebot), съ тѣмъ, чтобы знающіе о препятствіяхъ къ предположенному браку довели ихъ до свѣдѣнія компетентной власти. Между тѣмъ какъ по code civil требуются двѣ публикаціи, по германскому закону достаточно одной. Публикація должна исходить отъ компетентнаго къ совершенію гражданскаго бракосочетанія чиновника гражданскаго состоянія (Standesbeamte), какъ бургомистръ, мѣстный старшина (Schultheiss, Ortsvorsteher). Между тѣмъ, какъ во Франціи диспензація отъ первой публикаціи ни въ какомъ случаѣ не допускается, въ Германіи не только допускается диспензація отъ единственной публикаціи, но въ случаѣ болѣзни, удостовѣренной медицинскимъ свидѣтельствомъ, чиновникъ гражданскаго состоянія можетъ совершить бракосочетаніе немедленно, безъ публикаціи и не выжидая диспензаціи. Само собою разумѣется, что всякая диспензація по дѣламъ брачнымъ, т. е. всякое допущеніе непримѣненія общаго правила, можетъ принадлежать только государственной власти и ея органамъ. Публикація производится такимъ образомъ, что объявленіе о предположенномъ бракѣ вывѣшивается на двѣ недѣли въ ратушѣ или въ другомъ общинномъ присутственномъ мѣстѣ. Понятно, что если кто либо доводитъ до свѣдѣнія чиновника существующія къ предположенному браку законныя препятствія, бракосочетаніе не можетъ имѣть мѣста. Если никакихъ препятствій не оказывается, то въ назначенный для брака день (черезъ двѣ недѣли послѣ вывѣшенія объявленія) чиновникъ гражданскаго состоянія совершаетъ бракосочетаніе. Бракосочетаніе совершается въ присутствіи двухъ свидѣтелей предложеніемъ со стороны чиновника вопроса каждому изъ брачущихся въ отдѣльности, согласны-ли они вступить въ

бракъ другъ съ другомъ, утвердительнымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ со стороны брачущихся и слѣдующимъ затѣмъ объявленіемъ ихъ со стороны чиновника правомѣрными супругами въ силу закона. Такимъ образомъ, германскій законъ, въ отличіе отъ французскаго, довольствуется двумя свидѣтелями и ничего не говоритъ о прочтеніи статей закона, относящихся къ взаимнымъ правамъ и обязанностямъ супруговъ. Совершившееся бракосочетаніе вписывается въ брачные реестры (Heirathsregister), съ обозначеніемъ именъ и проч. и съ протоколированіемъ выраженнаго брачущимися согласія и провозглашенія ихъ со стороны чиновника законными супругами. Компетентенъ къ совершенію гражданскаго бракосочетанія чиновникъ гражданскаго состоянія мѣстожительства или мѣстопребыванія того или другаго изъ супруговъ; законъ германскій не требуетъ даже шестимѣсячнаго проживанія въ данномъ мѣстѣ, какъ это требуется во Франціи, и кромѣ того немаловажная разница между германскимъ и французскимъ законодательствомъ состоитъ въ томъ что бракосочетаніе, совершенное некомпетентнымъ чиновникомъ, остается дѣйствительнымъ, тогда какъ по французскому code civil оно ничтожно.

Германскій законъ 1875 г. допускаетъ разводъ и временное разлученіе супруговъ (разлученіе навсегда, т. н. separatio pergetua не допускается); но о поводахъ къ разводу и временному разлученію законъ ничего не говоритъ, очевидно предоставляя установленіе бракоразводныхъ нормъ партикулярнымъ законодательствамъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ германской имперіи, оставляя въ силѣ бракоразводныя нормы саксонскаго гражданскаго уложенія, прусскаго, виртембергскаго, баденскаго ландрехтовъ и проч.

Не безъинтересны нѣкоторыя статистическія данныя для опредѣленія взаимнаго отношенія между обязательнымъ граж-

данскимъ бракомъ и вѣнчаніемъ. Непосредственно вслѣдъ за изданіемъ прусскаго закона 1874 г. и германскаго 1875 г., какъ и естественно было ожидать, число опущеній церковнаго вѣнчанія было наибольшее. Но затѣмъ, съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе оказывалось людей, желавшихъ ограничиться одною гражданскою церемоніей безъ церковнаго вѣнчанія.

Въ Пруссіи, въ пятилѣтній періодъ времени 1875—1879 г. на сотню евангелическихъ браковъ приходилось повѣнчанныхъ:

въ 1875 г.	83,44
» 1876 »	86,43
» 1877 »	87,36
» 1878 »	88.29
» 1879 »	89,38

Въ большихъ городахъ, гдѣ сравнительно гораздо слабѣе развита религіозная жизнь, въ тотъ же періодъ времени точно также послѣдовало замѣтное усиленіе церковнаго участія въ бракахъ:

въ Бреславлѣ	съ 60,6	поднялось на	64,4
» Кенигсбергѣ	» 65,5	»	» 66,6
» Ганноверѣ	» 83,6	»	» 97,0
» Франкфуртѣ на Майнѣ	» 46,9	»	» 50,2
» Данцигѣ	» 64,2	»	» 70,0
» Берлинѣ	» 27,3	»	» 40,4

Въ другихъ государствахъ Германіи:

въ Баваріи съ 1876 по 1879 г. число церковныхъ вѣнчаній повысилось съ 93,35 на 98,55, а число опущеній вѣнчанія понизилось съ 6,65 на 1,45. Въ Саксоніи съ 1876 по 1879 г. число опущеній вѣнчанія понизилось съ 7,76 на 3,41. Почти тоже самое въ Виртембергѣ и Баденѣ.

Выводъ, который получается изъ представленныхъ циф-

ровыхъ данныхъ, очевидно, самъ по себѣ, не располагаетъ къ пессимистическому сужденію о положеніи дѣлъ при обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Если на первыхъ порахъ оказывается много желающихъ ограничиться одною гражданскою церемоніей, причемъ изъ этихъ многихъ не немногіе дѣйствуютъ просто по необдуманности и легкомыслію, то вскорѣ же затѣмъ религіозный инстинктъ народа начинаетъ реагировать противъ увлеченія гражданскимъ бракомъ. Показанія статистики не могли не имѣть извѣстной доли убѣдительности при новомъ разсмотрѣніи вопроса объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ въ германскомъ рейхстагѣ, въ дополненіе къ тѣмъ доводамъ, которые высказаны были въ его пользу при первомъ его обсужденіи.

Къ 1880-му году образовалась, благодаря въ особенности извѣстному придворному проповѣднику Штекеру, сильная агитація противъ обязательнаго гражданскаго брака. Въ рейхстагъ поступило 1,643 петиціи съ 150,000 подписей объ отмѣнѣ его, и только 38 петицій за его удержаніе. Но странно, что петиціи, направлявшіяся противъ обязательнаго гражданскаго брака, какъ насилующаго христіанскую совѣсть, настаивали на введеніи факультативнаго гражданскаго брака, сопровождающагося несомнѣнно вредными послѣдствіями для народной жизни. Агитаторовъ и просителей постигла серьезная неудача. Прежде всего католическій центръ рейхстага не вступился въ это дѣло, такъ какъ агитація исходила отъ протестантовъ. Центръ заявилъ, что католики признаютъ бракъ за таинство, и что петиціи, представленныя протестантами въ рейхстагъ, мотивированы частію неточно, частію и совсѣмъ неправильно. Спеціальная «коммиссія петицій» высказалась большинствомъ голосовъ, хотя и незначительнымъ, за удержаніе обязательнаго гражданскаго брака. Представитель-

отъ правительства, присутствовавшій въ коммиссіи, совсѣмъ не вмѣшивался въ дебаты, давая понять, что правительство не видитъ основаній къ измѣненію или отмѣнѣ существующаго закона объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Вопросъ не былъ даже внесенъ на обсужденіе рейхстага in pleno.

Неудача, постигшая агитаторовъ противъ обязательнаго гражданскаго брака въ пользу факультативнаго, не означаетъ ни того, чтобы обязательный гражданскій бракъ и на будущее время былъ застрахованъ въ Германіи противъ отмѣны, ни того, чтобы, и по самой своей сущности, этотъ бракъ стоялъ выше сомнѣній, возраженій и порицаній. Если стать на отвлеченно-теоретическую точку зрѣнія и разсуждать такъ-же, какъ разсуждали проповѣдники естественнаго права; если бы исключительно руководиться тою научною точностію и тѣмъ научнымъ безпристрастіемъ, съ которыми напр. натуралистъ обозначаетъ каждую разновидность, не позволяя себѣ смѣшивать одной разновидности съ другою,—то пожалуй, не легко было бы возразить что нибудь основательное противъ обязательнаго гражданскаго брака. Со всѣми тѣми соображеніями, которыя приводились прусскимъ правительствомъ и ораторами въ прусскихъ палатахъ, во время дебатовъ, въ пользу обязательнаго гражданскаго брака, трудно не согласиться. Въ самомъ дѣлѣ, государство имѣетъ и право и обязанность опредѣлить условія, форму и прекращеніе брачнаго союза, который служитъ основою гражданскихъ и политическихъ правъ. Но если таково призваніе государства, то оно и должно показать себя достойнымъ этого призванія, именно своимъ попеченіемъ о достоинствѣ и святости брака. А народный обычай церковнаго вѣнчанія и служитъ лучшимъ средствомъ къ поддержанію его святости. Государству нѣтъ

надобности противополагать государственную форму заключенія брака церковной формѣ. Оно можетъ, безъ всякихъ обиняковъ, прямо и откровенно сказать, что церковное вѣнчаніе браковъ, въ его глазахъ, есть наилучшая, достойнѣйшая форма заключенія брака

Для государства должно быть совершенно ясно, что въ ожиданіи брачной церемоніи человѣкъ находится далеко не въ обыденномъ настроеніи и склоненъ предпочесть церковный обрядъ скучной гражданской церемоніи, которая не можетъ перенести холодную юридическую сдѣлку въ область внутренняго чувства. которая не даетъ никакого выраженія внутреннему субъективному состоянію, испытываемому людьми. ожидающими момента заключенія брака. Бракъ не есть связь мимолетная, страстью вызывающаяся и прихотью прекращающаяся. Нѣтъ ничего непонятнаго въ томъ, что въ ожиданіи момента заключенія брака, которымъ завязываются узы, оканчивающіяся лишь вмѣстѣ съ жизнію, человѣкъ чувствуетъ потребность обратиться къ содѣйствію высшей божественной силы. Развѣ есть что нибудь странное въ томъ, что въ этотъ моментъ человѣкъ болѣе, чѣмъ когда нибудь, способенъ вспоминать, по прекрасному выраженію одного западно-европейскаго писателя, что верховный Создатель великой человѣческой семьи не можетъ оставаться вдали отъ совершенія того акта, которымъ семья основывается? Безспорно и то, что христіане суть члены и государства, и церкви. Но изъ этого совсѣмъ не вытекаетъ необходимость заключать бракъ дважды: въ первый разъ для государства и въ государственной формѣ, потомъ для церкви и въ церковной формѣ. Человѣкъ-то вѣдь все таки одинъ и тотъ же. Его нельзя расколоть, такъ сказать, на два существа и сказать, что вотъ эта половина представляетъ меня какъ гражданина государства, а другая половина

означаетъ меня, какъ члена церкви. Не только какой нибудь простецъ, неспособный къ резонированію и къ рефлексіи, но и человѣкъ интеллигентный не всегда поймет, зачѣмъ это нужно дважды заключать браки. Отъ отцовъ и дѣдовъ масса народная приняла и съ матернимъ молокомъ всосала, что бракъ заключается передъ Богомъ, однажды и навсегда, черезъ церковное вѣнчаніе. И государство, вмѣсто того, чтобы говорить гражданину: «женись сначала для меня и въ той формѣ, которую я предписываю, а потомъ можешь жениться и для церкви, въ той формѣ, которой она требуетъ», — можетъ открыто провозгласить какъ несомнѣнную истину: если женихъ и невѣста, съ сознаніемъ необходимости божественной помощи, вступаютъ въ бракъ въ церкви черезъ церковное вѣнчаніе, то въ этомъ можно видѣть лишь наилучшее ручательство такой христіански-благоустроенной семейной жизни, которая именно и нужна государству, какъ основа его собственнаго существованія.

Агитація противъ обязательнаго гражданскаго брака въ Германіи и во французской католической литературѣ, какъ насилующаго христіанскую совѣсть, не совсѣмъ неосновательна. Мы можемъ пожалуй допустить, что никакого стѣсненія совѣсти не будетъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, который считаетъ своимъ нравственно-религіознымъ долгомъ освятить свой бракъ церковнымъ вѣнчаніемъ, обязывается, прежде чѣмъ приступить къ церковному священнодѣйствію, выслушать сначала отъ чиновника провозглашеніе его законнымъ супругомъ. Пусть христіанинъ смотритъ на гражданскій актъ, какъ на простую не совсѣмъ понятную, но и необременительную для совѣсти формальность. Пусть въ церковномъ вѣнчаніи именно видитъ онъ тотъ главный и существенный актъ, въ силу котораго бракъ дѣлается совершеннымъ передъ Богомъ. Пусть не будетъ ничего не

только комическаго, но и страннаго въ томъ, что объявленная уже по закону женою является къ священнику для вѣнчанія, какъ дѣвица не замужняя и выслушиваетъ вопросъ о томъ, желаетъ ли она имѣть мужемъ такое-то лицо, которое уже объявлено ея мужемъ по закону. Но что сказать о такихъ случаяхъ, и весьма нерѣдкихъ, какъ показала практика французскихъ судовъ, когда женихъ, ставшій мужемъ по закону, послѣ того какъ чиновникъ провозгласилъ его таковымъ въ присутственной камерѣ, не соглашается идти въ церковь на вѣнчаніе, довольствуясь одною гражданскою церемоніей, хотя раньше передъ бракомъ было условлено, или, по крайней мѣрѣ, предполагалось, какъ несомнѣнное, тотчасъ послѣ гражданской церемоніи обвѣнчаться въ церкви? Можно представить себѣ положеніе молодой дѣвушки, которую законъ объявилъ уже женой, и которая однако не умомъ только, а всей душой чувствуетъ, что законный передъ Богомъ и совѣстію бракъ есть только тотъ, который въ церкви получилъ Божіе благословеніе. Юриспруденція и судебная практика во Франціи, конечно, разрѣшаютъ подобныя казусы въ томъ смыслѣ, что мужъ учиняетъ тяжкое оскорбленіе (injure grave) своей женѣ, отказываясь отъ церковнаго благословенія, и что оскорбленная жена можетъ потребовать сепараціи. Но не жестоко ли ставить женщину, надѣявшуюся начать брачную жизнь, въ необходимость начать вмѣсто того хожденіе по бракоразводнымъ дѣламъ? Юристу легко сказать, что въ данномъ случаѣ можно требовать сепараціи, даже развода, но не легко переживать подобные случаи, когда приходится въ первый же моментъ брачной жизни или начать бракоразводный процессъ, или скрѣпивъ сердце, оставить мысль о религіозномъ освященіи брака.

Вообще пожалуй не окажется ничего преувеличеннаго въ

нѣсколько тривіальномъ, но мѣткомъ сравненіи, которое сдѣлалъ одинъ изъ горячихъ порицателей и противниковъ обязательнаго гражданскаго брака, французскій адвокатъ Сеншоль. авторъ книжки: «Le mariage civil et le mariage religieux». Сеншоль желаетъ доказать, что законодательство французское совершено неправильно изъ принципа свободы вѣроисповѣданій, изъ того, что законъ гражданскій долженъ имѣть въ виду только гражданъ, выводить необходимость обязательнаго гражданскаго брака, и что самымъ правильнымъ выводомъ изъ этого принципа было бы лишь предоставленіе членамъ всевозможныхъ вѣроисповѣданій и сектъ права вѣнчаться и благословляться по ихъ религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ. Онъ сравниваетъ систему французскаго законодательства съ такими напр. пріемами содержателя гостинницы. Представимъ себѣ, что пятеро путешественниковъ прибыли въ гостинницу, въ которой, для утоленія ихъ голода, не оказалось ничего, кромѣ яицъ. Изъ пяти путешественниковъ трое заявили, что они желали бы получить яичницу, четвертый добавилъ, что онъ можетъ ѣсть только не просто яичницу, а непремѣнно глазунью, пятый отозвался, что онъ можетъ ѣсть яица только въ смятку. Хозяинъ гостинницы легко могъ бы удовлетворить желаніямъ всѣхъ ихъ, изготовивъ яица такъ, какъ желалось каждымъ изъ нихъ. Но трактирщикъ оказался философомъ кухни: онъ любилъ яица только въ крутую и съ салатомъ. И вотъ этотъ философъ держитъ такую приблизительно рѣчь къ путешественникамъ: «господа, въ своей гостиницѣ я провозгласилъ принципъ свободы вкусовъ. Васъ пятеро, и вкусы ваши различны. Я вижу въ васъ только путешественниковъ, и, оставаясь послѣдовательнымъ моему принципу свободы вкусовъ, я подаю вамъ яица не такъ, какъ вы ихъ любите и требуете, а какъ я люблю, въ этомъ видѣ вы и будете ихъ кушать,

если голодъ не позволитъ вамъ обойтись безъ яицъ». Не точно ли также поступаетъ и государство, спрашиваетъ Сеншоль.—которое во всѣхъ подданныхъ видитъ только гражданъ и на этомъ основаніи предписываетъ имъ не такую форму заключенія брака, которая каждому желательна по его религіознымъ вѣрованіямъ, а такую, какая кажется желательною и необходимою самому государству? А между тѣмъ, благодаря такой обязательной формѣ, христіане становятся въ ложное отношеніе къ государственному закону: церковь необходимо должна внушать имъ недовѣріе къ этому закону, убѣждать, что гражданскій актъ, одинъ самъ по себѣ, не имѣетъ никакого значенія. Можно бы было, пожалуй, избѣгнуть указанныхъ неудобствъ введеніемъ обязательнаго гражданскаго брака въ румынской модификаціи, т. е. съ обязательнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ послѣ гражданскаго акта, или въ итальянской модификаціи, т. е. съ предоставленіемъ на волю брачущихся совершить церковное бракосочетаніе и до. и послѣ гражданскаго акта. Но итальянскій гражданскій бракъ имѣетъ, какъ выше разъяснено, свои неудобства, а что касается румынскаго, то самъ собою возникаетъ вопросъ: если необходимо нужно церковное вѣнчаніе, то не лишнимъ ли оказывается гражданскій актъ, нельзя ли однимъ вѣнчаніемъ и удовлетвориться?

Какъ бы то ни было, но въ послѣдніе годы мы видимъ еще одинъ примѣръ введенія обязательнаго гражданскаго брака въ *Венгріи*. Здѣсь до 1894 г. гражданскій бракъ существовалъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Австріи (см. ниже). Въ этомъ году былъ внесенъ въ венгерскій парламентъ законопроектъ, который въ концѣ концовъ и прошелъ, хотя весьма незначительнымъ большинствомъ голосовъ и при явномъ нерасположеніи къ законопроекту императора Франца-Іосифа.

Возрастъ брачнаго совершеннолѣтія по венгерскому закону 18 и 16 л. Требуется согласіе родителей или опекуновъ на браки, но если согласіе не дается ими, оно можетъ быть испрошено отъ опекунскаго учрежденія, которое, при рѣшеніи подобныхъ дѣлъ, имѣетъ въ виду исключительно интересы и будущее просителя. Изъ препятствій къ браку, отмѣченныхъ религіознымъ характеромъ, удержаны духовный санъ и монашество, такъ какъ по § 28 закона воспрещается, *безъ соизволенія церковнаго начальства*, заключать бракъ всякому, кто по правиламъ церкви, къ которой онъ принадлежитъ, не можетъ вступать въ бракъ по причинѣ духовнаго сана или монашескаго обѣта. Кругъ запрещеній по родству не шире, чѣмъ въ германскомъ законѣ. Къ особенностямъ венгерскаго закона нужно отнести запрещеніе брака между убійцей своего супруга, или покушавшимся на жизнь своего супруга и соучастникомъ въ этомъ преступномъ дѣяніи, а равнымъ образомъ между постороннимъ лицомъ, совершившимъ убійство или покушеніе на убійство, и между супругомъ жертвы, по соглашенію съ которымъ или съ помощію котораго дѣйствовалъ преступникъ; да и вообще, если даже не было ни соглашенія, ни пособничества, овдовѣвшему супругу запрещается вступать въ бракъ съ лицомъ, осужденнымъ за убійство, или за соучастіе въ убійствѣ или за покушеніе на убійство другого супруга. Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ король можетъ даровать диспензацію по представленію министра юстиціи. Заключенію брака предшествуетъ оглашеніе; оно дѣлается чиновникомъ, ведущимъ брачные матрикулы или реестры по мѣстожительству каждаго изъ нихъ, или по мѣстопребыванію, но если они въ данномъ мѣстѣ проживали менѣе трехъ мѣсяцевъ, оглашеніе должно быть совершено и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они раньше передъ тѣмъ имѣли свое жительство. Оглашеніе дѣ-

лается черезъ вывѣшеніе въ общинномъ присутственномъ мѣстѣ на двѣ недѣли объявленія, и кромѣ того черезъ устное объявленіе въ общинномъ же присутственномъ мѣстѣ въ два воскресные дня. Оглашеніе сохраняетъ силу втеченіе года (какъ и во Франціи, въ Германіи только втеченіе 6-ти мѣсяцевъ), т. е. если бракъ не состоится втеченіе этого срока, оглашеніе должно быть повторено. Возможна диспензація отъ оглашенія, а въ случаѣ опасной болѣзни одного изъ брачущихся, бракъ можетъ быть заключенъ и безъ оглашенія и безъ диспензаціи, если оба брачущіеся торжественно заявятъ предъ гражданскимъ чиновникомъ, что, насколько они знаютъ, для брака ихъ не имѣется никакихъ препятствій; чиновникъ можетъ потребовать и присяги для подтвержденія этого заявленія. Гражданскій чиновникъ компетентенъ къ совершенію бракосочетанія только въ своемъ собственномъ округѣ (бургомистръ и вообще первое муниципальное должностное лицо, регистраторъ или матрикулистъ, судья, въ извѣстныхъ случаяхъ послы, посланники и консулы). Бракосочетаніе совершается черезъ три дня по истеченіи 14 дневнаго періода оглашенія, въ предназначенномъ къ тому публичномъ присутственномъ мѣстѣ; но, при наличности важныхъ причинъ, можетъ быть совершено и внѣ присутственнаго мѣста, не публично. Форма заключенія брака состоитъ въ томъ, что брачущіеся лично, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, заявляютъ гражданскому чиновнику (безъ предварительнаго вопроса со стороны этого послѣдняго), что они заключаютъ бракъ другъ съ другомъ, послѣ чего гражданскій чиновникъ объявляетъ брачущихся супругами, по закону. А затѣмъ совершившійся юридическій актъ бракосочетанія записывается въ брачные матрикулы. Въ вопросѣ о томъ, въ какомъ отношеніи должны находиться между собою гражданскій актъ и церковное брако-

сочетаніе (въ случаѣ если брачущіеся желаютъ освятить свой бракъ церковнымъ священнодѣйствіемъ) венгерскій законъ сходится съ французскимъ и германскимъ. Кромѣ общаго положенія, что «бракосочетаніе, совершившееся не передъ гражданскимъ чиновникомъ, ни въ какомъ отношеніи не признается за бракъ», въ ряду карательныхъ опредѣленій (Strafbestimmungen) закона о гражданскомъ бракѣ читается слѣдующая статья: «духовное или вообще къ религіозной церемоніи управомоченное лицо, которое совершаетъ церковное бракосочетаніе, не удостовѣрившись въ предварительномъ заключеніи брака предъ гражданскимъ чиновникомъ, учиняетъ проступокъ, наказуемый денежнымъ взысканіемъ до 1000 кронъ, а въ случаѣ повторенія—тюремнымъ заключеніемъ до двухъ мѣсяцевъ и денежнымъ штрафомъ до 1000 кронъ. Священникъ подлежитъ штрафу до 300 кронъ даже и въ томъ случаѣ, если-бы оказалось, что гражданскій бракъ былъ на самомъ дѣлѣ заключенъ раньше церковнаго—собственно за то, что не потребовалъ доказательствъ передъ тѣмъ, какъ приступить къ церковному дѣйствію. Но за совершеніе церковнаго бракосочетанія раньше гражданскаго при тяжкой болѣзни и опасности смерти одного изъ брачущихся духовное лицо никакому наказанію не подвергается.

Венгерскій законъ допускаетъ разводъ и разлученіе (Trennung von Tisch und Bett, separatio quoad mensam et thorum — разлученіе отъ стола и ложа). Разводъ имѣетъ мѣсто по опредѣленнымъ поводамъ, какъ прелюбодѣяніе, противоестественное непотребство, двоебрачіе, злостное оставленіе и безвѣстное отсутствіе, покушеніе на жизнь, жестокое обращеніе, присужденіе къ пятилѣтнему лишенію свободы, или даже и менѣе продолжительному, если преступленіе, за которое послѣдовало наказаніе, совершено было съ ко-

рыстною цѣлію, безнравственный образъ жизни, попытка развратить или склонить къ преступленію кого либо изъ членовъ семьи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону возможно требованіе развода, супругъ можетъ, вмѣсто развода, просить о разлученіи отъ стола и ложа. Но пока судъ еще не постановилъ рѣшенія о разлученіи, прошеніе о разлученіи проситель можетъ превратить въ бракоразводный искъ. Само собою разумѣется, что всякія диспензаціи по брачнымъ дѣламъ могутъ быть даны только государственною властію и ея органами, и что вся юрисдикція по брачнымъ дѣламъ принадлежитъ государственнымъ судамъ. Таковы главныя постановленія венгерскаго закона, въ общемъ, не считая разныхъ деталей, стоящаго на одной точкѣ зрѣнія съ code civil и съ германскимъ закономъ 1875 г.

ГЛАВА IV.

Гражданскій бракъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Норвегіи и въ Австріи.

Въ *Англіи*, въ теченіе 100 лѣтъ отъ 1653 г., когда изданъ былъ законъ Кромвеля объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ, и до 1753 г., когда изданъ былъ актъ лорда Гардвика, англійское законодательство только мимоходомъ касалось заключенія браковъ. Мало было отмѣнить или забыть кромвелевскій гражданскій бракъ; нужно было установить какой либо законный способъ заключенія брака. При отсутствіи такой, закономъ опредѣленной формы, яснѣе чѣмъ что либо другое сознавалась лишь необходимость церковнаго вѣнчанія; но гдѣ, у кого, при какой обстановкѣ,—все это оставалось совершенно неяснымъ. Благодаря этой неясности, въ Лондонѣ, въ такъ называемомъ долговомъ кварталѣ Лондона, т. е. въ той его части, гдѣ находилась обширная тюрьма для заключенія несостоятельныхъ должниковъ изъ цѣлаго королевства, въ XVII столѣтіи происходили очень странныя вещи. Въ эту долговую тюрьму была заключена между прочимъ одна высокопоставленная духовная особа. По англійскимъ законамъ, кредиторы не обязывались доставлять содержаніе своимъ должникамъ, засаженнымъ въ это учрежденіе. Стало быть, нечего было и разсчитывать на то, что кредиторъ, наскучивъ содержаніемъ должника, скоро ли—долго ли, выпуститъ его изъ тюрьмы. Разсчитывать на полученіе свободы можно было, очевидно, только уплативъ долгъ. А между тѣмъ, заключен-

ные располагали возможностію выходить изъ тюремнаго зданія и даже заводить домашнюю обстановку, неподалеку отъ мѣста заключенія, обезпечивъ лишь явку къ тюремному начальству по первому его вызову. При такихъ обстоятельствахъ попавшая за долги въ тюрьму духовная особа, дабы ввести разнообразіе въ свою однообразную жизнь и въ тоже время создать для себя источникъ денежныхъ доходовъ, придумала заняться бракозаключительною практикой. Законъ не мѣшалъ этому духовному лицу въ его занятіи. Лишить его должности было нельзя, потому что должность уже раньше была потеряна, вмѣстѣ и съ свободой, при заключеніи въ долговую тюрьму. Лишать свободы человѣка, уже лишеннаго ея, тоже невозможно. Денежный штрафъ равнымъ образомъ представлялъ серьезныя неудобства по отношенію къ лицу, содержащемуся въ долговой тюрьмѣ. Примѣръ перваго изобрѣтателя подѣйствовалъ и на другихъ духовныхъ лицъ, попадавшихъ въ долговую тюрьму, и насколько обширна была ихъ практика, можно судить по слѣдующему примѣру: одинъ священникъ, находившійся въ тюрьмѣ 31 годъ (съ 1709 до 1740 г.) совершилъ 36,000 бракосочетаній, и при томъ еще долженъ былъ бороться съ конкурренціей безчисленнаго множества другихъ, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, товарищей по должности.

Браки заключаемы были не въ церкви только, а и въ частныхъ домахъ, въ которыхъ устраивалось для этого особое помѣщеніе. Громадная вывѣска давала знать прохожимъ о проживаніи въ этомъ домѣ духовнаго лица, съ рекламой при-этомъ о его справедливости и честности. Агенты его сновали по всѣмъ улицамъ города и обязательно доводили до свѣдѣнія гуляющихъ адресъ своего принципала—бракосовершителя,—

все для того, чтобы одолѣть конкурренцію, строившуюся на

взиманіи болѣе низкой платы за бракосочетаніе. Точно также содержатели гостинницъ, извлекавшіе барышъ изъ тѣхъ пированій, которыми сопровождались бракосочетанія, давали безплатное помѣщеніе и содержаніе безмѣстнымъ духовнымъ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы они занимались въ гостинницахъ совершеніемъ бракосочетаній, о чемъ также публика оповѣщалась громадной вывѣской, на которой самымъ первобытнымъ способомъ изображались мужчина и женщина съ соединенными правыми руками и съ лаконическою къ этому изображенію припиской: «здѣсь можно жениться».

Разумѣется, для вступленія въ столь эксцентрическіе браки должны были существовать извѣстныя побужденія. Ихъ было довольно. Въ долговомъ кварталѣ не спрашивали о согласіи родителей, не требовали законнаго возраста, не стѣсняли тѣмъ, чтобы въ три воскресные дня передъ бракомъ въ церкви публично производилось оглашеніе объ имѣющемъ быть бракѣ. У нѣкоторыхъ даже существовало отвращеніе къ публичному заключенію брака, вслѣдствіе чего долговой кварталъ казался самымъ уютнымъ и удобнымъ мѣстомъ для вступленія въ браки, несмотря на то, что церковнымъ книгамъ, которыя здѣсь велись, судъ не придавалъ никакого значенія, и свидѣтелей, бывшихъ при такомъ тайномъ бракосочетаніи, не допускалъ къ судебному показанію.

И не раньше, какъ въ 1753 г., такъ называемымъ актомъ лорда Гардвика былъ положенъ конецъ бракосочетаніямъ долговаго квартала. Предписана опредѣленная форма заключенія брака, именно по обряду англиканской или высокой церкви, англиканскимъ духовнымъ лицомъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, послѣ предварительнаго троекратнаго оглашенія, въ церковномъ зданіи, имѣющемъ спеціальную привилегію на совершеніе бракосочетаній. Отъ закона, явившагося

въ половинѣ XVIII в., современники, конечно, въ правѣ были требовать большаго, чѣмъ онъ далъ имъ. Актъ Гардвика обязалъ и всѣхъ диссидентовъ,—въ томъ числѣ и католиковъ,—за исключеніемъ евреевъ и квакеровъ — вѣнчаться у англиканскихъ духовныхъ лицъ, по англиканскому церковному обряду. Уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, почти въ половинѣ столѣтія (въ 1836 г.) при обсужденіи внесеннаго лордомъ Джономъ Росселемъ билля о формѣ заключенія брака, въ англійскомъ парламентѣ было сдѣлано довольно запоздалое открытіе, что «всѣ люди имѣютъ равныя права на бракъ, и всѣ имѣютъ равное право требовать дозволенія заключать браки въ желательной для нихъ формѣ. государство же должно при этомъ дѣйствовать лишь въ такой мѣрѣ, на сколько это необходимо для предупрежденія тайныхъ браковъ». Билль лорда Джона Росселя 1836 г., прошедшій черезъ парламентъ и получившій королевское утвержденіе, составляетъ дѣйствующій англійскій законъ. Этимъ закономъ введенъ въ Англіи факультативный гражданскій бракъ, т. е. всѣмъ вообще англичанамъ предоставлено, по ихъ желанію и выбору, заключать браки или церковнымъ, или гражданскимъ порядкомъ, желающимъ же церковнаго заключенія брака, если они не принадлежатъ къ англиканской церкви, опять предоставлено на выборъ или обратиться къ духовному лицу государственной церкви и обвѣнчаться по англиканскому церковному обряду, или принять благословеніе на бракъ отъ духовнаго лица своего вѣроисповѣданія или секты. Въ этомъ отношеніи англійскій законъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ французскимъ закономъ Людовика XVI о факультативномъ гражданскомъ бракѣ.

Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что въ Англіи, во всѣхъ различныхъ способахъ заключенія брака придана очень видная роль гражданскому элементу. Во-первыхъ, браки могутъ

быть заключаемы по англиканскому церковному обряду, при содѣйствіи англиканскихъ духовныхъ лицъ. Но англиканскій священникъ можетъ совершить бракосочетаніе только по полученіи свидѣтельства отъ регистрара, т. е. отъ государственнаго чиновника, ведущаго метрическія книги, о томъ, что въ регистратуру было сдѣлано своевременно сообщеніе о предположенномъ бракѣ, и что, по поводу этого сообщенія своевременно же сдѣланы требуемыя закономъ оглашенія, такъ что, слѣдовательно, предбрачныя оглашенія дѣлаются государственнымъ чиновникомъ, который прописываетъ, въ свидѣтельствѣ своемъ и то, что никакихъ препятствій къ вѣнчанію ни откуда не предъявлено. Затѣмъ по совершеніи бракосочетанія, актъ брака долженъ быть внесенъ не только въ приходскія книги, но и въ реэстры гражданскаго состоянія. Во-вторыхъ, бракъ можетъ быть заключаемъ по религіозному обряду того вѣроисповѣданія или той секты, къ которымъ принадлежатъ женихъ и невѣста. Въ этомъ случаѣ не только мѣсто совершенія бракосочетанія указывается гражданскою властію и не только публикаціи о предположенномъ бракѣ дѣлаются гражданскою же властію, но регистраръ или чиновникъ гражданскаго состоянія, въ округѣ котораго находится зданіе, гдѣ имѣетъ быть совершено бракосочетаніе, ассистируетъ при самой церемоніи бракосочетанія вмѣстѣ съ двумя свидѣтелями. Въ третьихъ, если женихъ и невѣста не желаютъ церковнаго бракосочетанія, то они могутъ заключить бракъ въ оффиціальномъ помѣщеніи регистратуры, предъ регистраромъ, въ присутствіи двухъ свидѣтелей, при открытыхъ дверяхъ.

Но совершенно оригинальными, въ отличіе отъ англійскихъ браковъ, были и остались *шотландскіе* браки. Естествоиспытателямъ, изслѣдующимъ міръ растительный, животный и ископаемый, иногда приходится сталкиваться съ какимъ нибудь

случайно уцѣлѣвшимъ остаткомъ отъ давнопрошедшаго міра. Такіе же остатки приходится иногда наблюдать юристамъ въ области соціально-юридическихъ явленій. Шотландское бракозаключительное право до новѣйшихъ временъ осталось вѣрнымъ отраженіемъ среднихъ вѣковъ и средневѣковаго до-тридентскаго каноническаго права. Шотландія приняла реформацію слѣдовательно не могла считать для себя обязательною тридентскую форму заключенія брака; но и реформацію она приняла не англиканскую, а пресвитеріанскую, поэтому не считала для себя обязательнымъ и того, что устанавливалось для англиканской церкви. Безформенное соглашеніе, выраженное словомъ или на письмѣ или даже жестами, напр. наклоненіемъ головы, а также фактическое супружеское сожитіе послѣ совершеннаго за нѣсколько времени ранѣе обрученія, вполнѣ достаточны для основанія законнаго брака. Свидѣтелемъ можно удовольствоваться только однимъ. Явилось у шотландцевъ и нѣчто въ родѣ гражданскаго брака, хотя никакой законъ не вводилъ его въ Шотландію. А именно женихъ и невѣста отправляются къ мирному судьѣ и заявляютъ ему, что они безъ предварительныхъ оглашеній повѣнчаны священникомъ, причемъ даже имя этого священника не называется. Или же тутъ только они и заявляютъ мирному судьѣ свое взаимное согласіе на бракъ, уплачиваютъ небольшой денежный штрафъ и выправляютъ у мирнаго судьи удостовѣреніе въ томъ, что они состоятъ въ законномъ бракѣ. Такъ какъ, по англійскимъ законамъ, бракъ совершается въ формѣ, принятой въ той странѣ, въ которой проживаютъ данныя лица, то не мудрено, что когда въ Англіи стали приниматься энергическія мѣры противъ тайныхъ браковъ, люди, нуждавшіеся въ нихъ, стали уѣзжать въ Шотландію. Стоило только добраться до первой шотландской деревни за англійской границею, гдѣ съ краю, первымъ отъ границы, стоялъ домъ кузнеца.

Этотъ кузнецъ обыкновенно и фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля. За первымъ кузнецомъ, который занимался бракозаключительными дѣлами просто потому, что домъ его былъ съ краю, а не потому, чтобы онъ получилъ на это какую либо привилегію или пользовался какимъ либо особымъ уваженіемъ, профессію эту принялъ его наслѣдникъ и преемникъ, а за этимъ слѣдующій и т. д., хотя домъ уже оказался и не съ краю, не на концѣ деревни. Кузнецы стали вести даже нѣчто въ родѣ метрическихъ книгъ и выдавать выписки изъ нихъ новобрачнымъ, причемъ у многихъ составилось убѣжденіе, что кузнецъ въ селеніи Gretna - Green получилъ неоспоримыя бракозаключительныя права, если не въ силу закона, такъ въ силу обычая.

Для мѣстныхъ жителей Шотландіи, шотландскій, безпорядочный порядокъ заключенія браковъ сохраняется и донынѣ. Но въ 1857 г. англійскимъ закономъ было по крайней мѣрѣ постановлено, что шотландскій бракъ получаетъ законную силу въ такомъ только случаѣ, когда женихъ и невѣста проживали въ Шотландіи не менѣе 21 дня до заключенія брака, вслѣдствіе чего для англичанъ сдѣлалось невозможнымъ заключать шотландскіе браки тотчасъ по переѣздѣ за англійско - шотландскую границу. Да и вообще заключеніе браковъ въ самой Англіи настолько въ настоящее время облегчено, что отпали прежніе мотивы къ путешествіямъ въ Шотландію. Тѣмъ, которые не желаютъ заключенія церковнаго брака, предоставляется возможность гражданскаго брака у регистрара. Отъ публикаціи или оглашенія возможна диспензація, которая получается безъ особыхъ затрудненій. Недостатокъ согласія отца, опекуна или матери для лицъ, недостигшихъ 21 года, влечетъ за собою ничтожность брака только въ случаѣ заявленнаго отцомъ и проч.

запрещенія. Но очевидно, что отецъ или мать, ничего не знающіе о предположенномъ бракѣ, не будутъ и заявлять о своемъ несогласіи на бракъ; брачущіеся съ двумя свидѣтелями явятся въ регистратуру, и дѣло будетъ кончено. Къ разводу англійское законодательство относится неблагопріятно. До нынѣшняго царствованія разводомъ въ Англіи (divorce) называлось собственно разлученіе отъ ложа и стола, которое опредѣлялось церковнымъ судомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сожительство становилось невозможнымъ, особенно въ случаѣ жестокаго обращенія, прелюбодѣянія, неизлѣчимой болѣзни, оставленія на продолжительное время. Развода въ собственномъ смыслѣ церковные суды, подъ вліяніемъ каноническаго права, не допускали, но онъ могъ быть провозглашенъ актомъ парламента, всего чаще по причинѣ прелюбодѣянія жены; впрочемъ, въ палатѣ лордовъ составился обычай не допускать развода, прежде чѣмъ состоялось-бы постановленіе церковнаго суда о разлученіи отъ стола и ложа, и прежде чѣмъ соучастникъ въ прелюбодѣяніи былъ бы присужденъ судомъ общаго права къ уплатѣ денежнаго вознагражденія мужу. Прелюбодѣяніе мужа могло послужить поводомъ къ разводу только въ особенныхъ случаяхъ, когда оно осложнялось кровосмѣшеніемъ и т. п. Съ 1857 г. брачныя дѣла изъяты изъ вѣдѣнія духовныхъ судовъ и предоставлены въ вѣдѣніе особыхъ государственныхъ судовъ по брачнымъ дѣламъ. Раньше, когда для развода требовался актъ парламента, разводъ стоилъ очень дорого и могъ быть доступенъ только богатымъ людямъ. Но и въ актѣ 1857 г. онъ поставленъ въ довольно тѣсныя границы, такъ что вообще разводомъ въ Англіи не злоупотребляютъ. Поводовъ къ разводу установлено немного: прелюбодѣяніе жены, прелюбодѣяніе мужа не всякое, а только осложненное кровосмѣшеніемъ, бигаміей, похищеніемъ и изна-

силованіемъ, противоестественныя преступленія. Наряду съ разводомъ допускается разлученіе (даже и по взаимному соглашенію).

Въ Соединенныхъ Штатахъ *Сѣверной Америки* заключеніе браковъ въ сущности осталось на той же до-тридентской канонической основѣ, какъ и въ Шотландіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ штатахъ. Общаго федеральнаго закона, которымъ бы бракъ былъ регулированъ однообразно для всѣхъ штатовъ, не существуетъ. Каждый штатъ имѣетъ свое собственное гражданское законодательство, и, за исключеніемъ Луизіаны, духъ этого законодательства вездѣ одинъ и тотъ-же: законы стремятся къ тому, чтобы облегчить заключеніе браковъ и сдѣлать невозможнымъ незаконное сожитіе. Достаточно взаимнаго согласія сторонъ, безъ всякой церемоніи, религіозной или гражданской, даже присутствія свидѣтелей не требуется. Во время прогулки молодой человѣкъ и дѣвица называютъ себя мужемъ и женой, и достаточно: это будетъ бракъ. Доказывать бракъ можно всякими средствами, юридически допустимыми. Если изъ какого либо фактическаго обстоятельства вытекаетъ предположеніе (презумпція) существованія брака, то для ниспроверженія этой презумціи мало доказать противное, т. е. въ какомъ нибудь другомъ смыслѣ объяснить тотъ фактъ, изъ котораго родилась презумпція, а нужно доказать, что бракъ былъ невозможенъ. Въ дѣйствительности, однако, доказать существованіе брака часто бываетъ весьма нелегко, и именно въ Америкѣ часты случаи бигаміи: мужчина оставляя городъ, въ которомъ онъ жилъ съ женщиной, считавшей его своимъ мужемъ, поселяется въ другомъ городѣ, выдаетъ себя за холостяка и вновь женится. Согласія родителей на бракъ дѣтей никогда не требовалось.

Но, конечно, не всѣ браки въ Америкѣ заключаются эксцентрическими способами. Регулярныя формы заключенія браковъ соотвѣтствуютъ англійскимъ. Допускается возможность совершенія бракосочетаній всѣми духовными лицами всѣхъ вѣроисповѣданій, сектъ и партій; но такъ же, какъ и въ Англіи, духовное лицо не прежде приступаетъ къ бракосочетанію, какъ по представленіи брачущимися свидѣтельства отъ регистрара о произведенныхъ оглашеніяхъ и объ отсутствіи препятствій къ браку, а послѣ бракосочетанія должна быть произведена регистрація, т. е. внесеніе въ реэстры гражданскаго состоянія тѣмъ должностнымъ лицомъ, которому поручено вѣдать это дѣло. Въ виду безконечнаго разнообразія религіозныхъ сектъ въ Сѣверной Америкѣ, съ одинаковою быстротою и возникающихъ, и исчезающихъ, и въ виду возможности совершенія религіознаго бракосочетанія такимъ лицомъ, которое права на то не имѣетъ, дѣйствуетъ правило, что если супруги, или даже одинъ изъ нихъ относились къ бракосочетанію серьезно и добросовѣстно, считая его (bona fide) дѣйствительнымъ бракосочетаніемъ, и потомъ вели супружескую жизнь въ томъ-же убѣжденіи, то въ такихъ случаяхъ бракъ признается законнымъ, хотя бы бракосочетаніе было совершено не имѣющимъ на то права лицомъ. Кромѣ совершенія бракосочетанія въ религіозной формѣ, всякому желающему открыта возможность гражданскаго бракосочетанія предъ мирными судьями, членами высшаго суда и муниципальными должностными лицами. Въ Сѣверной Америкѣ допускаются и разводъ, и сепарація. Въ нѣкоторыхъ американскихъ государствахъ (въ Мексикѣ и въ Чили) введенъ гражданскій бракъ обязательный, примѣнительно къ принципамъ французскаго Code civil.

Всего ближе къ англійско-американской системѣ стоитъ

грааждапскій бракъ, введенный въ *Норвегіи* закономъ 27 іюня 1891 г. Разница впрочемъ существенная въ томъ, что гражданскій бракъ введенъ въ Норвегіи только для диссентеровъ. т. е. для лицъ. исповѣдующихъ христіанскую религію и въ тоже время не принадлежащихъ къ государственной лютеранской церкви. Диссентеры могутъ образовать изъ себя организованныя общины съ собственными священниками или предстоятелями съ доведеніемъ до свѣдѣнія гражданскаго начальства именъ этихъ священниковъ или предстоятелей, отъ которыхъ отбирается письменное обѣщаніе повиноваться законамъ и оставаться вѣрными истинѣ и долгу. При всякомъ перемѣщеніи или замѣнѣ одного священника или предстоятеля другимъ, равнымъ образомъ, требуется сообщеніе начальству.

Эти священники или предстоятели организованной общины должны вести реэстры гражданскаго состоянія и, по требованію гражданскаго начальства, представлять ихъ ему на просмотръ, а черезъ мѣсяцъ по истеченіи каждаго календарнаго года доставлять ему же вѣдомости о числѣ членовъ общества, а равнымъ образомъ о числѣ рожденій, смертныхъ случаевъ и бракосочетаній. Изъ этихъ вѣдомостей начальство препровождаетъ необходимыя извлеченія приходскому пастору государственной церкви съ цѣлію внесенія ихъ въ церковную книгу, которая такимъ образомъ служитъ общею книгою гражданскаго состоянія въ приходскомъ округѣ. Самыя схемы или формуляры для реэстровъ утверждаются начальствомъ; если община распадается, реэстръ доставляется въ гражданское присутственное мѣсто на храненіе. Диссентеры, принадлежащіе къ организованной общинѣ, должны сообщать своему священнику или предстоятелю о рожденіяхъ и смертныхъ случаяхъ въ теченіе мѣсяца со времени событія, а диссентеры, не принадлежащіе къ организованной общинѣ, въ теченіе того же

срока должны сообщать тѣже свѣдѣнія гражданскому начальству.

Священникъ или предстоятель организованной диссентерской общины имѣетъ право совершать бракосочетанія диссентеровъ, изъ которыхъ одинъ или оба принадлежатъ къ его религіозному обществу согласно съ ритуаломъ, одобреннымъ со стороны короля. Но диссентеры могутъ также заключать браки съ юридическими послѣдствіями гражданскимъ способомъ предъ публичнымъ нотаріусомъ въ мѣстожительствѣ одного изъ брачущихся. Смѣшанные браки между лицомъ, принадлежащимъ къ государственной церкви, и диссентеромъ могутъ быть заключаемы тройкимъ способомъ: посредствомъ благословенія пасторомъ государственной церкви, посредствомъ благословенія священника или предстоятеля организованной диссентерской общины (если къ таковой именно принадлежитъ диссентеръ), наконецъ гражданскимъ способомъ предъ публичнымъ нотаріусомъ; но священникъ или предстоятель имѣетъ право отказать въ благословеніи. Гражданскій способъ заключенія брака состоитъ въ томъ, что notarius publicus выслушиваетъ выраженіе взаимнаго согласія мужчины и женщины вступить между собою въ бракъ и затѣмъ объявляетъ ихъ супругами. Нотаріусъ дѣйствуетъ при этомъ по формуляру, утвержденному королемъ, и событіе бракосочетанія тотчасъ вноситъ въ нотаріальныя книги за подписью супруговъ. О всякомъ бракѣ, заключенномъ такимъ гражданскимъ способомъ, нотаріусъ въ теченіе восьми дней долженъ сообщить мѣстному приходскому пастору государственной церкви. Если диссентеры вступили въ бракъ предъ нотаріусомъ и затѣмъ оба или одинъ изъ нихъ переходятъ въ государственную церковь, или если заключенъ былъ гражданскимъ способомъ смѣшанный бракъ между членомъ государственной церкви и диссентеромъ, этотъ гражданскій бракъ, какъ скоро пожелаютъ, того сами супруги и какъ

скоро пасторъ государственной церкви не будетъ ничего имѣть противъ этого, можетъ быть благословленъ церковью (т. е. пасторомъ государственной церкви). Допускаются разлученіе и разводъ. Тамъ, гдѣ, въ случаѣ иска о разлученіи или разводѣ, предписывается закономъ попытка примиренія супруговъ, исходящая отъ духовнаго лица, въ отношеніи къ диссентерамъ эта попытка дѣлается ихъ священникомъ или предстоятелемъ, предполагая, что диссентеры принадлежатъ къ организованной общинѣ. Въ общемъ, постановленія закона 1891 г о христіанскихъ диссентерахъ распространяются и на лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія, т. е. имъ предоставляется заключать браки предъ еврейскими раввинами, или гражданскимъ способомъ; но если только одинъ изъ брачущихся принадлежитъ къ еврейской религіи, бракъ съ юридическими послѣдствіями можетъ быть заключенъ только гражданскимъ способомъ предъ публичнымъ нотаріусомъ, и, пока одинъ изъ супруговъ исповѣдуетъ Моисееву религію, не можетъ имѣть мѣста то дополнительное благословеніе государственной церкви, о которомъ говорилось выше.

Особенности норвежскаго гражданскаго брака состоятъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, въ томъ что: 1) постановленія о диссентерахъ распространяются и на членовъ государственной церкви, по скольку дѣло идетъ о смѣшанныхъ бракахъ; 2) что, будучи факультативнымъ, гражданскій бракъ диссентеровъ допускаетъ позднѣйшее церковное благословеніе; 3) что регистрація браковъ хотя и ведется духовенствомъ диссентерскимъ и государственными органами, но въ концѣ концовъ сосредоточивается въ рукахъ духовенства господствующей церкви.

Въ *Австріи* гражданскій кодексъ 1811 г. (das allgem. bürgerl. Gesetzbuch) удовольствовался нѣкоторою регламента-

цiей церковнаго брака, на подобіе того, какъ раньше регламентировали бракъ французскіе короли своими ордонансами, вслѣдствіе чего браку усвоялся смѣшанный церковно-государственный характеръ. и священникъ долженъ былъ дѣйствовать не только какъ священникъ, но и какъ чиновникъ гражданскаго состоянія. Бракосочетаніе должно было совершаться въ церкви послѣ оглашеній, сдѣланныхъ приходскимъ священникомъ. Бракосочетаніе католика съ некатоликомъ должно было совершаться католическимъ священникомъ, но съ предоставленіемъ права духовному лицу некатолическаго вѣроисповѣданія ассистировать при бракосочетаніи. Причины или основанія къ признанію браковъ недѣйствительными опредѣлены гражданскимъ закономъ и дѣла о недѣйствительности браковъ изъяты изъ вѣдѣнія церковныхъ судовъ. Священнику, какъ священнику, предоставлено право отказать въ совершеніи бракосочетанія, но такъ какъ онъ въ то же время былъ и чиновникомъ гражданскаго состоянія, то будущимъ супругамъ дано право обратиться съ жалобой на него къ гражданскому суду, который и рѣшалъ, правъ или неправъ священникъ. Таковое положеніе дѣлъ, служившее обыкновенно поводомъ къ неудовольствіямъ и жалобамъ съ церковной стороны, продолжалось до 1856 г., когда, согласно съ конкордатомъ 1855 г., законъ призналъ всѣ принципы каноническаго права, допуская браки католиковъ съ некатоликами только подъ условіемъ крещенія и воспитанія дѣтей въ католической религіи, а для разбирательства брачныхъ дѣлъ создалъ спеціальные, но церковные же суды. Но въ 1868 г., съ провозглашеніемъ основныхъ правъ гражданъ (равенство предъ закономъ, свобода совѣсти, неприкосновенность собственности и проч.), были изданы два закона, изъ которыхъ однимъ упразднено обязательство при смѣшанныхъ бракахъ воспиты-

вать всѣхъ дѣтей въ католической религіи. вторымъ отмѣненъ законъ 1856 г. Брачныя дѣла отданы въ вѣдомство свѣтскихъ судовъ, и введенъ для случаевъ крайней необходимости гражданскій бракъ (Nothcivilehe). Когда священникъ отказываетъ въ совершеніи бракосочетанія по причинѣ какого-нибудь каноническаго препятствія, не признаваемаго закономъ гражданскимъ, будущіе супруги могутъ обратиться къ гражданскому начальству, которое дѣлаетъ отъ себя предшествующія браку публикаціи или оглашенія и совершаетъ гражданское бракосочетаніе. Позднѣе, въ 1870 г. для диссидентовъ, не принадлежащихъ ни къ одному изъ признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій. гражданское бракосочетаніе указано, какъ единственный путь къ заключенію законнаго брака. Въ отношеніи же къ бракамъ католиковъ государство поддерживаетъ не только церковный бракъ, но и каноническій принципъ нерасторжимости, даже если только одинъ изъ супруговъ католикъ, который притомъ позднѣе перемѣнилъ бы религію. Сепарація допускается, даже и по взаимному соглашенію, безъ представленія суду какихъ-либо мотивовъ или опредѣленныхъ поводовъ къ прошенію о разлученіи.

ГЛАВА V.

Гражданскій бракъ въ Россіи.

Въ Россіи государствомъ поддерживается церковный, вообще религіозный бракъ, который по этому самому есть вмѣстѣ и церковный и гражданскій. Государство поддерживаетъ своими законами церковныя постановленія о заключеніи и прекращеніи браковъ, но съ другой стороны и церковь принимаетъ къ исполненію установленныя государствомъ требованія относительно брака. Брачныя дѣла находятся въ вѣдѣніи духовныхъ судовъ. Разводъ допускается не потому, что на наше законодательство повліяли въ какой либо мѣрѣ идеи гражданскаго брака, а потому, что онъ допускался и допускается восточнымъ каноническимъ правомъ. Запись (регистрація) браковъ, равно какъ рожденія и смерти, ведется духовенствомъ въ видѣ такъ называемыхъ метрическихъ книгъ, причемъ духовенство, очевидно, несетъ ту же службу которую на западѣ несетъ чиновникъ гражданскаго состоянія. Что касается въ особенности формы заключенія брака, господствуетъ церковная форма. Оглашенія, предваряющія бракосочетаніе, и обыскъ, имѣющій цѣлью удостовѣреніе въ отсутствіи препятствій къ браку, совершаются духовенствомъ. Самое бракосочетаніе лицъ православнаго вѣроисповѣданія совершается въ церкви, въ дни и время, для сего положенные, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, во всемъ сообразно правиламъ и обрядамъ православной церкви. Вѣнчаніе браковъ православныхъ лицъ внѣ церкви допускается въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ по обстоятельствамъ

вѣнчаніе въ церкви невозможно, притомъ только съ благословенія епархіальныхъ архіереевъ. Каждый бракъ записывается въ приходскую метрическую книгу (т. X, ч. 1 св. зак. гражд., ст. 31). Браки лицъ всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданій должны быть совершаемы по ихъ закону (т. е. религіозному или вѣроисповѣдному) духовенствомъ той церкви, къ которой принадлежатъ вступающіе въ супружество; однако браки признаются дѣйствительными и тогда, если, за нешмѣніемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оные совершаются, священника или пастора ихъ вѣры, вѣнчаніе будетъ произведено священникомъ православнымъ; но въ этомъ случаѣ совершеніе и расторженіе браковъ производятся уже по правиламъ и обрядамъ православной церкви (ст. 65). Браки лицъ православныхъ съ неправославными должны быть повѣнчаны православнымъ священникомъ, такъ что напр. браки лицъ православнаго исповѣданія съ лицами римско-католическаго исповѣданія, совершенные одними римско-католическими священниками, почитаются недѣйствительными, доколѣ тотъ же бракъ не обвѣнчанъ православнымъ священникомъ (ст. 67 и 72). Слѣдовательно, законная сила браку придается единственно православнымъ вѣнчаніемъ; но въ Финляндіи, при заключеніи браковъ лицами разныхъ христіанскихъ исповѣданій (въ томъ числѣ и православнаго), какъ скоро дѣло идетъ о коренныхъ жителяхъ Финляндіи, а не о военно-служащихъ, находящихся въ Финляндіи по командѣ и квартированію, для законности брака требуется вѣнчаніе въ обѣихъ церквахъ (ст. 68). Браки между лицами разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго, въ юго-западныхъ губерніяхъ должны быть повѣнчаны священникомъ той вѣры, къ которой принадлежитъ невѣста (согласно съ западнымъ церковнымъ обычаемъ, установившимся еще до тридентскаго собора); въ

случаѣ же, еслибы католическій священникъ отказался благословить смѣшанный бракъ, вѣнчаніе можетъ быть предоставлено священнику другаго исповѣданія (ст. 75). А еслибы и этотъ послѣдній отказался благословить бракъ, брачущіеся согласно съ вышеприведенною 65 статьею, могли бы обратиться къ православному священнику. Наконецъ, и въ отношеніи браковъ нехристіанъ между собою, каждому племени и народу предоставлено вступать въ бракъ по правиламъ ихъ закона (т. е. религіознаго же), или по принятымъ обычаямъ, безъ участія въ томъ гражданскаго начальства или христіанскаго духовнаго правительства (ст. 90).

Такимъ образомъ русское законодательство со всею рѣшительностію поддерживаетъ религіозный бракъ, ему именно придавая законную силу и юридическія послѣдствія. И нѣтъ сомнѣнія, что религіозный бракъ вполнѣ отвѣчаетъ духу и потребности русскаго народа. Русскій юристъ и государственный человѣкъ, К. П. Побѣдоносцевъ, разсуждая о возможности введенія гражданскаго брака въ Россіи, въ немногихъ, но чрезвычайно сильныхъ и справедливыхъ словахъ,—съ которыми нельзя не согласиться, — объясняетъ непримѣнимость этого западно-европейскаго учрежденія къ русскому юридическому быту. «Учрежденіе гражданскаго брака,—говоритъ онъ.— «противорѣчитъ кореннымъ основамъ здраваго религіознаго чувства въ народѣ и само въ себѣ заключаетъ внутреннее противорѣчіе: зачѣмъ прививать къ простому быту, не привыкшему къ раздѣленіямъ и столкновеніямъ между церковью и государствомъ, столь искуственное учрежденіе, какъ гражданскій бракъ, который поведетъ лишь къ соблазну и къ отягощенію народному? Онъ поведетъ къ соблазну потому, что совѣсть народная не пойметъ и не приметъ раздвоенія брака. Онъ поведетъ къ отягощенію потому, что строгія и сложныя

формальности, неразлучныя съ гражданскою формою брака, непремѣнно превратятся въ канцелярскія формальности, и въ рукахъ чиновниковъ, не всегда способныхъ разумѣть смыслъ порученной имъ буквы, непремѣнно станутъ источникомъ и предлогомъ всякаго рода затрудненій, проволочекъ и притязаній, наконецъ непремѣнно соединятся съ пошлинами и поборами, о которыхъ не имѣютъ и приблизительнаго понятія тѣ, кому теперь иногда приходится въ исключительныхъ случаяхъ роптать на притязательность сельскаго духовенства въ дѣлахъ брачныхъ. Представимъ себѣ брачное дѣло, отрѣшенное отъ естественной среды своей—отъ прихода—и перенесенное въ другую оффиціальную среду, напр. въ кварталъ, въ волость, въ округъ мирового судьи и т. п. Формальности, предшествующія браку, соединятся съ канцелярскимъ хожденіемъ по дѣлу, которое для народа станетъ непремѣнно обременительнѣе нынѣшнихъ объясненій и переговоровъ съ церковнымъ причтомъ, поставятъ между просителемъ и главнымъ совершителемъ обряда бумагу и канцелярію, въ которой каждый изъ мелкихъ чиновниковъ захочетъ питаться отъ своего дѣла».

Въ самомъ дѣлѣ, если уже въ западныхъ государствахъ возникали серьезныя практическія неудобства вслѣдствіе того, что государство придало законную силу только гражданскому бракосочетанію, а человѣкъ изъ народа продолжалъ довольствоваться церковнымъ бракосочетаніемъ, въ немъ одномъ лишь видя законную санкцію брака и подвергая, такимъ образомъ, себя, жену и дѣтей всѣмъ неудобствамъ нелегальнаго съ гражданской точки зрѣнія положенія, то какія практическія неудобства могли бы возникнуть въ русской жизни при искренней приверженности русскаго народа къ религіозному обряду, при его полной неподготовленности и неспособности различать гражданское отъ церковнаго и при его, такъ сказать, сти-

хійной боязни предъ всякимъ хожденіемъ по присутственнымъ мѣстамъ? Въ Англіи и въ Америкѣ, какъ выше было объяснено, существуетъ факультативный гражданскій бракъ, т. е. гражданское бракосочетаніе не обязательно отъ всѣхъ подданныхъ требуется, какъ необходимый и единственный способъ легализированія брачнаго союза, а предоставляется желающимъ, какъ возможный способъ. Можетъ быть въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, благодаря особому складу жизни, образовавшемуся подъ вліяніемъ особыхъ историческихъ причинъ, факультативный бракъ не приводитъ къ слишкомъ вреднымъ послѣдствіямъ. Но въ примѣненіи къ континентальнымъ странамъ Европы, онъ несомнѣнно былъ бы болѣе вреденъ, чѣмъ обязательный гражданскій бракъ. Въ этомъ отношеніи справедливо было замѣчено въ прусскомъ парламентѣ при обсужденіи вопроса о введеніи гражданскаго брака, что факультативный бракъ свидѣтельствовалъ бы объ индифферентизмѣ государства, противорѣчащемъ самымъ элементарнымъ требованіямъ государственной политики, и объ отсутствіи уваженія къ церкви со стороны того гражданина или подданнаго, который, пользуясь предоставленнымъ ему правомъ выбора между церковнымъ и гражданскимъ бракосочетаніемъ, предпочелъ бы послѣднее. Спрашивалось бы, почему въ данномъ случаѣ данный субъектъ предпочелъ совершить бракосочетаніе въ гражданской формѣ? Да просто потому, что онъ не желаетъ церковнаго благословенія брака.

По поводу приведенныхъ словъ К. П. Побѣдоносцева невольно припоминается одинъ изъ мотивовъ, приводившихся прусскимъ правительствомъ въ 1873 г. въ пользу обязательнаго гражданскаго брака. Обязательный гражданскій бракъ, говорило правительство, облегчаетъ, упрощаетъ и объединяетъ регистрацію браковъ и веденіе актовъ состоянія, такъ какъ,

съ возложеніемъ этого дѣла на чиновника гражданскаго состоянія, всякій гражданинъ, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія, обращался бы къ этому чиновнику и всякій бы зналъ, что не въ нѣсколькихъ десяткахъ учрежденій, а у одного и того же, поставленнаго государствомъ, чиновника гражданскаго состоянія можно получать разные документы, копіи и справки, относящіяся до правъ состоянія, наслѣдованія, отбыванія государственныхъ повинностей и проч. Можетъ быть, въ другихъ государствахъ и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего труднаго въ установленіи такого порядка вещей, чтобы веденіе актовъ состоянія возложено было на особый государственный служебный персоналъ. У насъ же, какъ кажется, удовлетворительная организація статистики вообще оказывается дѣломъ нелегкимъ и недешевымъ. А между тѣмъ приходское духовенство наше, можетъ быть и не всегда подозрѣвая важность того дѣла, которое оно ведетъ, собираетъ статистическія данныя относительно важнѣйшихъ соціально-юридическихъ отношеній гражданъ, и въ тоже время не требуетъ за этотъ свой трудъ ровно ни одной копѣйки изъ государственной казны. Впрочемъ, еслибы даже и оказалось впослѣдствіи возможнымъ организовать удовлетворительное веденіе актовъ гражданскаго состоянія въ волостяхъ и въ городскихъ полицейскихъ учрежденіяхъ или въ какомъ либо спеціально для этой цѣли установленномъ государственномъ учрежденіи, обязанности же духовенства ограничены-бы были выдачей обвѣнчаннымъ свидѣтельства о повѣнчаніи для представленія его въ волость, въ полицію или въ спеціальное государственное учрежденіе, съ цѣлью внесенія въ государственныя книги,—то отсюда вытекало бы только облегченіе труда для духовенства, а не превращеніе церковнаго брака въ гражданскій. Бракъ церковный не переставъ бы быть церковнымъ съ измѣненіемъ способа регистраціи, все

равно какъ церковное бракосочетаніе не превращается въ гражданское въ Англіи или въ Испаніи, вслѣдствіе того, что регистрація ведется государственнымъ должностнымъ лицомъ, или какъ наоборотъ въ Норвегіи гражданское бракосочетаніе диссентеровъ не превращается въ церковное, вслѣдствіе того, что регистратура сосредоточивается въ рукахъ приходскаго пастора государственной церкви.

Въ пользу церковнаго вѣнчанія, какъ не только наилучшей и достойнѣйшей формы вступленія въ бракъ, но и какъ вполнѣ соотвѣтствующей русскому народному сознанію и русскому юридическому быту, можетъ быть приведено одно цѣнное историческое указаніе. Наши русскіе сектанты, русскіе диссиденты, какъ старовѣрческаго, такъ и раціоналистическаго направленія, по отдѣленіи отъ церкви, сохранили въ себѣ непреодолимое стремленіе къ религіозной формѣ заключенія браковъ. Раскольники-поповцы, при всемъ неудобствѣ добывать себѣ бѣглыхъ поповъ, все таки не выдумали никакой другой формы вступленія въ бракъ, кромѣ церковнаго вѣнчанія съ участіемъ священника, который, разумѣется, долженъ совершать обрядъ вѣнчанія по старымъ книгамъ и съ старыми обрядами, напр. съ хожденіемъ посолонь вокругъ налоя. Что же касается безпоповцевъ, то они явили міру поразительный примѣръ приверженности русскаго человѣка къ церковному вѣнчанію. Когда до-никоновское священство пресѣклось, и не всѣ раскольники рѣшились довольствоваться бѣглыми попами, часть ихъ признала, что священство уже не существуетъ болѣе на землѣ и не можетъ существовать, такъ какъ погибла истинная церковь, а слѣдовательно не можетъ существовать и брака. На сколько приверженнымъ нужно быть къ церковному вѣнчанію черезъ священника, чтобы, въ виду невозможности имѣть священника, отказаться отъ самого брака и дойти до чудовищныхъ вы-

водовъ изъ этого отказа! Исторія безпоповства представляетъ глубокій интересъ и въ тѣхъ вѣтвяхъ этого раскольническаго направленія, которыя признали необходимость брака. Въ этой исторіи мы прежде всего встрѣчаемся съ замѣчательною личностью русскаго самоучки - безпоповца, который въ первой половинѣ прошлаго столѣтія упорнымъ трудомъ и природнымъ смысломъ составилъ себѣ такую массу церковно-историческаго знанія, которая сдѣлала бы честь любому русскому доктору богословія конца XIX в.: это былъ Иванъ Алексѣевъ, авторъ сочиненія: «О тайнѣ брака». Подвигъ его жизни и намѣреніе его ученаго изслѣдованія,—такъ говоритъ Т. П. Филипповъ.— состояли въ томъ, чтобы обществу безпоповцевъ которые потому единственно и отвергали бракъ что онъ, по ихъ мнѣнію, не можетъ быть совершенъ безъ правильнаго священства, доказать, что, напротивъ того, и при отсутствіи истиннаго священства, вполнѣ возможно совершеніе брака, какъ таинства. Иванъ Алексѣевъ основательнымъ изученіемъ древней исторіи дошелъ до того убѣжденія, что церковное вѣнчаніе сравнительно поздно признано было таинствомъ, что таинство древняя церковь поставляла не въ обрядѣ церковномъ, не въ «вѣнценосныхъ великолѣпностяхъ», какъ онъ выражался, «которыя ни неба ни ада ничтоже способствуютъ», а въ самомъ существѣ супружескаго союза, и въ развитіи этого своего положенія Алексѣевъ обнаружилъ столько знанія и обстоятельности, что, читая его аргументацію, какъ будто имѣешь дѣло съ ученымъ богословомъ католической церкви, которая также вѣруетъ, что таинство состоитъ въ существѣ супружескаго союза. Близость русскаго самоучки къ католическому богословію обнаружилась и еще въ одномъ отношеніи. Подобно тому, какъ въ римско-католической церкви, видящей въ

формѣ заключенія брака только гарантію его публичности, дозволялось иногда, даже со стороны церковной власти, вѣнчаться у протестантскихъ пасторовъ, тамъ, гдѣ требовалъ этого государственный законъ страны,—такъ какъ, собственно говоря, и вѣнчаніемъ передъ иновѣрнымъ священнослужителемъ вполнѣ гарантируется публичность брака,—точно также Иванъ Алексѣевъ старался убѣдить безпоповцевъ, что они могутъ вѣнчаться у священниковъ никоніанскихъ, т. е. православныхъ. въ православныхъ церквахъ. Если таинство брака состоитъ не въ священнодѣйствіи какомъ либо церковномъ, какъ этому учила древняя церковь и какъ этому учитъ до сихъ поръ римско-католическая церковь, то можно, слѣдовательно, успокоиться на той мысли, что и бракъ безпоповцевъ можетъ быть таинствомъ, а вѣнчаніе въ православной церкви должно разсматриваться. какъ законная формальность, гарантирующая публичность брака. Иванъ Алексѣевъ могъ бы указать и на то, что и въ православной церкви вѣнчаніе разсматривается иногда не съ точки зрѣнія преподанія таинства ея вѣрующимъ членамъ, а съ точки зрѣнія формальности, устанавливающей законный бракъ, именно когда православному священнику приходится напр. вѣнчать католика съ лютеранкою (согласно 65 ст. т. X, ч. 1, св. зак. гр. см. выше). Иванъ Алексѣевъ, поставляя центръ тяжести всего вопроса въ таинствѣ, и въ этомъ смыслѣ считая бракъ дѣломъ религіознымъ, на вѣнчаніе смотритъ не съ религіозной его стороны. Послѣдующіе за Иваномъ Алексѣевымъ руководители безпоповцевъ, признавшіе необходимость брака, дали еще болѣе сильное выраженіе той мысли, что самая форма заключенія брака можетъ быть только религіозная, причемъ къ религіозному акту старались пріурочить и запись въ особую брачную книгу. Такъ напр., въ покровской часовнѣ, въ Москвѣ, откуда исхо-

дила главная агитація въ пользу необходимости браковъ для безпоповцевъ, сочиненъ былъ особый молебенъ Господу Іисусу на обрядъ бракосочетанія, заведена была особая книга для записей, а потомъ введено еще чтеніе брачнаго апостола и Евангелія и пѣніе, при входѣ жениха и невѣсты, псалма: «блажени вси боящіися Господа».

Когда, въ царствованіе императора Николая, были приняты суровыя мѣры противъ раскольниковъ, такъ что и многіе поповцы, лишенные возможности имѣть бѣглыхъ поповъ, обратились въ безпоповство, а въ безпоповствѣ не стало возможности заключать браки въ моленныхъ, начали прибѣгать въ разныхъ мѣстахъ къ разнымъ способамъ, но обыкновенно съ участіемъ религіознаго элемента. Такъ напр., въ Петербургѣ нѣкій Карпъ Новосадовъ совершалъ бракосочетанія раскольниковъ въ своей квартирѣ, а когда онъ былъ арестованъ, этимъ дѣломъ занялась его дочь, Марья Новосадова. Марья Карповна, взявшая на себя это хлопотливое дѣло — раздавать благословеніе на брачную жизнь, пріобрѣла не только практику, но и знаменитость. Изъ опасенія разныхъ неудобствъ со стороны полиціи, Марья Карповна совершала бракосочетанія большею частію вечеромъ поздно, самое бракосочетаніе состояло въ чтеніи молитвъ, канона, и въ тихомъ пѣніи молебна. Въ другихъ мѣстахъ благословеніе браковъ дѣлалось такимъ образомъ: въ назначенный день собирались родственники желавшихъ вступить въ супружеское сожительство; на поставленномъ предъ ними налоѣ клались крестъ и Евангеліе; наставникъ прочитывалъ молитвы и благословлялъ, послѣ чего новобрачные прикладывались къ кресту и Евангелію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возлагались на головы жениха и невѣсты иконы вмѣсто вѣнцовъ.

Если мы полюбопытствуемъ взглянуть на секты раціоналистическаго направленія, то мы найдемъ напр. слѣдующее:

Въ калпковской сектѣ (которая, какъ говорятъ, составляетъ смѣсь безпоповщины съ молоканствомъ и штундизмомъ), послѣ того, какъ состоялся сговоръ, родители приглашаютъ въ назначенный для бракосочетанія день своихъ родныхъ и знакомыхъ на вечеръ, на которомъ время проводится въ пѣніи божественныхъ пѣсенъ и подходящихъ псалмовъ. Во время пѣнія, женихъ незамѣтно уводитъ невѣсту въ свой домъ, и когда гости обнаружатъ отсутствіе молодыхъ, кончаютъ пѣніе, поздравляютъ отца невѣсты съ новобрачными и расходятся. На другой день новобрачные являются къ родителямъ невѣсты просить прощенія, тѣ прощаютъ и благословляютъ ихъ.

У штундистовъ, по словамъ очевидца, старшій братъ общества, играющій роль священника, совершаетъ и браки. Если кто желаетъ жениться и получилъ на это согласіе какъ своихъ, такъ и невѣстиныхъ родителей, тогда онъ отправляется къ старшему брату, и заявляетъ ему объ этомъ. Тотъ экзаменуетъ жениха изъ Свящ. Писанія и затѣмъ назначаетъ день свадьбы. Въ этотъ день собирается радѣнье въ домѣ родителей невѣсты: туда и является женихъ. Послѣ молитвы и чтенія Евангелія, старшій братъ благословляетъ жениха и невѣсту, и бракъ заключенъ.

Примѣровъ могло бы быть приведено гораздо болѣе, но и приведенныхъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть, какая форма заключенія брака желательна народу. Да даже и классъ образованныхъ людей въ Россіи далеко ли ушелъ отъ народной массы въ пониманіи брака? Что разумѣется у насъ подъ «гражданскимъ бракомъ» въ обыденномъ словоупотребленіи? Всякая незаконная и предосудительная связь. Вмѣсто того, чтобы сказать, что такой-то живетъ съ любовницей, у насъ говорятъ, что N живетъ гражданскимъ бракомъ съ такою-то женщиной. Бываетъ, что сами сожители, особенно если

они принадлежатъ къ «идейнымъ» людямъ, называютъ себя мужемъ и женой. Но мысль о томъ, что брачное сожитіе должно быть освящено если не церковью, то гражданскимъ закономъ (а такова и есть мысль западно-европейскаго гражданскаго брака), что гражданскій бракъ связанъ съ извѣстною законною формою и съ серьезными послѣдствіями въ отношеніи правъ и обязанностей, совершенно непривычна русскому сознанію. На самомъ дѣлѣ существующіе у насъ такъ называемые «гражданскіе браки» суть незаконныя связи, чуждыя какой бы то ни было юридической формы и длящіяся только до тѣхъ поръ, пока онѣ почему либо не распались. О чемъ свидѣтельствуетъ все это? Безъ сомнѣнія о томъ, что, по русскимъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ насколько они развились въ настоящее время, *законнаго гражданскаго брака* не можетъ быть, что законный бракъ есть только церковный, который есть вмѣстѣ съ тѣмъ и народно-обычный, и что якобы «гражданскій бракъ» есть въ сущности этикетъ для прикрытія того, что не всегда удобно бы было называть собственнымъ именемъ.

И однако, съ гражданскимъ бракомъ пришлось познакомиться и русскому законодательству, и русскому обществу. Мы говоримъ о бракахъ раскольниковъ. Какъ ни стараются у насъ многіе избѣжать термина: «гражданскій бракъ» въ примѣненіи къ бракамъ раскольниковъ, но бракъ, получающій законную силу вслѣдствіе исполненія извѣстной формальности, предписываемой гражданскимъ закономъ, независимо отъ какихъ либо религіозныхъ обрядовъ, можетъ быть только гражданскимъ бракомъ, и никакимъ другимъ. Поэтому любой французскій или нѣмецкій ученый юристъ, подъ рубрикой: «Le mariage civil», или «Civilehe», обозрѣвающій или излагающій законодательства разныхъ государствъ о гражданскомъ бракѣ, не имѣетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что подъ эту рубрику

подходитъ и русскій законъ 1874 г. о бракахъ раскольниковъ.

Русское законодательство осталось вѣрнымъ своему духу, когда по возвращеніи отъ Румыніи, по Германскому трактату 1878 г., участка Бессарабіи, опредѣлило: что 1) всѣ вообще лица, вступившія при дѣйствіи въ означенномъ участкѣ Бессарабіи румынскихъ законовъ въ браки, гражданскимъ порядкомъ совершенные, безъ подтвержденія оныхъ церковнымъ бракосочетаніемъ и пребывающія доселѣ въ таковыхъ, неосвященныхъ церковью, гражданскихъ бракахъ, буде желаютъ узаконить свое брачное состояніе окончательно и на будущее время, обязываются вступить въ бракъ по чину православной церкви и съ соблюденіемъ всѣхъ требуемыхъ на сей предметъ въ имперіи условій, и 2) доколѣ браки не будутъ повѣнчаны православною церковью, лица, заключившія оные, признаются состоящими въ дѣйствительномъ законномъ бракѣ лишь за время, предшествовавшее обнародованію настоящихъ правилъ (прилож. къ 25 ст. т. X ч. I).

Между тѣмъ, за нѣсколько времени ранѣе изданія приведенныхъ правилъ, русскому законодательству пришлось отступить отъ того общаго начала, что законность брачному союзу сообщается лишь церковнымъ, вообще религіознымъ бракосочетаніемъ.

Исторія даетъ намъ полное право сравнивать нашихъ раскольниковъ съ протестантами и кальвинистами Западной Европы, при всей разницѣ ихъ руководящихъ принциповъ, съ одной стороны консервативныхъ, а съ другой—реформаторскихъ. Русскихъ диссидентовъ можно сравнивать съ диссидентами западноевропейскими не только въ томъ отношеніи, что тѣ и другіе уклонялись отъ установленнаго церковнаго ученія, но и съ точки зрѣнія тѣхъ отношеній, въ которыя они должны были стать къ господствующей церкви и къ государственной власти.

Однако, историческая судьба тѣхъ и другихъ оказалась далеко несходною. Лютеранамъ, кальвинистамъ, и не только имъ, а и многимъ, уже въ собственномъ смыслѣ, сектантамъ удалось отвоевать право гражданства, получить государственное признаніе для своего духовенства и для своего религіознаго общества. Уже давно прошли тѣ времена, когда духовенству диссидентскому предписывался принудительный выѣздъ изъ страны, когда гонимые адепты новаго вѣроисповѣданія собирались въ пустыняхъ, въ лѣсахъ, въ пещерахъ, въ пропастяхъ земныхъ, участвовали здѣсь въ богослуженіи, здѣсь же испрашивали и благословеніе на свои браки. Давно прошло и то время, когда закономъ государственнымъ предписывалось заключать браки по церковному обряду господствующаго вѣроисповѣданія, все равно къ какому бы вѣроисповѣданію ни принадлежали вступающія въ бракъ лица. Нельзя не сознаться, что наша исторія есть одна изъ самыхъ запоздалыхъ въ этомъ отношеніи. Самый ранній изъ указовъ, касающихся браковъ раскольниковъ, есть указъ Петра Великаго отъ 24 марта 1719 г. Указомъ предписано «съ раскольниковъ, которые женятся тайно не у церкви, безъ вѣнечныхъ памятей, наложить особливый сборъ, а именно рубли по три съ человѣка мужескаго и женскаго пола, на обѣ стороны поровну, а съ богатыхъ и больше». Въ такое время, когда государственныя нужды заставляли великаго государя даже и на бороду смотрѣть, какъ на источникъ государственнаго дохода, и облагать ее пошлиной, обложеніе раскольническихъ браковъ трехрублевой съ человѣка пошлиной тѣмъ болѣе понятно и пожалуй даже извинительно, что при православныхъ браковѣнчаніяхъ взимались особыя т. н. вѣнечныя пошлины, отъ которыхъ слѣдовательно избавлялись тѣ, которые не посредствомъ православнаго вѣнчанія заключали свои браки. Можно даже ска-

зать. что положеніе раскольника, уплатившаго за себя и за невѣсту 6 руб. и затѣмъ признаваемаго государствомъ въ его качествѣ законнаго мужа, независимо отъ того, гдѣ и какъ онъ обвѣнчался, было совсѣмъ недурнымъ положеніемъ. Но первый законъ о бракахъ раскольниковъ и остался самымъ синсходительнымъ изъ всѣхъ законовъ этого рода.

Въ позднѣйшихъ указахъ уже предписывалось принадлежащихъ къ расколу лицъ не вѣнчать, а если безъ церковнаго вѣнчанія жить станутъ, допрашивать, кто ихъ вѣнчалъ, или безъ всякаго вѣнчанія живутъ; если скажутъ, что кто нибудь вѣнчалъ ихъ, то такого оговореннаго предписывалось розыскать и представить въ духовное правленіе; здѣсь происходилъ допросъ, какого былъ кто чина, и ежели попъ, кѣмъ посвященъ, имѣетъ ли грамоту. не подъ запрещеніемъ ли, а буде непосвященный, давноль въ расколѣ и проч. Учиня такимъ образомъ обстоятельное слѣдствіе, такихъ поповъ и прочихъ продерзателей велѣно отсылать для наказанія и ради ссылки на галеры къ свѣтскимъ управителямъ. Если раскольники не желали сказать. кто вѣнчалъ ихъ, или безъ всякаго вѣнчанія сжились, то они подвергались наказанію и даже могли быть потребованы къ розыску въ страшный преображенскій приказъ. Такъ какъ, съ изданіемъ указовъ, разсчитывалось пресѣчь на будущее время всѣ раскольническія требоисправленія: крещеніе младенцевъ, вѣнчаніе брачущихся и погребеніе умершихъ, то раскольникамъ указано обращаться, для означенныхъ требоисправленій, къ православнымъ священникамъ, по чину церковному и по новоисправленнымъ книгамъ. Но это не значило, что раскольники могли лишь только въ этотъ именно моментъ и въ виду данной потребности обратиться къ православному священнику. Нѣтъ, брачившіеся обязывались при этомъ присягой и сказками съ же-

стокимъ подтвержденіемъ: впредь имъ расколу не содержать, но быть твердымъ (!) въ православіи и съ раскольниками никакого согласія не имѣть, и разговоровъ о раскольническомъ ихъ мнѣніи не употреблять и раскольничьихъ учителей при себѣ не держать и нигдѣ съ ними не общаться подъ жестокимъ штрафомъ. Слѣдовательно, положеніе русскихъ раскольниковъ оказывалось гораздо стѣснительнѣе тѣхъ западныхъ диссидентовъ, которымъ приходилось обратиться на разъ къ духовенству другого вѣроисповѣданія, чтобы заключить законный бракъ, и которые притомъ вовсе не обязывались быть вѣрными тому вѣроисповѣданію, къ которому они не принадлежали. Браки раскольниковъ, притомъ же, если они были заключены помимо православной церкви, не только не признавались властію, но и принудительно расторгались. Стоило только узнать приходскому священнику, что двое такихъ-то и такихъ-то лицъ, не повѣнчанныхъ имъ, живутъ вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, и довести объ этомъ до свѣдѣнія епархіальнаго архіерея, или ближайшаго свѣтскаго начальства, то, кромѣ всѣхъ другихъ непріятныхъ послѣдствій такого доноса, супружеское сожительство разрушалось. При императрицѣ Екатеринѣ II, положеніе раскольниковъ вообще значительно улучшилось. Наступило улучшеніе и касательно браковъ: хотя браки ихъ, совершенные внѣ православной церкви, и не признавались законными со стороны власти, но, по крайней мѣрѣ, они не преслѣдовались и не разрушались. Въ послѣдующія царствованія положеніе раскольниковъ становилось то хуже, то лучше, и эта смѣна темныхъ и свѣтлыхъ интерваловъ зависѣла то отъ администраціи, которая могла съ большимъ и съ меньшимъ усердіемъ примѣнять стѣснительные для раскольниковъ законы, то отъ самого законодательства, которое являлось въ видѣ болѣе суровыхъ и менѣе суровыхъ распоряженій, при-

чемъ еще дѣлалось иногда и такъ, что закономъ требовалось напр. обязывать всѣхъ раскольниковъ вѣнчаться въ православныхъ храмахъ съ присоединеніемъ ихъ къ православію, —это для того, чтобы не дать гласной потачки расколу,—а секретно предписывалось епархіальнымъ архіереямъ не настаивать на присоединеніи вѣнчающихся раскольниковъ къ православной церкви. Едва ли не самымъ критическимъ моментомъ для раскольническихъ браковъ были пятидесятые годы нынѣшняго столѣтія. Въ 1850 г., по поводу девятой ревизіи, было предписано у безпоповцевъ, вовсе отвергающихъ бракъ, показывать дѣтей по ревизіи незаконнорожденными, а матерей не записывать женами раскольниковъ; но это же самое распоряженіе примѣнено было и ко всѣмъ вообще безпоповцамъ, вступившимъ въ браки внѣ православной или единовѣрческой церкви. Снисходительнѣе относились къ бракамъ поповцевъ, давая возможность женамъ и дѣтямъ ихъ считаться законными по ревизской записи и по полицейскимъ свидѣтельствамъ (но отнюдь не по записямъ духовенства и не на основаніи самого факта повѣнчанія бѣглымъ попомъ). Но съ 1853 г. и поповцамъ предписано представлять, въ доказательство законности брака и рожденія, метрическія свидѣтельства, т. е. нѣчто такое, чего они представить не могли.

Но наконецъ и для русскихъ раскольниковъ занялась заря лучшаго будущаго. Въ 1874 г., 19 апрѣля, явился законъ о бракѣ раскольниковъ. Бракъ въ гражданскомъ отношеніи пріобрѣтаетъ силу и послѣдствія законнаго брака черезъ запись его въ метрическую книгу. Метрическія книги о рожденіи, бракѣ и смерти раскольниковъ ведутся въ городахъ и уѣздахъ мѣстными полицейскими управленіями, а въ столицахъ— участковыми и частными приставами. Всякая запись въ ме-

трическихъ книгахъ подписывается членами полиціи, предъ которыми сдѣлано заявленіе о рожденіи, бракѣ или смерти, а также лицами, сдѣлавшими заявленіе и бывшими при томъ свидѣтелями, если они грамотны. Раскольникъ, желающій, чтобы бракъ его былъ записанъ въ метрическую книгу, долженъ увѣдомить о томъ письменно или словесно полицейское управленіе, или волостное правленіе. По такому увѣдомленію, полицейское управленіе или волостное правленіе составляетъ особое каждый разъ объявленіе и выставляетъ это объявленіе, втеченіе 7 дней, на видномъ мѣстѣ при дверяхъ. Всѣ знающіе о какихъ либо препятствіяхъ къ записи въ метрическую книгу обязаны заявить о нихъ. Для записи брака оба брачущіеся лично должны явиться въ управленіе, каждый съ двумя поручителями въ томъ, что бракъ не воспрещенный. Существованіе брака раскольниковъ считается доказаннымъ со дня записи въ метрической книгѣ. Впрочемъ, еслибы по обжалованію въ установленномъ порядкѣ опредѣленія полицейскаго управленія, о препятствіяхъ къ записи, опредѣленіе это было признано неправильнымъ, бракъ по просьбѣ о томъ одного или обоихъ супруговъ, считается имѣющимъ законную силу не со дня записи въ метрическую книгу, а со времени первоначальнаго о бракѣ заявленія. Передъ записью отъ обоихъ отбирается подписка въ томъ, что они принадлежатъ къ расколу отъ рожденія и не состоятъ въ бракѣ, совершенномъ по правиламъ православной церкви. Предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ. Дѣла о правахъ, истекающихъ изъ браковъ, заключенныхъ между раскольниками, а также дѣла о расторженіи этихъ браковъ и о признаніи ихъ недѣйствительными, подлежатъ суду гражданскому.

Въ Россіи не оказывается сколько нибудь подготовленной почвы къ введенію обязательнаго гражданскаго брака въ западно-европейскомъ смыслѣ, т. е. въ томъ смыслѣ, чтобы всякому русскому подданному было обязательно заключить бракъ въ гражданской формѣ передъ органомъ государственной власти, съ обязательнымъ или необязательнымъ, предшествующимъ или послѣдующимъ церковнымъ благословеніемъ. Тѣмъ менѣе возможно бы было разсуждать о введеніи въ Россіи факультативнаго гражданскаго брака. Обязательный гражданскій бракъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ въ своей основѣ безспорную юридическую идею равенства всѣхъ предъ государственнымъ закономъ; факультативный же гражданскій бракъ свидѣтельствуетъ лишь объ индифферентизмѣ государства и поддерживаетъ пренебреженіе къ религіи и къ церкви. Съ другой стороны, нельзя ограничиться и однимъ лишь исключительно церковнымъ вѣнчаніемъ. Тѣ историческія явленія, которыми вызвано было учрежденіе въ Западной Европѣ такъ называемаго «Nothcivilehe», вынужденнаго необходимостію гражданскаго брака, произошли и въ нашей исторіи. Если бы все населеніе широкаго русскаго государства исповѣдывало православную вѣру, или если бы въ Россіи, кромѣ православной церкви, существовали только организованныя христіанскія исповѣданія, какъ католичество, лютеранство, кальвинизмъ и разныя нехристіанскія организованныя же, вѣроисповѣдныя общества, какъ еврейское, магометанское, буддійское, идолопоклонническое, то не было бы ничего проще, какъ предоставить каждому вступать въ бракъ по обрядамъ своей религіи. Но въ Россіи существуютъ и разныя старообрядческія и раціоналистическія христіанскія секты. Стало быть, гражданскій бракъ долженъ былъ явиться, судя по всему вышесказанному, какъ Nothcivilehe, какъ выходъ изъ крайней необходимости, которую одинаково должны

чувствовать и государственная власть, пекущаяся объ интересахъ своихъ подданныхъ, и отдѣльное лицо, находящееся въ такомъ положеніи, гдѣ оно обращается къ государству съ призывомъ на помощь. Но вѣдь и требуется чтобы гражданскій бракъ былъ только бракомъ по нуждѣ, имѣлъ мѣсто только для такихъ диссидентовъ, которые принадлежатъ къ непризнаннымъ въ государствѣ сектамъ и которые не могутъ быть признаны: итакъ, правильно ли относить безъ разбора къ числу непризнанныхъ сектъ и такія религіозныя общества, которыя дѣйствительно не имѣютъ прочной организаціи, и у которыхъ дѣйствительно нѣтъ такихъ духовно-должностныхъ лицъ, на которыхъ бы государство могло разсчитывать, какъ на гарантію правильнаго заключенія браковъ и въ туже категорію непризнанныхъ сектъ помѣстить такія религіозныя общества, которыя имѣютъ организацію и духовенство, обладаютъ опредѣленною историческою физіономіей, выработали себѣ опредѣленный складъ религіозныхъ идей, какъ это слѣдуетъ сказать о старообрядческомъ расколѣ въ обоихъ его направленіяхъ—поповскомъ и безпоповскомъ, насколько послѣднее не исповѣдуетъ принциповъ, нетерпимыхъ въ государствѣ? Законъ *обязательно* требуетъ отъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ называетъ раскольниками, записи въ метрическія книги, или гражданской формы брака. Правда, и теперь еще въ сводѣ законовъ читается статья (33), основанная на указахъ прошлаго столѣтія, изъ которой, повидимому, вытекаетъ *возможность* для раскольниковъ, *по ихъ желанію*, вѣнчаться въ православной церкви. Но такъ какъ такихъ раскольниковъ передъ вѣнчаніемъ предписано обязывать присягой «быть въ правовѣріи твердыми и съ раскольниками согласія не имѣть», то тутъ, очевидно, дѣло идетъ не о раскольникахъ, желающихъ оставаться въ расколѣ, а о раскольникахъ, присоединяемыхъ

къ православію. Это не то, что вѣнчаніе православнымъ священникомъ лютеранъ или католиковъ. Слѣдовательно, для раскольниковъ не желающихъ оставлять раскола и желающихъ законнаго брака, гражданская формальность обязательна.

Но если мы будемъ считать обязательныи гражданскій бракъ чуждымъ русскому духу и не подходящимъ къ русскому юридическому быту учрежденіемъ, будемъ видѣть въ немъ лишь поводъ къ соблазну и отягощенію народному, то на какомъ же основаніи мы будемъ считать обязательный гражданскій бракъ соотвѣтствующимъ духу и подходящимъ къ юридическому быту русскихъ раскольниковъ, которые называютъ себя и другими называются подлинными представителями древнерусскаго человѣка? Вѣдь раскольники считаются не сотнями и тысячами, а милліонами: не значило ли бы это имѣть двойные вѣсы и двойную мѣру для взвѣшиванія и измѣренія, одинъ аршинъ для себя, другой аршинъ для другихъ? Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить одну важную и любопытную черту закона 19 апрѣля 1874 г. Для раскольниковъ открытъ путь къ вступленію въ законный бракъ Но каковъ этотъ путь? Это собственно лишь одна сторона въ томъ учрежденіи, которое на западѣ извѣстно подъ именемъ гражданской формы заключенія брака, это есть запись брака въ метрическую книгу, т. е. то, что на западѣ называется регистраціей брака, которая пропзводится чиновникомъ гражданскаго состоянія, передъ которымъ обыкновенно и бракъ заключается. Но гражданская регистрація, какъ показываютъ примѣры нѣкоторыхъ государствъ, возможна и при церковномъ бракѣ, который совершается духовнымъ лицомъ того или другаго вѣроисповѣданіи. Во всякомъ случаѣ одна регистрація, сама по себѣ, никогда и нигдѣ не составляла формы гражданскаго брака. Напротивъ, всегда и вездѣ имѣла мѣсто

извѣстная церемоніальность: объявленіе взаимнаго согласія, на вопросъ или безъ предварительнаго вопроса, провозглашеніе супругами во имя закона, а во Франціи и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ еще чтеніе статей закона, относящихся къ супружескимъ правамъ и обязанностямъ. Эта сторона гражданской формы брака абсолютно отсутствуетъ въ русскомъ законѣ для раскольниковъ. Невозможно, конечно, предполагать, чтобы, по мнѣнію законодателя и на его взглядъ, въ такомъ важномъ событіи, какъ заключеніе брака, человѣкъ могъ удовлетвориться лишь канцелярскою формальностію записи брака въ полицейскомъ участкѣ или волостномъ правленіи. Душа человѣческая такъ устроена, что человѣкъ не можетъ вступить въ бракъ, только лишь тѣмъ и обнаруживъ свои бракозаключительныя намѣренія, что росписался бы въ полицейской книгѣ. Разумѣется, это говорится о большинствѣ, или, правильнѣе, о массѣ, а не о тѣхъ интеллигентахъ, которые готовы были бы всякую церемоніальность считать излишнею. Законодатель этого не могъ думать и дѣйствительно не думалъ. Въ законѣ сказано, что предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ. Слѣдовательно, законъ предоставляетъ раскольникамъ совершать тѣ или другіе брачные обряды, только онъ не придаетъ имъ никакого оффиціальнаго, юридическаго характера, считаетъ ихъ совершенно безразличными для законности брака и какъ бы испытываетъ, дѣйствительно ли раскольники владѣютъ тою способностью, которую въ нихъ находятъ и восхваляютъ, способностью выражать духъ древне-русскаго человѣка и слѣдовательно вырабатывать и удерживать обряды и обычаи въ самомъ подлинномъ русскомъ духѣ. Обычаи, выработанные въ этомъ духѣ, могли бы

быть обязательны и безъ закона. Правда, обычай имѣетъ великую силу, и когда законъ не согласуется съ обычаемъ, идетъ противъ обычая, нерѣдко обычай одерживаетъ верхъ надъ закономъ: законъ требуетъ чего либо, но противорѣчащимъ ему обычаемъ требованіе закона парализуется. Когда же хорошій обычай только игнорируется закономъ, когда законъ и обычай не стоятъ между собою въ противорѣчіи, тогда приходится убѣждаться, что законъ сильнѣе обычая. Хороши религіозные брачные обряды у раскольниковъ; хорошо и похвально ихъ стремленіе къ религіозной формѣ заключенія браковъ. Но не хорошо и непохвально напр. то, что раскольническое вѣнчаніе, какъ не имѣющее законной санкціи, считается чѣмъ-то шуточнымъ. Нехорошо то, что недостатокъ уваженія къ этому религіозному обряду, не имѣющему законной санкціи, доходитъ до того, что мужчины въ расколѣ говорятъ, что вѣнчаніе дѣлается и принимается ими только «ради бабъ», для ихъ успокоенія. Нехорошо то, что эксперименты такого шуточнаго вѣнчанія повторяются нѣсколько разъ, что недобросовѣстные люди вступаютъ въ бракъ разъ по семи, мѣняя одну жену на другую. Очень дурно, наконецъ, то, что обнаружилось для коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, на основаніи собранныхъ ею данныхъ, а именно, что въ крестьянствѣ жены убѣгаютъ отъ мужей и мужья отказываются содержать женъ на томъ основаніи, что они вѣнчаны по раскольническому обряду на рогожскомъ кладбищѣ, стало быть бракъ ихъ не есть нѣчто серьезное. Да не лучше пожалуй и то, что когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ супружеской жизни, одинъ изъ супруговъ-раскольниковъ, можетъ быть для того только, чтобы отдѣлаться отъ другаго, обращается въ православіе, духовное начальство расторгаетъ этотъ бракъ, т. е. не расторгаетъ собственно, а объявляетъ этого супруга свобо-

нымъ отъ брака, такъ какъ предшествовавшее супружеское сожитіе не считается бракомъ, а чѣмъ-то не только шуточнымъ, а и преступнымъ. Законъ для русскаго человѣка—великое слово,—все равно, православный или раскольникъ этотъ русскій человѣкъ. Такъ не лучше ли было бы воспользоваться этимъ обаяніемъ закона, чтобы укрѣпить его санкціей добрые народные обычаи?

Дернбургъ въ своей брошюрѣ: «Фантазія въ правѣ» (Die Phantasie im Rechte) высказываетъ нѣсколько цѣнныхъ мыслей о заключеніи брака. Трудно согласиться съ нимъ, когда онъ оказываетъ предпочтеніе факультативному гражданскому браку предъ обязательнымъ; но это не мѣшаетъ оставаться вѣрными его разсужденіямъ объ обязательномъ гражданскомъ бракѣ. Заключеніе брака есть священный моментъ,—говоритъ Дернбургъ;—святость этого момента отвѣчаетъ не только душевной потребности жениха и невѣсты, но и интересу человѣческаго общества и государства. Въ этотъ моментъ сердце и фантазія обрученныхъ, для которыхъ рѣшается вопросъ о счастьѣ цѣлой жизни, возбуждаются надеждой на лучъ свѣта, который падалъ бы на ихъ жизненный путь и освѣщалъ его среди мрака и напастей. На обществѣ лежитъ, можно сказать, обязанность дать понять въ этотъ моментъ молодой четѣ, что она не одна проводитъ жизнь, а какъ членъ великаго цѣлаго, въ которое она вчленяется. Это важно для всѣхъ, высокаго и низкаго происхожденія людей, въ особенности же для бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ. Глубочайшее вліяніе на сердце можетъ оказать церковь, связывающая земное съ сверхземнымъ. Вотъ почему втеченіе вѣковъ церковное заключеніе браковъ считалось необходимымъ и въ интересѣ государства

и ставилось условіемъ государственной дѣйствительности брака. Но съ теченіемъ времени соображенія государственной пользы привели государство къ установленію иныхъ условій для заключенія брака, чѣмъ какія установлены церковью, и самостоятельность государства, нежелавшаго оставаться въ ленномъ отношеніи къ церкви, потребовала, чтобы и заключеніе браковъ не оставалось въ безусловной зависимости отъ церкви. Но развѣ нужно было для этого замѣнять принудительно-церковное заключеніе брака принудительно-гражданскимъ? Наше принципіальное законодательство, — продолжаетъ Дернбургъ, — обращаетъ мало вниманія на то, что для простого люда, живущаго въ деревняхъ, пробираться по дурнымъ дорогамъ къ чиновнику гражданскаго состоянія не очень-то удобно. А развѣ заключеніе брака предъ чиновникомъ надежнѣе, чѣмъ предъ парохомъ? Какъ разъ напротивъ. Кто парохъ, всякому извѣстно, а кто компетентный чиновникъ, далеко не для всякаго ясно. Во французской практикѣ нерѣдки случаи объявленія ничтожными браковъ, заключенныхъ предъ чиновникомъ, не получившимъ еще утвержденія со стороны высшаго начальства, или функціонировавшимъ въ чужомъ округѣ. Да наконецъ, уже если принудительный гражданскій бракъ есть нѣчто неизбѣжное, такъ онъ по крайней мѣрѣ долженъ быть торжественнымъ, какъ французскій, а не бюрократическимъ, какъ нѣмецкій. Если французскій мэръ, украшенный трехцвѣтнымъ шарфомъ, при бракосочетаніи гражданина съ гражданкою, говоритъ имъ объ отечествѣ и о братствѣ, то это можетъ подѣйствовать на сердце обрученныхъ. Но печаленъ принудительный гражданскій бракъ въ томъ видѣ, какой онъ получилъ въ германской имперіи. Совершаемый въ холодномъ присутственномъ помѣщеніи, какъ актъ дѣлопроизводства, актъ заключенія брака по истинѣ столь же безотраденъ, какъ

вводъ во владѣніе поземельнымъ участкомъ. Тутъ нѣтъ ничего, что напоминало-бы о значеніи брачнаго союза для жизни. По *намѣренію* германскаго законодательства, это дѣлается конечно не изъ неуваженія къ браку. Свѣтскій актъ скорѣе съ тою цѣлью получилъ сколько возможно скудную прозаическую форму, чтобы брачущіеся не находили въ немъ удовлетворенія и позднѣе обращались къ церковному благословенію. Но разъ бракъ заключенъ предъ государственнымъ должностнымъ лицомъ,—для протестантовъ этотъ бракъ есть уже истинный и полный. Масса населенія не имѣетъ ни времени, ни охоты обращаться еще потомъ къ духовному лицу для совершенія дѣйствія, юридически не необходимаго. И вотъ, чиновничье бюрократическое заключеніе браковъ по крайней мѣрѣ въ городахъ для очень значительной части населенія, въ особенности протестантскаго, сдѣлалось единственнымъ. Ни одного сѣмечка не бросается, которое-бы могло принести плодъ въ супружествѣ: ни супругамъ, ни гражданскому обществу это не можетъ послужить къ благополучію.

Всѣ эти разсужденія Дернбурга очень хороши. за исключеніемъ того вывода, къ оправданію котораго они клонятся, именно, что факультативный гражданскій бракъ лучше обязательнаго. Нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что, при возможности выбора между церковнымъ и гражданскимъ бракомъ, «значительная часть населенія», особенно въ городахъ, не будетъ обращаться къ гражданскому чиновнику, вмѣсто священнослужителя, и тѣмъ самимъ уже прямо свидѣтельствовать о явномъ пренебреженіи къ религіи и церкви, а гражданскій актъ, хотя бы и факультативный, останется столь же «бюрократическимъ», какъ и обязательный, комната присутствен-

наго мѣста останется столь же «холодною» и непригодною для разбрасыванія благодатныхъ сѣмянъ на ниву супружескои жизни. Прямой выводъ, который вытекаетъ изъ вышеприведенныхъ разсужденій, могъ бы состоять въ томъ одномъ, что гражданскій бракъ можетъ быть допущенъ государствомъ, какъ средство крайней необходимости только тогда, когда религіозный невозможенъ. Но главное не это, и не въ видахъ аргументаціи противъ обязательнаго или факультативнаго гражданскаго брака приведены были сейчасъ разсужденія Дернбурга. Станемъ на точку зрѣнія почтеннаго германскаго романиста, возмущающагося нѣмецкимъ бюрократическимъ заключеніемъ брака, и спросимъ себя: какимъ же скуднымъ и убогимъ долженъ представляться съ этой точки зрѣнія бракъ нашихъ раскольниковъ, вступающій въ законную силу даже безъ выраженія взаимнаго согласія на бракъ и безъ провозглашенія брачущихся супругами во имя закона, вслѣдствіе одной лишь записи въ метрическія книги? Если германскій законодатель, по словамъ Дернбурга, намѣренно придалъ акту гражданскаго бракосочетанія сухо-прозаическую форму, чтобы создать тѣмъ болѣе сильный мотивъ для неудовлетворенныхъ этою формою супруговъ искать религіознаго освященія,—то еще въ большей степени нужно бы было предполагать подобное намѣреніе въ русскомъ законодателѣ, который, устанавливая извѣстную формальность для легализированія брака, желаетъ, чтобы эта формальность не походила на заключеніе брака. Не такъ давно въ нашей судебной практикѣ и въ литературѣ возникъ даже вопросъ о томъ, введенъ ли закономъ 1874 г. гражданскій бракъ, или наше законодательство до сихъ поръ не знало и не знаетъ этого западноевропейскаго учрежденія. Оберъ-прокуроръ правительствующаго сената А. Ѳ. Кони въ своемъ заключеніи по дѣлу

Парфенова, судившагося за двоеженство, сдѣлалъ историческую справку относительно закона 1874 г. и пришелъ къ тому выводу, что названный законъ не имѣлъ въ виду вводить гражданскій бракъ. Опредѣленіями и указами подлежащихъ властей и учрежденій, состоявшимися въ 1808, 1826—1834, 1840 и 1852 годахъ,—говоритъ г. Кони.—браки раскольниковъ между собою были изъяты изъ разбирательствъ духовныхъ и гражданскихъ начальствъ, причемъ такіе браки, вѣнчанные внѣ церкви, въ домахъ и часовняхъ, не признавались за законные, а за сопряженія любодѣйныя, почему къ дѣтямъ отъ нихъ не прилагались гражданскіе законы о наслѣдствѣ, и самыя дѣти считались законными лишь послѣ своего присоединенія къ православію или единовѣрію при жизни родителей вмѣстѣ съ однимъ изъ нихъ, или послѣ смерти одного изъ нихъ. Такое непризнаніе супружескихъ союзовъ между раскольниками, выводя ихъ семейный бытъ изъ подъ дѣйствія общихъ законовъ, открывало, какъ то было признано временнымъ комитетомъ, Высочайше учрежденнымъ въ 1864 г., подъ предсѣдательствомъ графа Панина, обширное поле своеволію и ничѣмъ не сдержанному разгулу страстей, губительно дѣйствующему на нравы. Поэтому возникло предположеніе привести раскольниковъ къ болѣе нормальнымъ и болѣе согласнымъ съ началами государственнаго благоустройства условіямъ семейной жизни путемъ заведенія особыхъ книгъ, въ которыя записывались бы случаи рожденія и смерти раскольниковъ и супружества между ними, съ тѣмъ, чтобы супружескіе союзы, записанные опредѣленнымъ порядкомъ въ эти книги, считались не подлежащими оспариванію. Послѣдствіемъ всесторонняго обсужденія этихъ предположеній въ государственномъ совѣтѣ явился законъ 19 апрѣля 1874 г., въ силу котораго браки раскольниковъ, записанные въ метриче-

ская книги, пріобрѣтаютъ въ гражданскомъ отношеніи силу и послѣдствія законнаго брака. Гражданскій ли это бракъ? Г. Кони отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Прежде всего бракъ раскольниковъ совершается вовсе не записью въ метрическія книги. Онъ ею лишь узаконяется, записью предполагается существующій уже бракъ. При обсужденіи проекта закона 19 апрѣля 1874 г., было высказано, что установленіе брака исключительно гражданскаго не соотвѣтствовало бы духу нашего законодательства, которое всегда признавало брачный союзъ союзомъ по преимуществу духовнымъ, распространяя силу этого основного правила на всѣхъ вообще подданныхъ имперіи. Поэтому, если обрядамъ раскольниковъ и не можетъ быть присвоено одинаковое значеніе съ обрядами не только православной церкви, но и другихъ, признанныхъ въ государствѣ вѣроисповѣданій, а потому необходимо требовать для узаконенія раскольничьихъ браковъ соблюденія особой формальности, имѣющей видъ гражданскаго акта, то, по весьма важнымъ нравственнымъ уваженіямъ, нельзя считать желательнымъ, чтобы раскольники ограничивались, при вступленіи въ бракъ, исполненіемъ лишь означенной формальности безъ какого либо духовнаго обряда и низводили такимъ образомъ брачный союзъ свой до значенія простого контракта, требующаго лишь явки въ полицейское управленіе. Вслѣдствіе этихъ соображеній, государственный совѣтъ полагалъ, устраняя вполнѣ вмѣшательство власти въ богослуженіе и обряды раскольниковъ, выразить въ новомъ законѣ ту общую мысль, что гражданскій актъ усвоиваетъ юридическую силу лишь такому союзу мужа съ женой, которому они положили нравственную основу молитвою и испрошеніемъ у Бога благословенія по правиламъ своего вѣрованія. Вотъ какое значеніе и смыслъ имѣетъ выраженіе закона: браки раскольниковъ пріобрѣтаютъ силу и

послѣдствія законнаго брака черезъ записаніе въ установленныя для сего метрическія книги. Итакъ, по мысли А. Ѳ. Кони, принятой и правительствующимъ сенатомъ, запись брака раскольниковъ не есть актъ бракозаключительный или бракосовершительный, а есть не болѣе того, чѣмъ она должна быть, т. е. регистрація, внесеніе въ книги совершившагося уже ранѣе событія бракосочетанія, и совершившагося именно въ религіозной формѣ,—регистрація, имѣющая цѣлью создать доказательство существованія брака.

Съ этою мыслію согласиться нельзя, какъ ни симпатична она и какъ ни блестяще развита въ прекрасной рѣчи А. Ѳ. Кони. Нѣсколько справедливыхъ возраженій противъ нея было высказано г. Розенблюмомъ (Журн. Юрид. Общ. 1895, мартъ). Запись брака въ метрическихъ книгахъ для другихъ христіанъ и для нехристіанъ дѣйствительно имѣетъ значеніе только доказательства совершившагося бракосочетанія, и притомъ доказательства не единственнаго, такъ какъ существованіе брака можетъ быть доказываемо и помимо метрическихъ книгъ. Государственный совѣтъ, если и имѣлъ въ виду выразить въ редакціи закона ту общую мысль, что гражданскій актъ усвоиваетъ юридическую силу *лишь* такому союзу мужа съ женою. которому они положили нравственную основу молитвою и испрошеніемъ у Бога благословенія, то съ другой стороны нашелъ «неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ прямо предписывать раскольникамъ совершеніе принятыхъ у нихъ брачныхъ обрядовъ», и въ редакціи закона эта мысль не получила выраженія.

Въ законѣ говорится, что «предшествовавшее записи брака исполненіе соблюдаемыхъ между раскольниками брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полицейскихъ чиновъ не подлежитъ». Здѣсь выражено только *предположеніе*,—справедливо говоритъ г. Розенблюмъ,—что записи браковъ въ метрическую книгу предше-

ствуетъ соблюденіе религіознаго обряда, но соблюденіе его необязательно; власти не только не вмѣшиваются въ самые обряды, но и не въ правѣ требовать удостовѣренія объ исполненіи какихъ бы то ни было обрядовъ; въ законѣ нѣтъ постановленія, чтобы записи въ книги подлежали *лишь* такіе браки, которымъ предшествовало совершеніе извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. Полиція обязана исполнить требованіе о записи брака даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ей было бы достовѣрно извѣстно, что никакихъ религіозныхъ брачныхъ обрядовъ совершено не было, и такой бракъ долженъ считаться вполнѣ законнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибы раскольничій бракъ былъ бракомъ религіознымъ, а не гражданскимъ, то законъ не могъ бы довольствоваться *предположеніемъ* предварительнаго совершенія обряда религіознаго, а долженъ бы былъ требовать *дѣйствительнаго совершенія* этого обряда передъ записью въ метрическую книгу и вмѣнить полицейскимъ и волостнымъ учрежденіямъ въ обязанность не прежде дѣлать запись, какъ *удостовѣрившись* въ религіозномъ благословеніи брака. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ введена гражданская регистрація церковнаго или вообще религіознаго брака, никто не сомнѣвается въ томъ, что регистраціи можетъ подлежать только дѣйствительно совершившееся и удостовѣренное событіе религіознаго бракосочетанія,—удостовѣренное свидѣтельствомъ или сообщеніемъ въ регистратуру отъ духовнаго лица, совершившаго бракосочетаніе или даже самоличнымъ присутствіемъ государственнаго должностнаго лица при совершеніи бракосочетанія. У насъ же предшествующее записи совершеніе религіозныхъ брачныхъ обрядовъ вѣдѣнію полиціи не подлежитъ, т. е., точнѣе говоря, и вообще—ничьему вѣдѣнію не подлежитъ, и никто въ совершеніи ихъ не удостовѣряется; освященіе брака религіоз-

нымъ благословеніемъ только предполагается. Но это предположеніе съ точки зрѣнія гражданскаго права не имѣетъ никакого юридическаго значенія и столь же мало сообщаетъ раскольническому браку религіозный характеръ, какъ предположеніе германскаго законодателя,—что бюрократическая сухость гражданскаго акта невольно заставитъ желать религіознаго освященія,—не превращаетъ гражданскаго брака въ церковный. Затрудненіе, представлявшееся государственному совѣту, не желавшему установить несвойственный нашему законодательству гражданскій бракъ, осталось вовсе неустраненнымъ, замѣчаетъ г. Розенблюмъ: соблюдено, такъ сказать, приличіе въ редакціи закона, который *прямо* не устанавливаетъ гражданскаго брака, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и не требуетъ, по крайней мѣрѣ *прямо*, совершенія религіознаго обряда, предоставляя усмотрѣнію и совѣсти вступающихъ въ бракъ соблюденіе обряда, слѣдовательно *допускаетъ* гражданскій бракъ. Замѣчаніе это страдаетъ неточностію. Законъ *прямо* устанавливаетъ гражданскій бракъ; онъ ни *прямо*, *ни косвенно не требуетъ* религіознаго освященія брака; онъ не только допускаетъ гражданскій бракъ, а вводитъ его, какъ *обязательный* для всѣхъ раскольниковъ. Выше было замѣчено, что установленная закономъ 1874 г. формальность для *пріобрѣтенія* браками раскольниковъ *силы и послѣдствій законнаго брака* соотвѣтствуетъ западно-европейской регистраціи, которая, сама по себѣ, нигдѣ и никогда не было бракозаключительнымъ актомъ, а всегда предполагала и предполагаетъ таковой, какъ раньше совершившійся, въ гражданской ли формѣ, или въ религіозной, такъ что сила и послѣдствія законнаго брака связываются не съ регистраціей, которая служитъ лишь удостовѣреніемъ совершившагося событія бракосочетанія, а съ самымъ бракосочетаніемъ, гражданскимъ или

религіознымъ. Поэтому оглашенія или публикація, имѣющія цѣлью констатировать отсутствіе препятствій къ браку, дѣлаются передъ бракосочетаніемъ, а не передъ регистраціей, и такъ какъ бракъ заключается не регистраціей, а бракосочетательнымъ актомъ гражданскимъ или религіознымъ, то для регистраціи, какъ скоро она не непосредственно слѣдуетъ за бракосочетаніемъ и не тѣмъ лицомъ дѣлается, которое совершаетъ или при которомъ совершается бракосочетательный актъ, личное присутствіе супруговъ несущественно. Напротивъ, нашъ законодатель, вводя процедуру, съ внѣшней стороны сходную съ западно-европейскою регистраціей, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть даже противъ своего желанія, придаетъ ей значеніе бракосочетательнаго или бракозаключительнаго акта. Объявленіе, имѣющее цѣлью побудить всѣхъ, знающихъ о какихъ либо препятствіяхъ къ законному браку между данными лицами, доставить свѣдѣнія о томъ полицейскому или волостному начальству, предшествуетъ не религіозному благословенію брака, а записи его въ метрическую книгу. Обрядъ, самъ по себѣ, не имѣетъ никакого юридическаго значенія уже по той одной причинѣ, что можетъ быть совершенъ надъ лицами, между которыми законный бракъ невозможенъ. Въ глазахъ закона имѣетъ значеніе единственно только запись, которой должно предшествовать все то, что обыкновенно предшествуетъ бракосочетанію, для которой супруги должны лично явиться въ полицейское учрежденіе, благодаря которой бракъ раскольниковъ получаетъ силу и послѣдствія законнаго брака, и которой тѣмъ самимъ придается значеніе акта, основывающаго законный бракъ, т. е. значеніе бракозаключительнаго или бракосочетательнаго акта. Отъ этого начала законъ отступаетъ только въ томъ случаѣ, когда кѣмъ либо будутъ сдѣланы неправильныя заявленія о суще-

ствованіи несуществующихъ на самомъ дѣлѣ препятствій къ записи брака въ метрическую книгу, и вслѣдствіе такихъ неправильныхъ заявленій состоится неправильное опредѣленіе полицейскаго учрежденія, которое будетъ обжаловано надлежащимъ порядкомъ и признано неправильнымъ: въ такомъ случаѣ бракъ считается имѣющимъ законную силу не со дня дѣйствительнаго внесенія онаго въ метрическую книгу (замедлившагося по причинѣ указанныхъ обстоятельствъ, а не по винѣ супруговъ), а со времени первоначальнаго о немъ заявленія. Это значитъ, что законная сила брака, основываемаго записью въ метрической книгѣ, въ данномъ случаѣ имѣетъ обратное дѣйствіе къ моменту первоначальнаго о немъ заявленія, но ни въ какомъ случаѣ не къ моменту совершенія религіознаго обряда.

Всего прискорбнѣе то, что сами же раскольники, стоя на почвѣ закона, отрицаютъ всякое значеніе за бракосочетаніемъ по раскольничьимъ обрядамъ, какъ скоро оно не записано въ полицейскихъ метрическихъ актахъ. Не такъ давно въ московской судебной палатѣ разсматривалось дѣло Колпашниковой, отыскивавшей вдовью часть. При производствѣ дѣла было удостовѣрено и отвѣтчиками (наслѣдниками умершаго) не отрицалось событіе совершенія брака истицы съ умершимъ по обрядамъ рогожскаго согласія. Отвѣтчики, *хотя и сами раскольники*, въ своихъ возраженіяхъ противъ иска доказывали, что фактъ брачнаго сожитія ихъ отца съ истицей (мачихой отвѣтчиковъ), какъ не записанный въ полицейскихъ метрическихъ книгахъ, долженъ быть разсматриваемъ какъ простое внѣбрачное сожитіе *и считаться даже ниже брака у нехристіанъ*. Отвѣтчики разсуждали «законно», и судебная палата поступила «законно», отмѣнивъ рѣшеніе окружнаго суда, который призналъ исковое требованіе Колпашниковой подлежащимъ удовлетворенію. Но

отъ этой законности холодно становится... Нѣтъ, для того, чтобы бракъ раскольниковъ былъ бракомъ религіознымъ, а не гражданскимъ, нужно, чтобы религіозный обрядъ былъ поддержанъ закономъ, нужно, чтобы въ полицейскія метрическія книги вносилось только дѣйствительно совершившееся (а не предполагаемое) и удостовѣренное событіе религіознаго бракосочетанія, чтобы процедура, имѣющая цѣлью констатировать отсутствіе препятствій къ законному браку, предшествовала религіозному брачному обряду, нужно наконецъ, чтобы сила и послѣдствія законнаго брака связывались не съ записью въ метрическія книги, а съ самимъ моментомъ совершенія религіознаго бракосочетанія, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовали бы обратно къ этому моменту. Пока ничего этого нѣтъ, мы можемъ называть бракъ раскольниковъ только гражданскимъ, а не религіознымъ, какъ бы ни были непривычны русскому правосознанію идея и самое названіе гражданскаго брака.

Къ сказанному не излишне присовокупить еще нѣкоторыя другія соображенія. Изъ того, что дѣла о расторженіи браковъ раскольниковъ и о признаніи этихъ браковъ недѣйствительными подлежатъ суду гражданскому (зак. 19 апр. 1874 г. ст. 31; уст. гражд. судопр. издан. 1892 г. ст. 1356[1]), конечно, еще не слѣдуетъ, что бракъ раскольниковъ, по этой самой причинѣ, т. е. по причинѣ гражданской подсудности его, долженъ разсматриваться, какъ бракъ гражданскій. Подсудность брачныхъ дѣлъ гражданскому суду возможна и при церковномъ, вообще при религіозномъ бракѣ, какъ это можно было видѣть изъ вышеприведенныхъ примѣровъ разныхъ иностранныхъ законодательствъ, и какъ еще лучше доказывается это примѣромъ греческаго королевства, гдѣ прошеніе о разводѣ подается архіерею, который, втеченіе трехъ мѣсяцевъ,

увѣщеваетъ супруговъ къ примиренію, а по истеченіи трехъ мѣсяцевъ, въ случаѣ безуспѣшности увѣщаній, препровождаетъ прошеніе о разводѣ къ прокурору гражданскаго суда, послѣ чего начинается бракоразводный процессъ; состоявшееся затѣмъ рѣшеніе гражданскаго суда сообщается архіерею для свѣдѣнія. Нормы матеріальнаго права, на основаніи которыхъ дѣйствуетъ судъ при рѣшеніи брачныхъ дѣлъ, могутъ быть церковныя, за которыми въ тоже время и государство съ своей стороны признаетъ обязательную юридическую силу въ гражданскомъ отношеніи, хотя, въ отношеніи къ брачнымъ дѣламъ раскольниковъ, уже одинъ фактъ ихъ гражданской подсудности, при проводимой вообще нашимъ законодательствомъ системѣ отведенія этихъ дѣлъ въ область духовныхъ судовъ разныхъ вѣроисповѣданій, въ извѣстной степени служитъ аргументомъ въ пользу взгляда на бракъ раскольниковъ, какъ на бракъ гражданскій. Но и самыя матеріальныя нормы, которыми руководствуется русскій гражданскій судъ, рѣшая дѣла о недѣйствительности и о расторженіи браковъ раскольниковъ,—въ самомъ ли дѣлѣ суть нормы церковныя, а не гражданскія? Возьмемъ прежде всего препятствія къ браку, т. е. тѣ обстоятельства, при наличности которыхъ бракъ не допускается, или фактически заключенный признается недѣйствительнымъ. Для православныхъ препятствія суть вмѣстѣ и церковныя, и гражданскія, такъ какъ запретительныя статьи устава духовныхъ консисторій поддерживаются закономъ гражданскимъ, и наоборотъ запретительныя статьи свода законовъ повторяются въ уставѣ духовныхъ консисторій. Для раскольниковъ, напротивъ, всѣ возможныя препятствія къ браку суть препятствія гражданскаго, а не церковнаго права, потому что къ православной церкви раскольники не принадлежатъ и сами они не только церкви не составляютъ, но и

особой религіи, въ смыслѣ признаннаго государствомъ вѣроисповѣданія, не имѣютъ. Поэтому такія обстоятельства, какъ незрѣлый (ранѣе 18 и 16 лѣтъ) или слишкомъ престарѣлый возрастъ (свыше 80 лѣтъ), безуміе или сумасшествіе, принужденіе, связанность законно-существующимъ бракомъ, послѣдовательное нахожденіе въ трехъ бракахъ, исключающее возможность четвертаго, несогласіе родителей и отсутствіе разрѣшенія начальства,—суть препятствія гражданскаго права, все равно какъ напр. для лицъ римско-католическаго вѣроисповѣданія норма возраста брачнаго совершеннолѣтія въ 18 и 16 лѣтъ есть норма гражданская, такъ какъ каноническая норма католической церкви есть 14 и 12 лѣтъ. Съ этой же точки зрѣнія нужно смотрѣть и на родство съ свойствомъ. Въ отношеніи къ родству и свойству, какъ препятствію для брака, русскій сводъ законовъ гражданскихъ стоитъ вообще на чисто-церковной почвѣ, даже и не пытаясь исчислить не допускающія брака степени родства и свойства, а довольствуясь ссылкой, на церковныя правила разныхъ вѣроисповѣданій: «во всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданіяхъ запрещается совершать браки въ степеняхъ родства, возбраненныхъ правилами той церкви, къ которой принадлежатъ сочетающіяся лица» (ст. 64, т. X, ч. 1). Въ отношеніи къ раскольникамъ такими правилами могли бы быть правила и законы, содержащіеся въ кормчей книгѣ, противъ которой они ничего не могутъ имѣть, такъ какъ кормчая книга даже и печатнымъ изданіемъ явилась раньше, чѣмъ расколъ отдѣлился отъ церкви. Но, въ виду, вѣроятно, трудности для гражданскаго суда разбираться въ воспрещенныхъ и невоспрещенныхъ комбинаціяхъ родства и свойства при непосредственномъ руководствѣ кормчею книгою, установлено, что въ случаѣ возникновенія, при производствѣ въ гражданскомъ судѣ дѣла о недѣйствительности

раскольничьяго брака, сомнѣнія относительно степеней родства или свойства, можетъ быть потребовано заключеніе мѣстнаго духовнаго начальства (зак. 19 апр. 1874 г., ст. 36; уст. гражд. судопр. изд. 1892 г. ст. 1356[6]). Подъ мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ, конечно, можетъ быть понимаемо только православное духовное начальство, потому что никакое раскольническое духовное начальство государствомъ не признается. Православное духовное начальство даетъ свое заключеніе, какъ экспертъ, наилучшимъ образомъ освѣдомленный относительно закрытыхъ для брака комбинацій родства или свойства, и даетъ, вѣроятно, не на основаніи кормчей книги, а на основаніи позднѣйшихъ указовъ Св. Синода, которыми значительно были сокращены запрещенія кормчей книги, но которые считать *церковно-обязательными* для раскольниковъ нѣтъ достаточнаго основанія. Расколъ, хотя онъ и не имѣетъ государственнаго признанія, все таки и государствомъ не можетъ разсматриваться иначе, какъ нѣчто юридически отдѣленное отъ православной церкви. Поэтому, всякія опредѣленія и заключенія православнаго духовнаго начальства, которыми могутъ руководствоваться гражданскіе суды въ дѣлахъ о бракахъ раскольниковъ, съ точки зрѣнія раскольниковъ самихъ имѣютъ значеніе гражданскихъ, а не церковныхъ нормъ. Ни въ какихъ заключеніяхъ духовнаго начальства не было бы надобности, если бы самъ законъ опредѣлилъ въ руководство судамъ, какія комбинаціи родства и свойства должны считаться воспрещенными для браковъ раскольниковъ, и это было бы вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія, на которой стоитъ законъ 1874 г. Но съ наибольшею ясностью выступаетъ исключительно гражданскій характеръ постановленій русскаго законодательства о бракахъ раскольниковъ въ непризнаніи духовнаго сана и монашества за пре-

пятствія къ браку. Въ отношеніи къ лицамъ православнаго исповѣданія, русскій гражданскій законъ поддерживаетъ церковныя правила о недопустимости брака для тѣхъ, кто состоитъ въ духовномъ санѣ или въ монашествѣ. Для раскольниковъ такихъ препятствій не существуетъ. Въ бѣглопоповствѣ, правда, православный священникъ, перебѣжавшій къ раскольникамъ и превратившійся въ раскольничьяго попа, не можетъ вступить въ бракъ; но это потому, что духовный санъ полученъ имъ въ православной церкви, къ которой онъ не переставъ юридически принадлежать, несмотря на свое бѣгство къ раскольникамъ (исключая тотъ случай, когда состоялось бы лишеніе сана по суду съ причисленіемъ изверженнаго къ мірянамъ тогда онъ могъ бы вступить въ бракъ, какъ мірянинъ). Напротивъ для тѣхъ раскольничьихъ поповъ и даже для архіереевъ, которые имѣютъ такъ называемое австрійское рукоположеніе, нѣтъ никакого юридическаго препятствія вступить въ бракъ и записать свое бракосочетаніе въ установленныя гражданскимъ законодательствомъ метрическія книги.

Точно также и основанія къ расторженію браковъ раскольниковъ (нарушеніе супружеской вѣрности, неспособность къ брачному сожитію, безвѣстное отсутствіе, присужденіе къ лишенію правъ состоянія или къ ссылкѣ на житье) должны быть разсматриваемы исключительно какъ гражданскія нормы. Отсюда между прочимъ долженъ былъ бы вытекать не лишенный юридическаго интереса выводъ о нераспространеніи на раскольниковъ статьи 256-й уст. духовн. конс., въ силу которой, при расторженіи брака по причинѣ нарушенія супружеской вѣрности, виновный въ прелюбодѣяніи и въ послѣдовавшемъ за нимъ разводѣ осуждается на всегдашнее безбрачіе. Извѣстно, что и по отношенію къ православнымъ бра-

камъ статья эта даетъ мѣсто сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ, въ виду того, что она не поддерживается сводомъ законовъ гражданскихъ. Правило объ осужденіи виновнаго въ прелюбодѣяніи и разведеннаго по этой причинѣ супруга на всегдашнее безбрачіе было выражено въ уставѣ духовныхъ консисторій 27 марта 1841 г и было затѣмъ поддержано сводомъ законовъ гражданскихъ изданія 1842 года. Статья 52, п. 4 тома X-го, по изд. 1842 года, гласила: «*законными браками*» не признаются брачныя сопряженія лицъ, которымъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, по расторженіи брака, воспрещается вступать въ новый» (въ изданіи свода законовъ 1832 г. этой статьи не было—явный знакъ, что въ изданіе 1842 г. она внесена была подъ вліяніемъ устава духовныхъ консисторій, годомъ раньше изданнаго) Между тѣмъ, въ изданіи 1857 г. эта статья не была воспроизведена, а вмѣсто нея находимъ общую статью: «законными и дѣйствительными не признаются брачныя сопряженія лицъ, которымъ, по расторженіи брака, возбранено вступать въ новый» (37 ст. п. 4), и затѣмъ изъ ниже слѣдующихъ статей получаемъ выводъ, что подъ «лицами, которымъ, по расторженіи брака, воспрещено вступать въ новый», нужно понимать двѣ категоріи лицъ: виновныхъ въ двоебрачіи и виновныхъ въ безвѣстномъ отсутствіи. Слѣдовательно о лицахъ, бракъ которыхъ расторгнутъ по нарушенію супружеской вѣрности прелюбодѣяніемъ, сводъ законовъ изд. 1857 г. умалчиваетъ. Допустимъ, что въ отношеніи къ православнымъ бракамъ указанное несовпаденіе гражданскихъ законовъ съ церковными не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ дѣла о признаніи дѣйствительными или недѣйствительными православныхъ браковъ и вообще всѣхъ браковъ, повѣнчанныхъ православными священниками, подле-

жать православному духовному суду, который, слѣдовательно, руководясь уставомъ духовныхъ консисторій, всегда имѣетъ возможность признать недѣйствительнымъ брачное сопряженіе такого лица, предшествовавшій бракъ котораго былъ расторгнутъ по нарушенію имъ супружеской вѣрности. — не задаваясь вопросомъ о томъ, поддерживается ли данная статья устава духовныхъ консисторій сводомъ законовъ гражданскихъ, или не поддерживается. Но напротивъ, чрезвычайно важное практическое значеніе должно имѣть указанное несовпаденіе между законами гражданскими и церковными по отношенію къ раскольникамъ. Дѣла о недѣйствительности и о расторженіи ихъ браковъ подлежатъ суду гражданскому, который, при рѣшеніи такихъ дѣлъ, долженъ руководиться гражданскими законами, и не только не долженъ, а и не можетъ руководиться уставомъ духовныхъ консисторій, дѣйствіе котораго на раскольниковъ не распространяется.

Впрочемъ, мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи никакихъ статистическихъ данныхъ на основаніи которыхъ можно бы было придти не только къ опредѣленному, а хотя бы къ приблизительно вѣрному заключенію о количествѣ брачныхъ дѣлъ раскольниковъ, восходящихъ на разрѣшеніе гражданскаго суда, и въ особенности дѣлъ бракоразводныхъ. Въ литературѣ было замѣчено, и повидимому на основаніи фактовъ дѣйствительной жизни, что раскольники весьма часто воздерживаются отъ записи своихъ браковъ, заключенныхъ даже съ религіознымъ обрядомъ, въ установленныя государствомъ метрическія книги, съ тѣмъ, чтобы не стѣснять себя хожденіемъ по судамъ и законными основаніями къ разводу, на случай, если жена надоѣстъ. Вѣдь гораздо легче разойтись съ сожительницей, когда вздумается, и вступить въ новую связь, хотя бы и съ новымъ совершеніемъ религіознаго обряда, чѣмъ

обращаться въ судъ съ искомъ о разводѣ и мотивировать бракоразводное прошеніе законными основаніями. Если это такъ, то, разумѣется, не трудно видѣть, какую опасность создаетъ для себя государство, лишая раскольническое религіозное благословеніе брака всякой юридической силы и давая поводъ самимъ раскольникамъ легкомысленно относиться къ своему религіозному обряду, такъ сказать, поощряя это легкомысленное отношеніе. Въ результатѣ получается только расшатываніе нравственныхъ основъ семейной, а вмѣстѣ и общественной жизни раскольниковъ; получается, вмѣсто крѣпкой, съ твердыми нравственными устоями, среды, — нравственно шаткая среда, не обѣщающая ничего хорошаго государству. Этотъ прискорбный и прямо нежелательный результатъ всего лучше могъ бы быть предупрежденъ приданіемъ юридической бракозаключительной силы религіозному брачному обряду съ обязательно предшествующими ему оглашеніями (хотя бы они производились такъ же, какъ и теперь, т. е. въ полицейскихъ учрежденіяхъ), и съ послѣдующею затѣмъ регистраціей или записью въ полицейскія и волостныя метрическія книги.

Нужно замѣтить еще, что законъ 19 апр. 1874 г. ничего не говоритъ о томъ, допустимы ли какія либо диспензаціи въ примѣненіи къ бракамъ раскольниковъ. Диспензаціонный принципъ вообще у насъ мало развитъ и въ православномъ брачномъ правѣ, сравнительно съ западно-европейскимъ, каноническимъ и гражданскимъ, правомъ; но все таки онъ не безызвѣстенъ православному брачному праву. Напр. архіерей можетъ разрѣшить вступленіе въ бракъ полугодомъ раньше достиженія возраста брачнаго совершеннолѣтія, можетъ сократить число и срокъ предбрачныхъ оглашеній, можетъ дозволить вступленіе въ бракъ въ такихъ степеняхъ

родства и свойства, которыя, по общему правилу, считаются закрытыми для браковъ. Ничего подобнаго въ примѣненіи къ бракамъ раскольниковъ мы не видимъ въ нашемъ законодательствѣ, такъ что напримѣръ остается неизвѣстнымъ, можетъ ли раскольникъ, которому недостаетъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ до брачнаго совершеннолѣтія, испросить разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ, и къ кому именно онъ долженъ обращаться за этимъ разрѣшеніемъ.

Итакъ, въ виду всего вышесказаннаго, едва ли возможны какія либо сомнѣнія въ томъ, что закономъ 19 апрѣля 1874 г. введенъ былъ у насъ гражданскій бракъ для раскольниковъ, чѣмъ, само собою разумѣется, оказано было величайшее благодѣяніе раскольникамъ, не имѣвшимъ до того времени возможности создать для себя легальное семейное положеніе. И какъ бы ни казалось непривычною нашему сознанію идея гражданскаго брака, какъ секуляризованнаго и отрѣшеннаго отъ религіи государственнаго учрежденія, идея эта должна была явиться и у насъ, какъ историческая необходимость.

Но допустимъ даже, что со временемъ раскольничій бракъ будетъ религіознымъ, и что наше законодательство найдетъ возможнымъ преодолѣть тѣ затрудненія къ прямому предписанію совершенія раскольничьихъ брачныхъ обрядовъ, о которыхъ говорилъ государственный совѣтъ при обсужденіи проекта закона 19 апрѣля 1874 г. Допустимъ далѣе, что законъ о бракахъ раскольниковъ будетъ распространенъ и на другія религіозныя секты, не подходящія подъ понятіе раскола, подобно тому, какъ онъ распространенъ уже на баптистовъ. И тогда мы все таки неизбѣжно должны будемъ считаться съ идеей и съ названіемъ, однимъ словомъ, съ учрежденіемъ гражданскаго брака. Трудно сказать, всегда ли православное духовенство будетъ безпрепятственно вѣнчать всѣ браки, которые государствомъ

допускаются по уважительнымъ государственнымъ соображеніямъ, въ силу сознанія необходимости внести ясность и прочность въ отношенія сожительствующихъ между собою мужчинъ и женщинъ и ихъ дѣтей. Мы видѣли выше, что иногда даже протестантское духовенство отказывалось совершать церковное священнодѣйствіе для такихъ лицъ, которымъ по государственнымъ законамъ дозволялось вступленіе въ бракъ. До сихъ поръ у насъ въ этомъ отношеніи не возникало никакихъ затрудненій и, можетъ быть, ихъ никогда не будетъ. Но не предполагать только въ возможности, а признать дѣйствительно существующимъ должны мы тотъ фактъ что есть сектанты, не имѣющіе опредѣленной организаціи съ чѣмъ нибудь похожимъ на правильный и устойчивый должностной персоналъ, или даже принадлежащіе къ такимъ сектамъ, самая принадлежность къ которымъ есть преступленіе, предусматриваемое нашими уголовными законами. Тутъ, очевидно, ни о какомъ религіозномъ бракосочетаніи, которое поддерживалось бы государствомъ, не можетъ быть никакой рѣчи, а можетъ быть рѣчь только о гражданскомъ бракѣ, для котораго, пожалуй, неизлишнимъ окажется и облеченіе его въ какую нибудь бракосочетательную форму, не ограничивающуюся регистраціей: вѣдь все таки не лишнее, чтобы кто нибудь, хотя бы государственный чиновникъ, какъ справедливо замѣтилъ Дернбургъ, напоминалъ супругамъ о значеніи брака и о супружескихъ правахъ и обязанностяхъ. Но, можетъ быть, такія лица не заслуживаютъ того, чтобы о нихъ государство заботилось, и чтобы имъ вообще предоставлялось право на вступленіе въ какой бы то ни было законный бракъ? Едва ли правильно будетъ такое разсужденіе, и наше законодательство, повидимому, идетъ не въ этомъ направленіи, дозволивъ въ 1892 г. даже лицамъ, отбываю-

щимъ уголовное наказаніе въ мѣстахъ ссылки, по истеченіи извѣстнаго срока, просить о расторженіи брака съ прежними супругами и о вступленіи въ новый.

Благодаря не прерывающемуся ходу исторической жизни человѣчества, благодаря теоретическому выясненію и практическимъ опытамъ, вырабатываются нѣкоторыя юридическія, соціальныя и политическія аксіомы, которыя не вызываютъ ни въ комъ сомнѣнія и возраженій. Съ дальнѣйшимъ ходомъ исторіи, благодаря возможнымъ въ будущемъ усиліямъ науки и даннымъ опыта, число такихъ аксіомъ будетъ умножаться и будетъ служить наглядными показателемъ успѣховъ въ развитіи человѣчества. Не пора ли причислить къ такимъ аксіомамъ право каждаго подданнаго государства осуществлять такія непосредственно природныя права, какъ право вступленія въ законный бракъ? Положеніе, что каждому подданному должна быть со стороны государства предоставлена возможность осуществленія природныхъ правъ, ни съ принципіальной, ни съ практической стороны, не заключаетъ въ себѣ никакого излишества, не содержитъ въ себѣ ничего чрезмѣрнаго. Не было бы ничего чрезмѣрнаго и въ томъ, если бы мы, повторяя и примѣняя къ Россіи слова Порталиса, произнесенныя имъ когда-то во французскомъ законодательномъ собраніи, сказали слѣдующее: *русскій* государственный, и именно *гражданскій* законъ въ собственномъ смыслѣ, не долженъ насиловать религіозныхъ мнѣній гражданъ, а напротивъ долженъ терпѣть все то, что терпится Провидѣніемъ, и имѣть въ виду только *русскихъ* гражданъ, *русскихъ* подданныхъ, какъ природа видитъ только людей (il faut souffrir tout ce que la providence souffre et la loi, qui ne peut forcer les opinions religieuses des citoyens, ne doit voir que des Français, comme la nature ne voit que des hommes).

Гражданскій бракъ въ предѣлахъ государственной необходимости не есть ни кощунственная пародія на бракъ, ни нападеніе на народную нравственность, ни покушеніе на индивидуальную человѣческую свободу, а означаетъ успѣхъ человѣческой культуры и завоеваніе человѣческаго ума, указываетъ на прогрессъ въ исторіи человѣчества, даже служитъ признакомъ христіанской цивилизаціи, которая, въ отличіе отъ античной цивилизаціи, совершенно смѣшивавшей и сливавшей религіозное съ государственнымъ и государственное съ религіознымъ до насилія надъ совѣстію человѣческою, зиждется на различеніи Божьяго и Кесарева. Это различіе Божьяго и Кесарева не только нѣтъ никакой надобности, но и не слѣдуетъ доводить до полнаго противоположенія между тѣмъ и другимъ, все равно будетъ ли это противоположеніе отстаиваться защитниками церкви, или поборниками интересовъ государства. Портались изъ своихъ, приведенныхъ выше, словъ выводилъ, что законодательство должно быть секуляризовано и что, на основаніи гражданскаго только закона, отрѣшеннаго отъ религіозныхъ требованій, должны быть разрѣшаемы вообще и для всѣхъ вопросы о дѣйствительности, ничтожности и расторженіи брака (les causes de validité, de nullité et de dissolution de mariage). Но этотъ выводъ есть уже принципіальное излишество, теоретическое увлеченіе. Христіанскій Кесарь въ христіанскомъ государствѣ можетъ и долженъ, гдѣ нужно, сглаживать тѣ рѣзкости и разности между церковнымъ и государственнымъ, которыя устанавливаются доктриной при руководствѣ теоретическаго мышленія, т. е. христіанскій монархъ можетъ возводить церковныя учрежденія на степень государственныхъ, какъ скоро это оказывается полезнымъ, цѣлесообразнымъ и необходимымъ для государства, и слѣдовательно въ такой мѣрѣ, въ какой это

сліяніе церковнаго съ государственнымъ не содержитъ въ себѣ нарушенія общечеловѣческихъ и общегражданскихъ правъ.

Изложенныя выше соображенія о бракахъ раскольниковъ и другихъ сектантовъ даютъ видѣть, что государство можетъ оказаться далеко не въ одинаковомъ положеніи по отношенію ко всѣмъ раскольничьимъ и сектантскимъ бракамъ. Не по теоретическому шаблону, а по требованіямъ государственной пользы и необходимости, въ отношеніи къ однимъ бракамъ государство должно поддерживать религіозное начало, придавая ему государственно-законную санкцію, а въ отношеніи къ другимъ, напротивъ, должно отрѣшиться отъ религіознаго начала и регулировать бракъ своими гражданскими нормами.

БИБЛІОТЕКА Е.К. ДЕРЯГИНОЙ БЫВШ. ВИВЬЕНЪ

БИБЛІОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

Оглавленіе.

Предисловіе.
Введеніе 1
Глава I-я. Исторія заключенія брака въ христіанской римской имперіи и на западѣ въ средніе вѣка 12
Глава II-я. Первые опыты введенія гражданскаго брака 30
Глава III-я. Гражданскій бракъ по Code Civil и по другимъ законодательствамъ, усвоившимъ въ большей или меньшей степени принципы французскаго кодекса 49
Глава IV-я. Гражданскій бракъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Норвегіи и въ Австріи 91
Глава V-я. Гражданскій бракъ въ Россіи 106